

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

ФЕВРАЛЬ 1916 г.
№ 2.

Москва.

Годъ изданія пятый.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. На тернистомъ пути. <i>Л. Бурчака</i>	5
II. Общественныя и литературныя вліянія въ первомъ періодѣ творчества Т. Г. Шевченка. <i>Ф. Матушевскаго</i>	16
III. Дѣятельность екатеринославской „Просвіты“ въ 1915 году и ея закрытіе. <i>Просвітянина</i>	36
IV. Москвофильская утопія и объективная дѣйствительность. <i>Н. Ядій</i>	50
V. На бѣлорусскія темы. <i>М. Богдановича</i>	80
VI. Изъ газетъ	86
VII. На Украинѣ и внѣ ея. Панихиды по Т. Г. Шевченкѣ и духовенство. Приостановка „Основы“. Закрытіе Екатеринославской „Просвіты“. Вопросъ о языкѣ въ народной школѣ. Національный вопросъ въ Гос. думѣ. Столѣтіе украинской печати. Выставка украинскаго архитектурно-строительнаго отдѣла харьковскаго лит. худ. кружка. Обыски и аресты въ Полтав. губ. Выселенцы въ Енисейскомъ уѣздѣ. Передача львовской ставропигіи украинцамъ. Уніаты и католики. Голодъ въ Галичинѣ.	91
VIII. Библіографія. <i>М. Плевако</i> . Григорій Квитка-Основьяненко (Одб. з I-го т. Записок Науково-Літературного Відділу Товариства ім Г. Квітки-Основьяненка у Харькові). <i>Д. Д. Ucrainus</i> . La Pologne historique rediviva. Traduit du manuscrit ukrainien par G. V. de Montbrand. Lausanne. <i>М. Жученка</i>	105
IX. Литературная лѣтопись	107
X. Объявленія.	

63.3(2ук)

у-45

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 2.

Годъ изданія пятый.

Москва.—1916 г.

305-29

кр.о

<http://nsl.kiev.ua/>

63.3/24к) 1

<http://lucl.kiev.ua/>

Українська літературна спілка
Українська літературна спілка
Українська літературна спілка
Українська літературна спілка
№ 1

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковский пер., соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. На тернистомъ пути. <i>Л. Бурчака</i>	5
II. Общественныя и литературныя вліянія въ первомъ періодѣ творчества Т. Г. Шевченка. <i>Ф. Матушевскаго</i>	16
III. Дѣятельность екатеринославской „Провіты“ въ 1915 году и ея закрытіе. <i>Провітянина</i>	36
IV. Москвофильская утопія и объективная дѣятельность. <i>Н. Ядій</i>	50
V. На бѣлорусскія темы. <i>М. Богдановича</i>	80
VI. Изъ газетъ	86
VII. На Украинѣ и ввѣ ея. Панихиды по Т. Г. Шевченкѣ и духовенство. Приостановка „Основы“. Закрытіе Екатеринославской „Провіты“. Вопросъ о языкѣ въ народной школѣ. Національный вопросъ въ Гос. думѣ. Столѣтіе украинской печати. Выставка украинскаго архитектурно-строительнаго отдѣла харьковскаго лит. худ. кружка. Обыски и аресты въ Полтав. губ. Выселенцы въ Енисейскомъ уѣздѣ. Передача львовской ставропигии украинцамъ. Уніаты и католики. Голодъ въ Галичинѣ.	91
VIII. Библіографія. <i>М. Плевако</i> . Григорій Квитка-Основьяненко (Одб. з I-го т. Записок Науково-Літературного Відділу Товариства ім Г. Квіткі-Основьяненка у Харькові). <i>Д. Д. Ucrainus. La Pologne historique rediviva. Traduit du manuscrit ukrainien par G. V. de Montbrand. Lausanne. М. Жученка.</i>	105
IX. Литературная лѣтопись	107
X. Объявленія.	

<http://lucl.kiev.ua/>

На терниетомъ пути.

„Возвеличу
Малих отих рабів німих!
Я на сторожи коло них,
Поставлю слово“.

(Т. Шевченко).

„Издающійся въ Одессѣ на малороссійскомъ языкѣ подъ редакціей Гаврилюка журналъ „Основа“ приостановленъ на все время военнаго положенія“ („Р. Слово“ № 31).

Теперь, пожалуй, почувствуютъ себя спокойнѣе не только реакціонеры и враги національной идеи, но и тѣ прогрессивно мыслящіе россіяне, которымъ въ ростѣ украинскаго культурно-національнаго движенія чудилась опасность для „общерусской“ культуры, провидѣлась гидра какого-то „культурнаго сепаратизма“, грозящаго распадомъ и умаленіемъ великой культурѣ.

Теперь все спокойно. Остается только подойти и удостовериться, хорошо-ли заложенъ камнями, прочно-ли замуравленъ склепъ, куда съ давнихъ поръ пытаются запрягать украинскую культуру, науку, литературу, искусство...

Кажется, хорошо и основательно.

Настолько вездѣ тихо и уныло-спокойно, что съ полнымъ основаніемъ покойный А. А. Русовъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ задавался вопросомъ: да есть-ли сейчасъ украинская жизнь? Похоже и вправду на то, что какъ-будто нѣтъ ея. И невольно при рѣшеніи вопроса о томъ, что же мы видимъ передъ собою, какого рода явленія проходятъ передъ нами, что за безмолвіе царитъ на огромной территоріи Украины—безмолвіе-ли кладбища или временное затишье, вызванное искусственными мѣрами,—останавливается взглядъ на прошломъ, на томъ пути, который пройденъ украинской литературой отъ Котляревскаго до нашихъ дней, на томъ пути, гдѣ было такъ много шиповъ и терній, преслѣдованій и издѣвательствъ.

Скорбень путь этотъ, и въ немъ какъ-бы отразилась судьба „геніальнаго горемыки“, не только положившаго

прочное основаніе родной литературѣ, но и давшаго толчокъ всему національному украинскому движенію. Удѣлъ великаго украинскаго поэта, скорбный и тяжкій, сталъ судьбой всей украинской литературы.

Съ одной стороны—давленіе правительства, желавшаго во что бы то ни стало искоренить зловредное сепаратистское движеніе, съ другой—въ лучшемъ случаѣ равнодушное, а въ худшемъ—враждебное отношеніе „собратьевъ по перу“—россиянъ, никакъ не желавшихъ признать за литературой „меньшихъ братьевъ“ права на существованіе, и, наконецъ, съ третьей—ядъ денационализаціи, проникшій въ ряды украинской интеллигенціи, уносившій оттуда много силъ и немало оскорблявшій литературу.

Все это вмѣстѣ взятое создавало ту атмосферу, въ которой одни, вѣчно преслѣдуемые и заподозрѣваемые, упорно шли своимъ путемъ, всѣ силы вкладывали въ служеніе литературѣ, немногими читаемой, мало извѣстной, „мужичкой“, другіе, не вѣря въ успѣхъ этого дѣла и большею частью не сочувствуя ему, шли по линіи „наименьшаго сопротивленія“ и несли свой талантъ хотя и родственной, но все-же не своей родной литературѣ.

Одни изъ нихъ, какъ Гоголь, чувствовали временами какое-то душевное раздвоеніе, задавались вопросомъ: „хотѣла бы душа или русская; другіе, какъ Мордовцевъ, чувствовали даже моментами потребность „привселоудно зложити покуту в тѣм, що мало послужили на користь рідному краеві і його мові“, и, наконецъ, третьи, какъ Данилевскій, Мачтетъ, Короленко, сразу и безповоротно отбивались отъ родной стаи (выражаясь языкомъ Мордовцева) и не чувствовали потребности когда-либо вновь присоединяться къ ней.

О писателяхъ, пришедшихъ въ русскую литературу съ Украины, я упомянулъ не съ тѣмъ, чтобы произнести по адресу ихъ слова осужденія, а только лишь съ тѣмъ, чтобы не обойти молчаніемъ и этого интереснаго явленія, подобнаго которому едва-ли можно найти что-либо въ литературахъ нашихъ сосѣдей. Оно также было однимъ изъ необходимыхъ слѣдствій того положенія, какое занимала украинская литература и украинскій литераторъ въ Россіи. Несовершенство, недостаточная обработанность языка, ограниченность аудиторіи отсутствіе печатныхъ органовъ, со страницъ которыхъ можно говорить съ читателями, дена-

ціоналізованная семья и обрусительная школа — все это создавало почву для этого своеобразнаго литературнаго „бѣженства“.

Не каждый могъ и не каждый хотѣлъ испытывать участь украинскаго писателя, претерпѣвать бичи и скорпіоны, сыпавшіеся на украинскую литературу.

Подробно останавливаться на тѣхъ преслѣдованіяхъ, какія претерпѣвала украинская литература съ цензурныхъ и всякихъ иныхъ сторонъ, я не имѣю въ виду, а остановлюсь лишь на нѣсколькихъ наиболѣе любопытныхъ моментахъ, которые проливаютъ достаточно свѣта въ эту область.

Достаточно вспомнить запрещеніе и изытіе изъ продажи въ 1847 году по особому повелѣнію „Кобзаря“ Шевченка, „Повѣсти объ украинскомъ народѣ“ Кулиша, „Украины“ его же и „Михаила Чернышенка“; Украинскихъ балладъ Костомарова; злословіе такой невинной книжки, какъ „Южно-русскія народныя пѣсни“ Метлинскаго, и полное изуродованіе цензурой „Альманаха“ того же Метлинскаго, чтобы составить себѣ представленіе объ отношеніи цензуры къ украинскому печатному слову. Но эти были только цензурныя урѣзки. Тогда слѣдили за тѣмъ, чтобы „въ украинскихъ книгахъ, гдѣ трактуется о народности и рѣчи украинской, украинцы не давали предпочтенія любви къ родинѣ передъ любовью къ отечеству“¹⁾, изгоняли крамолу, но до полной ликвидаціи литературы еще не доходили.

Первой ласточкой въ направленіи полнаго запрещенія украинскаго слова нужно считать секретное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру народнаго просвѣщенія отъ 8 іюля 1863 г. за № 394, въ заключительной части котораго говорится: „Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ свѣтѣйшаго синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы въ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; съ пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ и учебныхъ, вообще назначенныхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться“.

¹⁾ Н. Фабрикантъ. Изъ исторіи отнош. русск. цензуры. законовъ къ украинской литературѣ.

За этимъ актомъ послѣ небольшого промежутка, стѣсненнаго нѣкоторымъ ослабленіемъ цензурнаго нажима, послѣдовалъ (18 мая 1876 года) извѣстный указъ, въ которомъ было сказано: „1) Не допускать ввоза въ предѣлы имперіи безъ особаго на то разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчій. 2) Печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ-же нарѣчій воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ-же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. 3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчій, а равно и печатаніе на таковомъ текстѣ къ музыкальнымъ нотамъ“.

Легко представить себѣ, какіе „анекдоты“ могли получаться на почвѣ послѣдовательнаго проведенія въ жизнь указа 1876 года.

Композитору Н. В. Лисенко, напр., цензура разрѣшила печатать музыку оперы „Черноморці“, а текста къ ней и оглавленія не разрѣшила. То же самое приключилось и съ Сокольскимъ, авторомъ оперы „Тарасъ Бульба“. „На одномъ изъ сборниковъ дѣтскихъ украинскихъ рассказовъ, — говоритъ г. Фабрикантъ въ статьѣ, цитированной выше, — главное управленіе по дѣламъ печати сдѣлало такую надпись: „Написано, очевидно, для дѣтей, но они должны учиться по-русски—воспретить“. На цѣлый рядъ пьесъ Старицкаго и Кропивницкаго цензура накладываетъ свое veto не за содержаніе и направленіе, а исключительно потому, что онѣ написаны на малороссійскомъ нарѣчій.

И въ такихъ условіяхъ украинское печатное слово жило не годъ, не два, а десятки лѣтъ, вплоть до октябрьскихъ дней 1905 года.

Исторія русской цензуры въ ея отношеніи къ русской литературѣ это—сборникъ анекдотовъ, при чтеніи кото-

рыхъ, правда, всегда хочется сказать: „все это было-бы смѣшно если бы не было такъ грустно“, но правительственная политика по отношенію къ украинской литературѣ, какъ мы видимъ, была такова, что нѣтъ ни капли преувеличенія въ словахъ Н. Фабриканта: „Украина была-бы сравнительно счастлива, если-бы цензурные законы примѣнялись по отношенію къ ней хотя-бы въ такой степени, какъ въ Великобританіи, какъ въ Польшѣ, Финляндіи“. Тутъ велась уже борьба не только съ идеями, мыслями, „вольнымъ духомъ“, а съ самимъ словомъ.

Оттуда, гдѣ украинскій языкъ былъ, его старались вытѣснить, туда, гдѣ его еще не было (школа, учрежденія), его не пускали и этими мѣрами думали погасить совершенно слабое пламя украинскаго національнаго движенія.

Въ видѣ незыблемой истины было утверждено, что украинскаго, языка нѣтъ, а то, на чемъ украинцы изъясняются—вымирающее „нарѣчіе“.

„Нельзя разрѣшать къ печатанію грамматику языка, который обреченъ на небытіе“,—было заявлено одному изъ кievскихъ ученыхъ (въ 1877 г.), представившему въ цензуру составленный имъ „Опытъ грамматики малорусскаго языка“.

Этотъ принципъ, быстро и легко воспринятый администраторами всѣхъ видовъ и ранговъ, неукоснительно проводился ими въ жизнь, и у украинскаго литератора была отнята не только возможность печататься здѣсь, въ русской Украинѣ, но его лишали и читательской аудиторіи: отъ „младыхъ ногтей“ учили населеніе на чужомъ языкѣ, низводили родной языкъ на положеніе „хлопскаго“, насильно прививали чужую культуру, и если все-же, выросши, человекъ тянулся къ украинской книгѣ, его признавали явно „неблагонадежнымъ“, трактовали какъ „мазепинца“, „сепаратиста“...

При такихъ обстоятельствахъ писать по-украински было сплошнымъ подвижничествомъ, и если съ полнымъ основаніемъ Шевченка можно было называть „геніальнымъ горемыкой“, какъ называлъ его Н. Стороженко, то съ такимъ же основаніемъ названіе „горемыкъ“ можно приложить и почти ко всѣмъ украинскимъ писателямъ, работавшимъ для родной литературы.

Печальныя страницы найдете вы, перелистывая исторію литературы русской,—страницы, говорящія объ исковерканныхъ рукою жандарма человѣческихъ жизняхъ, загубленныхъ талантахъ.

Но не найдете вы тамъ такой суровой мѣры, какая была проявлена по отношенію къ украинскому поэту, которому запрещено было писать в о в с е. Недостаточно было сдать его въ солдаты, сослать въ отдаленную крѣпостцу,—нужно было лишить его послѣдняго утѣшенія. И доля поэта стала судьбой его земляковъ, его литературныхъ дѣтей.

Переверните страницу и вы увидите, какъ подъ дѣйствиємъ суровыхъ условій прячется по темнымъ угламъ поэзія Я. Щоголева, какъ пишетъ свои прекрасныя стихотворенія безъ надежды видѣть ихъ когда-либо въ печати Степанъ Руданскій, какъ безвременно гаснетъ жизнь молодого бытописателя Ан. Свидницкаго, автора талантливой хроники семьи Люборацкихъ, какъ переписываетъ печатными буквами составленныя имъ для школьниковъ книжки Б. Гринченко...

„Старшія мои дѣти,—сообщилъ въ своей автобіографіи Щоголевъ,—просили меня, чтобы я писалъ для нихъ. Я и писалъ имъ до 1878 г.“ Въ этомъ году поэтъ стоитъ совершенно одинокимъ: его дѣти умираютъ,—умираютъ тѣ, для кого онъ писалъ.

„И писать стало не для кого“,—говоритъ поэтъ. Въ душѣ каждого, кто любитъ свою родину, кому дороги ея литература, искусство, наука, кто цѣнитъ ея духовныя богатства и возможности, больно отзвучатъ эти скорбныя фразы, и горькую обиду долженъ чувствовать онъ.

Украинскаго поэта и беллетриста даже изъ тѣхъ, имена которыхъ знаютъ не только русскіе читатели, но и западно-европейскіе, можно было чаще всего видѣть въ канцеляріяхъ, на статистическихъ работахъ, на бойняхъ, въ конторахъ, банкахъ. Тамъ они растрачивали свои силы, энергію, а для родной близкой имъ сферы оставались какіе-то жалкіе обрывки времени; для литературной работы оставались короткіе досуги, обычно оставляемые людьми для отдыха. „Я никогда,—говоритъ Гринченко,—не принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые все свое время могутъ отдавать пѣснѣ. Для поэзіи у меня оставались лишь короткія минуты, только свободное отъ работы время,—отъ работы иногда дорогой и милой для меня, большею-же частью тяжелой, заработной. Моя пѣсня—это отдыхъ отъ труда, это моя рабочая преза—молитва.—Если это и не придаетъ моимъ стихамъ большой литературной цѣнности, то

все-же они могутъ заинтересовать читателя, пережившаго вмѣстѣ со мной послѣднія двадцать лѣтъ съ ихъ слезами и надеждами и такъ же, какъ и я, искавшаго хотя одну искру свѣта въ окружавшей насъ безпросвѣтной тьмѣ“¹⁾).

Биографіи украинскіхъ писателей—скорбныя страницы, и, перечитывая ихъ, знакомясь съ тьмѣ, какъ жили и работали такіе хорошо всѣмъ читателямъ извѣстные люди, какъ Коцюбинскій или Гринченко, можно только удивляться, откуда брали они силы, какъ могли дѣлать то, что ими сдѣлано.

Условія, въ какихъ жила Украина, зародилась и развивалась украинская національная идея, условія жизни и развитія литературы украинской таковы, что понятными становятся всякому тѣ печальныя мелодіи, какія слышимъ въ произведеніяхъ многихъ поэтовъ Украины и тотъ пессимистическій налетъ, который лежитъ на произведеніяхъ многихъ ея беллетристовъ.

Но, содрогаясь отъ ужаса при взглядѣ на окружающее, печалась печалью народной и тоскуя, украинскій писатель не складывалъ оружія, не переставалъ вѣрить въ конечное торжество той идеи, для которой и во имя которой онъ жилъ и работалъ. Онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ и „зерна неправды за собою“, что дѣло его правое и оно должно побѣдить.

„Та гей, бики! Ломить бадилля,
Ломить його, валить на прах,—
Нехай не буде того зілля
На нашихъ батьківськихъ полях!
А чересло мое із—ліва,
Леміш із правої руки
Зітнуть і корінь того зілля,—
Чого ж ви стали?—Гей, бики!“

(Руданскій).

Такъ пѣлъ поэтъ, жизнь котораго не дала ему ни одного свѣтлаго момента, вѣрилъ въ конечную побѣду, и черезъ нѣсколько десятилѣтій стало яснымъ и очевиднымъ, что вѣра эта была построена не на песокъ.

Цѣлью гоненій, воздвигнутыхъ противъ украинцевъ и украинства вообще и противъ литературы украинской въ частности, была полная ассимиляція украинской народности, уничтоженіе всѣхъ тѣхъ элементовъ

¹⁾ Б. Гринченко. Писання, т. 1.

изъ которыхъ складывается національное бытіе украинскаго народа, главнымъ-же образомъ языка, но...

Но идеи оказались очень живучими, а упраздненіе языка тридцатипятимилліоннаго народа, хотя-бы это и былъ языкъ, „обреченный на небытіе“,—фата-морганою, тѣшившей цѣлыми десятилѣтіями глазъ російскихъ администраторовъ.

Какъ только въ 1905 году съ украинскаго слова сняли тяжелый запретъ, появились на фонѣ культурной жизни Украины газеты, журналы, оживился книжный рынокъ, вынырнулъ откуда-то читатель, съ опаской поглядывая по сторонамъ, потянулся за украинской книжкой и газетой, и сразу стало яснымъ, что всѣ старанія, направленные на то, чтобы „не было никакой розни и особаго нарѣчія“, не оправдали себя. Много было исковеркано жизней и талантовъ, замедлился ходъ культурно-національной жизни, но слово украинское не захирѣло.

Стало яснымъ и очевиднымъ, что Катковы, Юзефовичи, Валуевы и ихъ дружи и соратники ошиблись въ расчетахъ, упустили изъ виду, строча одни свои доносы, другіе свои циркуляры и предписанія, что административныя мѣры воздѣйствія и устрашенія не могутъ вычеркнуть изъ сферы культурной жизни—культуру цѣлой націи, что росчеркъ пера не выводитъ изъ строя живыхъ языковъ языкъ той или иной народности, что стремленіе человѣка къ своему родному близкому и понятному сильнѣе всѣхъ мѣръ воздѣйствія.

Мы не будемъ указывать того, что именно было сдѣлано въ области литературы украинской за девятилѣтній промежутокъ времени (1905—1914 г.), какъ быстро росла книжная продукція, увеличивался интересъ къ украинской книгѣ, росло въ ширь и глубь украинское національное движеніе. Все это произошло у насъ на глазахъ, и воочію мы убѣждались въ томъ, что справлять призу надъ украинской національной идеей рано и факельщики въ мундирахъ и безъ мундировъ нѣсколько поспѣшили. Убѣждало насъ въ томъ, что дѣло національнаго возрожденія Украины стоитъ вѣрно и прочно, и то обстоятельство, что на украинцевъ стали нападать и съ тыла, походомъ пошли не только представители реакціонной мысли, не только „бутербродные“ люди, но и „прогрессивно мыслящіе“ профессора, отстаивавшіе въ этомъ дѣлѣ интересы государства въ его цѣломъ, интересы единства культуры... Украинство вышло на

широкую дорогу. Все чаще и чаще встрѣчали мы переводы украинскихъ авторовъ на русскій языкъ, появились они во Франціи, Англии, Италіи. Украинская литература, обходящаяся „простонароднымъ грубо-необработаннымъ украинскимъ нарѣчіемъ“ (Катковъ), тихо и скромно заняла мѣсто въ ряду прочихъ европейскихъ литературъ. Но силою вещей литературѣ этой и послѣ всѣхъ испытаній, ранѣ бывшихъ, не суждено было развиваться въ условіяхъ нормальныхъ.

Украинская книга всегда и при всякихъ условіяхъ, съ конституціей и безъ конституціи, въ періодъ „междудумья“ и во время думскихъ сессій, въ моменты политической апатіи и подъемовъ оставалась книгой, которую только терпѣли. Причемъ терпѣли только въ Петроградѣ, терпѣли для приличія, а въ провинціи, гдѣ, какъ извѣстно, въ особенности чувствуется, что „до Бога высоко, до царя далеко“, съ ней не церемонились. Ея не пускали въ школьную бібліотеку, за чтеніе ея сажали въ карцеръ, а то и изгоняли; тѣми, кому это вѣдать надлежитъ, велась тщательная регистрація элементамъ, читающимъ на „крамольномъ“ языкѣ книги и газеты (можетъ быть, даже болѣе тщательная, чѣмъ лицамъ, находящимся подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ), и, когда нужно было, имъ дѣлали внушенія...

У насъ не успѣло еще сгладиться въ памяти чествованіе памяти Шевченка въ 1913 году, еще свѣжи всѣ юбилейные сюрпризы.

Такъ было передъ войной.

А съ первыми пушечными выстрѣлами было признано своевременнымъ и необходимымъ опять „упразднить“ украинскую печать. Уже второй годъ на территоріи россійской Украины нѣтъ печатныхъ украинскихъ органовъ.

Прежніе, выходившіе до войны, закрыты, а новые разрѣшаются къ выпуску съ тѣмъ, чтобы ихъ закрывать. Со второго номера было остановлено изданіе агрономическаго журнала „Тепла Роса“, мотыльковый вѣкъ прожила харьковская газета „Слово“, всего лишь три номера удалось выпустить редакціи „Основы“.

Безполезно задумываться надъ тѣмъ, чѣмъ вызваны репрессіи въ отношеніи украинской печати и литературы, бесполезно доказывать несвоевременность такихъ экспериментовъ надъ душою народа, бесполезно пытаться про-

никнуть въ пути административнаго творчества. Вѣдь борьба съ украинскимъ словомъ—явленіе не сегодняшняго дня, и неизмѣнно въ основѣ ея лежитъ стремленіе все привести къ единообразію, ибо „разнообразіе“ въ этой области является матерью „сепаратизма“, „мазепинства“ и прочихъ жупеловъ, чудящихся и „недреманному“ оку администратора, и истинно-русскому охранителю государственныхъ устоевъ, и либеральному публицисту, обратившемуся на стезю добродѣтели.

Все это, какъ мы видимъ, не ново. Удивительно стары и однообразны приемы воздѣйствія на украинскую печать, но не однообразіе этихъ способовъ мнѣ хотѣлось отмѣтить. Въ исторіи это далеко не единственные случаи повтореній. Важно то, что одинаковыя явленія, одинаковыя факты обычно даютъ одни и тѣ же эффекты, влекутъ за собою одни и тѣ же слѣдствія.

И можно заранѣе съ увѣренностью сказать, что и теперь повторится старая исторія: репрессіи и преслѣдованія не достигнуть своей цѣли не заглушаютъ звуковъ украинской рѣчи, не загоняютъ украинскаго языка въ положеніе провинціального нарѣчія, не заставятъ украинца перестать писать и печатать по-украински.

Репрессіями можно загнать идею въ подполье, можно вытѣснить печать за рубежъ (какъ это было послѣ указа 1876 года), можно изломать жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, отправить работу всякому культурному работнику, но... не больше. Быть можетъ, отсюда возникнетъ вопросъ, какой же смыслъ всѣхъ этихъ утѣсненій, цѣлесообразно ли расходовать столько силъ и энергіи для того, чтобы добиться столь незначительныхъ по существу дѣла результатовъ. Такимъ вопросомъ, вѣроятно, многимъ приходилось задаваться, но отвѣтъ на него могутъ дать, по дѣламъ вѣроятія, только творцы и вдохновители всей этой политики.

Наша же вѣра въ будущее, въ успѣхъ работы на пользу украинской національной идеи никоимъ образомъ не можетъ поколебаться отъ тѣхъ ударовъ, какіе падаютъ на наши плечи.

Тернистъ и труденъ путь, по которому идетъ украинская литература, но въ прошломъ есть много моментовъ, усугубляющихъ въ насъ вѣру въ будущее, и, сколько бы ни каркало воронье вокругъ, мы твердо знаемъ, что какъ

только событія сегодняшняго дня отойдутъ въ область исторіи, съ удвоенной энергіей и силой забьеть струя культурной жизни на Украинѣ, а репрессіи и гоненія, воздвигаемыя противъ украинскаго слова, въ результатъ будутъ имѣть только укрѣпленіе принциповъ истиннаго демократизма и реализма въ украинской литературѣ,—принциповъ, всегда присущихъ литературѣ, борющейся за свое существованіе.

Л. Бурчакъ.

<http://luc1.kiev.ua/>

Общественныя и литературныя вліянія въ первомъ періодѣ творчества Т. Г. Шевченка.

I.

XIX в. въ исторіи развитія общественныхъ идей есть по преимуществу вѣкъ демократическихъ идеаловъ, и въ значеніи такового онъ, несомнѣнно, перейдетъ въ потомство, потому что въ XIX ст. расцвѣли и плучили научно-общественное обоснованіе и художественное воспроизведеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое широкое распространеніе идеи демократизма. Подъ знакомъ этихъ идей получила развитие политическая и общественная жизнь націй державныхъ, государственныхъ и, — что особенно важно для насъ, — жизнь націй негосударственныхъ, „мужицкихъ“. Подъ вліяніемъ идей демократизма эти угнетенныя и, казалось, обреченныя на смерть націи, — не только въ смыслѣ политическомъ, но и культурномъ, въ смыслѣ умственного и нравственного бытія, — начали пробуждаться, воскресать и итти по пути самосознанія и самоопредѣленія.

Въ этомъ процессѣ воскресенія угнетенныхъ и заживо погребенныхъ націй плебейскихъ украинской націи принадлежить далеко не послѣднее мѣсто. Начало ея пробужденію положилъ родоначальникъ новой украинской литературы И. Котляревскій. Но истиннымъ воскресителемъ украинской націи является Т. Г. Шевченко. Муза вдохновеннаго творчества великаго поэта зазвучала въ самые мрачныя годы прошлаго столѣтія, тѣмъ не менѣе она пробудила украинскій народъ къ жизни.

Къ тому времени, когда Шевченко очутился въ обстановкѣ, приведшей его къ пониманію мрачной россійской дѣйствительности и къ уразумѣнію ея причинъ, россійская интеллигенція обладала уже нѣкоторымъ идейнымъ богатствомъ и имѣла въ предшествующемъ поколѣніи даже

опытъ борьбы за освободительныя идеи, но въ то же самое время въ политическихъ и общественныхъ взглядахъ ея царилъ значительный хаосъ. Идеи французскихъ энциклопедистовъ объ естественныхъ правахъ личности, идеи великой французской революціи, провозгласившей права человѣка и гражданина и совершенно отодвигавшей на второй планъ интересы того же человѣка какъ реальной личности, идеи масонства, требовавшего самоусовершенствованія реальной личности и имѣвшаго въ виду такимъ путемъ привести общество къ нравственному перерожденію и освобожденію, политическія и социальныя идеи недавно разгромленныхъ декабристовъ, идеи романтизма и романтической философіи Шеллинга, Фихте и Гегеля, идеи утопическаго социализма и начала нарождавшагося реализма,—вотъ въ общихъ чертахъ та смѣсь взаимно переплетавшихся идейныхъ теченій, ареной какихъ было интеллигентное россійское общество во второй половинѣ XIX ст.

305-29

Что же касается собственно социально-политическаго сознанія интеллигенціи, то оно значительно отодвинулось назадъ въ сравненіи съ таковымъ же сознаніемъ предшествующаго поколѣнія. Декабристы въ области политическихъ вопросовъ являлись противниками абсолютизма и федералистами; въ области социальной—сторонниками уничтоженія сословій и связанныхъ съ ними привилегій и установленія равенства; на политическую реформу они смотрѣли какъ на переходную ступень къ реформамъ социально-правовымъ. Пестель, стоявшій во главѣ Южнаго Общества декабристовъ, ясно понималъ, что „главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массаи народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными“. И мы знаемъ, что его знаменитая „Русс. Правда“ является стройной по формѣ и глубокой по содержанію системой политико-соціальной реформы, уничтожавшей абсолютизмъ и сословный строй съ его привилегіями и устанавливавшей безусловное равенство всѣхъ передъ закономъ. Но, стремясь прежде всего къ политическому перевороту, какъ необходимой переходной ступени къ реформѣ социальной, Пестель понималъ, что центръ тяжести лежитъ въ послѣдней и именно въ вопросѣ земельномъ: „необходимо отдать землю крестьянамъ,—тогда цѣль будетъ достигнута“. Чтобы судить о степени распространенности идей декабризма,

нужно помнить, что по подсчету императора Николая I число декабристовъ достигало 6 тысячъ и что Пестель въ Южномъ Обществѣ, самомъ радикальномъ и многочисленномъ, дѣйствовавшемъ на Украинѣ, пользовался громаднымъ авторитетомъ и имѣлъ много безусловныхъ сторонниковъ. Разгромъ интеллигенціи и наступившая послѣ него жестокая реакція, выдвинувшая официальную теорію, направленную къ полному подавленію личности и общества безграничнымъ авторитетомъ власти, поддерживаемымъ грубой физической силой и утонченнымъ нравственнымъ инквизиторствомъ, хотя и не смогли вырвать съ корнемъ идей декабристовъ, но придавили работу общественной мысли на цѣлое десятилѣтіе, и оборванные нити подавленнаго движенія повисли въ воздухѣ. Пробудившаяся мысль російской интеллигенціи, подхвативъ эти нити, прежде чѣмъ связать ихъ съ насущными вопросами дѣйствительности, должна была цѣлое десятилѣтіе блуждать по лабиринту идей романтизма, переходя отъ вопросовъ эстетики къ вопросамъ этики, а отъ этики—къ вопросамъ чисто метафизической философіи до тѣхъ поръ, пока съ философскихъ высотъ не спустилась на землю, не стала на почву реальной дѣйствительности и не нашла синтеза, чтобы связать идеи романтизма съ жизненнымъ реализмомъ, чтобы дойти до идеи о смыслѣ историческаго процесса, о роли личности и народа въ исторіи и ихъ отношеніи къ государству и наоборотъ. Общественной мысли трудно было выйти изъ этого лабиринта идей какъ вслѣдствіе своей молодости, такъ и тяжелыхъ условій для своего развитія подъ давленіемъ правительственной системы. Отсутствие пониманія общечеловѣческой дѣйствительности вслѣдствіе утраты связи съ дѣйствительностью было настолько велико, что Бѣлинскій, въ своей юношеской драмѣ начала 30-хъ годовъ громившій крѣпостное право, въ концѣ того же десятилѣтія говоритъ о нравственномъ самоусовершенствованіи личности какъ средствѣ перерожденія общества и подъ вліяніемъ философіи Гегеля преклоняется передъ дѣйствительностью, говоря, что въ ней нельзя ничего похулить или низвергнуть“. Мало того, „въ примиреніи съ нею во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни“ онъ усматриваетъ „великую задачу нашего времени“ и въ этихъ видахъ въ рядѣ своихъ статей не только объясняетъ, но и оправдываетъ безправіе, деспотизмъ, всякое политическое и соціально-этическое зло. Въ это же

самое время, когда мысль російской интеллигенціи въ поискахъ путей къ самосознанію путалась въ вопросахъ эстетики, этики и метафизики, ставится вопросъ о смыслѣ историческаго процесса вообще и въ Россіи въ частности. Попытки разрѣшить этотъ вопросъ послужили причиною распадѣнія общественной мысли въ Россіи соотвѣтственно двумъ началамъ—романтизму и реализму—на два теченія: на славянофильство съ преобладающимъ характеромъ романтизма и на западничество съ преобладающимъ характеромъ реализма. Постановка вопроса о смыслѣ историческаго процесса дала толчокъ романтическимъ элементамъ интеллигенціи направить все свое вниманіе на Россію и на Востокъ съ ихъ православіемъ и автократизмомъ, соединить крайнюю идеализацію прошлаго съ увлеченіемъ современной идеей народности, и реалистическимъ—на Западъ съ его радикализмомъ и раціонализмомъ при крайне отрицательномъ отношеніи какъ къ прошлому, такъ и къ настоящему укладу жизни въ Россіи. Въ періодъ такого идейнаго разброда среди російской интеллигенціи Шевченко очутился въ Петербургѣ, вступивъ въ непосредственное общеніе съ ея верхами. Очевидно, что петербургское общество, въ средѣ котораго вращался Шевченко, было не въ состояніи дать будущему поэту настоящее умственное и общественное развитіе, довести его до уразумѣнія политико-общественныхъ отношеній, указать на опредѣленные идеалы и намѣтить пути къ ихъ достиженію. Тѣмъ не менѣе Шевченко много обязанъ Петербургу за то, что послѣдній далъ ему въ эту пору его жизни. Кругъ петербургской интеллигенціи, принявшей участіе въ судьбѣ будущаго генія Украины, во-первыхъ, при помощи русской литературы положилъ то основаніе, на которомъ впослѣдствіи развилось общее гуманистическое и отчасти политическое міросозерцаніе пѣвца Украины, а во-вторыхъ при помощи просвѣщенныхъ украинцевъ онъ далъ естественному чувству глубокой привязанности Шевченка къ его прекрасной родинѣ первый и довольно сильный толчекъ къ превращенію этого инстинктивнаго и недѣятельнаго чувства въ сознательную, страстную и дѣятельную любовь къ Украинѣ. Данныя біографіи Шевченка, правда, къ сожалѣнію, очень скудныя, говорятъ намъ, съ какой жаждой къ знанію поэтъ, въ званіи ученика академіи художествъ, занялся изученіемъ различныхъ наукъ, связанныхъ съ прохожденіемъ курса академіи; съ

какой жадностью онъ поглощалъ книгу за книгой, стараясь наверстать потерянные то въ передней своего помѣщика, то на чердакѣ „мастера малярнаго цеха“ Ширяева свои лучшіе юношескіе годы. За всѣмъ тѣмъ Шевченко находить время для чтенія произведеній современной русской литературы и журналистики, равно какъ и для изученія исторіи и литературы своей родины. Въ дѣлѣ пробужденія національнаго самосознанія Шевченка, несомнѣнно, сыграло видную роль знакомство его съ Гребенкой, въ библіотекѣ котораго Шевченко могъ найти труды по этнографіи и исторіи Украины Бантышъ-Каменскаго, Максимовича, Срезневскаго, Лукашевича и др., равно какъ и беллетристическія произведенія украинскихъ писателей: Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Квитки, самого Гребенки и др. Изъ трудовъ по исторіи Украины едва ли не наибольшее вліяніе на возбужденіе въ поэтѣ романтическаго настроенія оказала „Исторія Руссовъ“. На-ряду съ Библіей она была настольной книгой у Шевченка и оставила глубокой слѣдъ на поэтическомъ творчествѣ и политическихъ взглядахъ его. Нужно сказать, что произведеніе это, обращавшееся въ украинскомъ обществѣ во множествѣ списковъ, пользовалось громадной популярностью. О степени распространенности и силѣ воздѣйствія „Исторіи Руссовъ“ на общественное мнѣніе можно судить по тому факту, что списки съ нея доходили даже до Галиціи, связи которой съ Украиной были въ это время болѣе чѣмъ слабы.

Кромѣ того, тѣ же данныя біографіи Шевченка, равно какъ и внимательное изученіе его творчества, указываютъ на то, что Шевченко былъ знакомъ и съ современной ему польской литературой. Къ сожалѣнію, изученіе творчества Шевченка со стороны вліянія на него русской и польской литературы еще ждетъ своего изслѣдователя, но въ то же время какъ вліяніе первой, повидимому, является безспорнымъ; вліяніе второй подвергается сомнѣнію, въ виду чего мы и считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Воздѣйствіе польской литературы на украинскую и въ частности на Шевченка, особенно польско-украинской школы, оставившей значительный слѣдъ въ польской литературѣ и общественности, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Время и обстоятельства не только не успѣли стереть этого слѣда, а, напротивъ, обновили и усилили его. Значеніе его ска-

залось особенно въ 60-е годы и въ наше время, когда среди польско-украинской шляхты появилась болѣе или менѣе значительная группа лицъ, заявившая о своей кровной и духовной связи съ украинскимъ народомъ, о сознании своихъ обязанностей передъ нимъ и о своей готовности исполнять ихъ.

Начиная съ 20-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ польской литературѣ подъ влияніемъ общеевропейскаго умственнаго и литературнаго движенія, а также своихъ національно-политическихъ переживаній, началась критика установившихся литературныхъ традицій и проповѣдь необходимости народности въ литературѣ. Молодые польскіе поэты подъ влияніемъ нѣмецкой и англійской романтической поэзіи въ поискахъ сюжетовъ обратились къ собственной исторіи и къ народу. Центрами новаго умственнаго и литературнаго теченія были Вильно и Кременецъ, такъ какъ здѣсь сгруппировалась учащаяся литовская и украинская молодежь польской культуры. Изъ поэтовъ польско-литовской школы самое сильное влияніе на украинскую литературу принадлежитъ Мицкевичу: его обращеніе къ народнымъ преданіямъ и пѣснямъ, горячій патріотизмъ и романтическая идеализація прошлаго Литвы во многомъ совпадали съ настроеніемъ украинскихъ писателей, также воодушевленныхъ горячей привязанностью къ Украинѣ, ея историческимъ преданіямъ и думамъ народнымъ. Этимъ объясняется влияніе Мицкевича на Гулака-Артемовскаго, Маркевича и особенно Метлинскаго, а также и на Шевченка. Послѣдній зналъ польскій языкъ, любилъ поэзію Мицкевича и даже пытался переводить его на украинскій языкъ.

Но кромѣ Мицкевича на поэтическое творчество Шевченка, какъ и его предшественниковъ, должна была оказать влияніе польско-украинская школа писателей, съ произведеніями которыхъ Шевченко также былъ хорошо знакомъ. Новое умственное и литературное теченіе въ польской литературѣ открыло глаза польско-украинской интеллигенціи на родной ихъ край. Природа Украины, богатая событіями исторія ея, неисчерпаемая богатства народнои поэзіи сдѣлались для писателей польско-украинской школы источникомъ поэтическаго вдохновенія.

Но помимо увлеченія романтическимъ литературнымъ теченіемъ польско-украинское общество вмѣстѣ съ русскимъ, только въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣднее,

переживало періодъ увлеченія романтизмомъ поэтическимъ. Открытіе варшавскаго сейма пробудило среди польско-украинскаго шляхетства надежды на возможность политической борьбы, а одновременная подготовка къ политическому перевороту среди русской интеллигенціи являлась до извѣстной степени гарантіей благопріятнаго исхода этой борьбы. Извѣстно, что поэтъ польско-украинской школы Тылько Падурра былъ знакомъ съ Рылѣвымъ и являлся представителемъ польской шляхты въ Южномъ Обществѣ декабристовъ.

Муза польско-украинскихъ поэтовъ звучала съ особой силой въ восхваленіи польско-украинской старины, былого блеска и славы военныхъ подвиговъ украинскаго шляхетства и казачества, въ элегическомъ воспѣваніи Днѣпра, широкихъ степей и могилъ.

Но украинская старина и современная жизнь получала не одинаковое освѣщеніе въ литературной школѣ польско-украинскихъ поэтовъ, такъ какъ въ ней было нѣсколько теченій. Одно—казакофильское, проникнутое духомъ политическаго романтизма и преслѣдовавшее революціонныя цѣли, восхваленіемъ казацко-шляхетской Украины и ея героевъ стремилось воскресить въ обществѣ замершій духъ воинскихъ подвиговъ, чтобы поднять знамя возстанія для возстановленія казацко-шляхетской Польши съ Русью-Украиной.

Другое теченіе, напротивъ, имѣло въ виду безпристрастное воспроизведеніе украинской старины и показывало неприкрашенную историческую правду, къ неудовольствію писателей первой группы, въ изображеніи печальныхъ страницъ исторіи польско-украинскихъ отношеній.

Наконецъ, третье теченіе, относившееся отрицательно къ казакофильству, направило свое вниманіе на украинскую поэзію, обычаи и бытъ народа въ цѣляхъ эстетическихъ и научныхъ.

Изъ отмѣченныхъ здѣсь направленій казакофильство пользовалось въ извѣстныхъ слояхъ польско-украинскаго общества значительнымъ успѣхомъ и вліяніемъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, казакофильская литература по содержанію отвѣчала патріотическому настроенію общества; во-вторыхъ, она соотвѣтствовала общему невысокому культурному уровню массы польско-украинской шляхты; въ-третьихъ, увлекала формой и, наконецъ, въ-четвертыхъ,

успѣху ея немало содѣйствовали и сами поэты-казакофилы своимъ личнымъ образомъ жизни: о Падуррѣ, на-примѣръ, извѣстно, что онъ подѣ видомъ „лирника“ обошелъ почти всю Украину и былъ даже на Кубани у черно-морскихъ казаковъ; то же извѣстно и объ этнографѣ Хо-даковскомъ. Кромѣ того, что касается правобережной Ук-раины, то литература школы польско-украинскихъ писателей была едва ли не единственнымъ или по крайней мѣрѣ глав-нымъ матеріаломъ для чтенія до половины XIX ст. не только лишь въ средѣ польскаго общества, такъ какъ до указаннаго времени и даже еще десятилѣтіе спустя здѣсь не русскій, а польскій языкъ являлся языкомъ интеллиген-ціи и почти всего не-крестьянскаго слоя населенія, не исклю-чая и духовенства.

Нужно думать также, что успѣху казакофильской лите-ратуры, особенно среди мелкой шляхты, равно какъ и украинской части мѣстнаго общества, въ значительной сте-пени содѣйствовали и тѣ демократическія идеи, которыхъ эта литература не была лишна. Демократизмъ поэзіи ка-закофиловъ былъ не глубокой и стоялъ рядомъ съ восхва-леніемъ польско-шляхетской Украины, но это обстоятель-ство ускользало отъ вниманія мало развитаго въ обще-ственномъ смыслѣ читателя. Помимо ярко выраженаго мѣстнаго колорита, увлекавшаго и захватывавшаго чита-теля, казакофильская поэзія внушала ему нѣкоторыя поли-тическія социальныя идеи о вольности, независимости и братствѣ людей. Эти идеи должны были производить извѣстное впечатлѣніе на мелкую шляхту, испытывавшую на себѣ гнетъ униженія своего человѣческаго достоинства со стороны крупнаго панства, относившагося къ ней въ высшей степени презрительно и гордо.

Особенно же литература писателей польско-украинской школы должна была производить впечатлѣніе тѣми своими мотивами, которые совпадали съ настроеніемъ украинскихъ писателей, и оказывать воздѣйствіе на украинскую лите-ратуру. Польскую и украинскую интеллигенцію въ одинако-вой степени объединяло чувство глубокой скорби о ги-бели стараго строя; и та, и другая въ одинаковой степени въ романтическомъ, доходившемъ до восторженности, увлеченіи минувшимъ чрезмѣрно идеализировала его.

Но въ то время, какъ скорбь польской интеллигенціи въ значительной степени умѣрялась и смягчалась никогда

почти не перестававшей звучать надеждой на возвратъ ми-нувшаго, голосъ украинской музы звучалъ полной безнадежностью. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается объ-ясненіе той слезливости, которой запечатлѣна украинская лирика до-шевченковскаго періода.

Казакофильскіе поэты, какъ золотой вѣкъ польско-украинскихъ отношеній, съ чувствомъ искренней грусти воспѣвали то время, когда „z wieków nie znał pana“; звуками своей вдохновенной лиры они думали воскресить Сѣчь и пробудить украинскій народъ, чтобы дружными совмѣстными усилями возвратить золотой вѣкъ политической сво-боды; они очень рѣзко высказывались противъ іезуитовъ, ставя ихъ на одну доску съ „жидами“; проповѣдывали не-обходимость братскихъ отношеній и единенія во имя об-щихъ интересовъ, чтобы на Украинѣ не было „a ni Niemca a ni Moskala“; съ осужденіемъ и насмѣшкой иногда относи-лись къ крайнему пристрастію польской шляхты къ зна-камъ дворянскаго достоинства и чванству своею родо-витостью и вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, что и поляки, и казаки „jednej matki dzieci“; осуждали негуманное отношеніе поль-ской шляхты къ „хлопу“ и объясняли его какъ общее явле-ніе на почвѣ привилегированнаго положенія властвующихъ классовъ и одобряли поведеніе тѣхъ, кто стремился связать „хлопа и шляхтича узами неразрывнаго братства“. Мало того, сами искренно увлекаясь своими романтически-ми представленіями о казачествѣ и восхваляя его, они не-годовали на тѣхъ польскихъ писателей, которые унижали украинское казачество, изображая его въ видѣ какого-то пьянаго корчемнаго сброда, запачканнаго въ деготь, смолу и сало. Въ такомъ изображеніи казачества они видѣли по-праніе исторической правды и энергично протестовали про-тивъ него, подчеркивая то обстоятельство, что „казатчина украинская имѣла въ своей средѣ Вишневецкихъ, Ружин-скихъ, Острожскихъ, Корецкихъ и Сангушковъ“, которые не были „людьми шинковъ, а панскихъ замковъ и даже ко-ролевскихъ дворцовъ“. Всѣ эти мысли не могли остаться безъ вліянія на польско-украинское общество.

Но между лирикой польскихъ писателей украинской школы и писателей украинскихъ есть одно существенное различіе—въ содержаніи и сущности патріотизма. Польскіе писатели, несмотря на смутное сознаніе своей разобщен-ности съ землями „короны“ и отсутствіе полной солидар-

ности и совпаденія интересовъ съ „коронярами“, тѣмъ не менѣе все-же, мечтали о возстановленіи исторической Польши съ Литвой, Бѣлоруссіей и Русью-Украиной и, проникнутые враждебностью къ „москалямъ“ и Москвѣ, старались привить это чувство и украинскому обществу. Украинскій же патріотизмъ въ этомъ отношеніи не только не совпалъ съ польскимъ, но находился иногда въ совершенномъ противорѣчьи съ нимъ. Нѣкоторые изъ видныхъ представителей украинской литературы до-шевченковскаго періода стояли на почвѣ общерусскаго патріотизма и официальной народности (Квитка, Максимовичъ и Метлинскій); другіе же (Кулишъ, Костомаровъ и Шевченко), относясь отрицательно къ обоимъ патріотизмамъ—польскому и общерусскому,—выдвинули патріотизмъ свой, чисто украинскій на почвѣ идей славянской федераціи.

Но въ польскомъ обществѣ эти идеи подѣ влияніемъ наступившей реакціи послѣ неудачнаго возстанія въ 1831 г. не могли встрѣтить отклика. Польское общество, добываясь политической свободы, въ то же самое время отличалось крайней неустойчивостью въ своихъ политико-соціальныхъ воззрѣніяхъ: послѣднія представляли собою удивительную смѣсь чисто шляхетскихъ стремленій и традицій съ демократическими идеями вѣка, смѣсь чувства горячей любви къ вскормившей ихъ украинской землѣ и романтическаго увлеченія украинской исторіей и народностью съ не менѣе удивительнымъ непониманіемъ тяжести этого самаго народа. Въ этомъ непониманіи лежала одна изъ причинъ враждебнаго отношенія къ украинскому патріотизму со стороны польскаго общества. Враждебность эта не замедлила сказаться, какъ только украинскій патріотизмъ пробудился на правомъ берегу Днѣпра съ одной стороны благодаря открытію въ 1835 г. университета въ Кіевѣ, а съ другой—подѣ влияніемъ музы Шевченка, принявъ при этомъ здѣсь болѣе спеціальную окраску. И только значительно позже, ко времени возвращенія Шевченка изъ ссылки, въ періодъ значительнаго подъема идей демократизма передъ освобожденіемъ крестьянъ, среди польско-украинскаго шляхетства нашлись люди, которые не только сумѣли стать на объективную почву въ оцѣнкѣ украинскаго движенія, но и активно примкнули къ нему подѣ перекрестнымъ огнемъ злобы со стороны шляхты и крайне подозрительнаго отношенія правительства.

Тѣмъ не менѣ польская литература оказала значительное воздѣйствіе на украинскую (Метлинскій, Іеремія Галка) и въ частности на творчество Шевченка.

II.

Господствовавшее направленіе въ живописи, которой Шевченко началъ заниматься со свойственнымъ ему увлеченіемъ, романтизмъ въ наукѣ и литературѣ, соединенный съ крайнею туманностью общественно-политическаго міросозерцанія, и, наконецъ, чисто психологическій моментъ—упоеніе собственнымъ счастьемъ человѣка, получившаго свободу,—все это не могло поставить сразу Шевченка, какъ поэта, на почву реального воспроизведенія жизни. Между тѣмъ какъ вся совокупность факторовъ, воздѣйствовавшихъ на пробужденіе въ Шевченкѣ поэтическаго творчества, толкала его на путь романтизма. Характеромъ романтизма запечатлѣна почти вся поэзія Шевченка перваго періода его литературнаго творчества, съ 1838 по 1843 г. Отъ вліянія романтики Шевченко не освободился и въ дальнѣйшемъ, даже послѣ того, какъ изъ-подъ его пера вышелъ цѣлый рядъ блестящихъ произведеній въ духѣ реализма.

Въ рассматриваемомъ нами періодѣ поэтъ обращается за романтическими сюжетами или къ народной поэзіи и сказаніямъ, воспроизводя ихъ въ формѣ балладъ („Причина“, „Тополя“, „Утоплена“), или же къ украинской старинѣ, давая образы романтической идеализаціи давно минувшихъ дней („Іван Підкова“, „Тарасова ніч“). Духомъ романтизма проникнуты и такія произведенія, какъ посвященія: „На вічну память Котляревському“, „До Основяненка“ и „Н. Маркевичу“. Въ оцѣнкѣ значенія поименованныхъ писателей и ихъ заслугъ передъ родиной Шевченко стоитъ на романтической почвѣ. Съ особенной силой романтическое настроеніе поэта сказывается въ „Перебенді“ и „До Основяненка“.

Среди этой исключительно почти романтической поэзии перваго періода творчества Шевченка одиноко стоитъ поэма „Катерина“, въ которой поэтъ съ лиризмомъ высокаго достоинства изобразилъ печальную судьбу деревенской дѣвушки, отдавшейся „москалю“ и жестоко имъ обманутой и поруганной.

Одновременно съ этимъ Шевченко обращается и къ

историческому эпосу. Уже въ посвященіи Котляревскому звучать ноты романтическаго увлеченія минувшимъ родного края. Покровомъ грусти покрыто въ глазахъ поэта поприще, на которомъ такъ недавно еще подвизался Котляревскій: „Все осталось, все сумуе, якъ руїни Трої“... Там (на Украинѣ) з вітромъ могила в степу размовляє“.

Романтическое увлеченіе историческими судьбами родины не замедлило получить свое выраженіе въ самостоятельныхъ попыткахъ поэтическаго творчества на историческія темы („Іван Підкова“; „Тарасова ніч“; „Гайдамаки“; „Гамалія“), имѣвшихъ цѣлью изобразить борьбу Украины съ ея историческими врагами,—турками, татарами и поляками. Романтическое увлеченіе минувшимъ Украиной было возбуждено въ душѣ поэта знакомствомъ съ трудами по исторіи Украины, а также съ литературой украинской, русской и польской.

Слѣды вліянія польско-украинской поэзіи особенно замѣтны на историческихъ поэмахъ Шевченка перваго періода его литературнаго творчества. Въ это время поэтъ стоитъ, такъ сказать, на голой почвѣ идеализаціи историческаго прошлаго и романтическаго увлеченія геройскими подвигами казацкаго рыцарства. Находясь съ одной стороны подъ сильнымъ вліяніемъ „Исторіи Руссовъ“, проникнутой духомъ казацко-гетманской автономной Украины съ преобладаніемъ мотивовъ политическихъ, а съ другой—подъ вліяніемъ поэзіи польско-украинскихъ писателей, въ которой звучанія соціальныхъ мотивовъ почти совсѣмъ не было слышно, Шевченко въ своей историко-романтической лирикѣ даетъ картины казацко-гетманской жизни и борьбы исторической Гетьманщины съ врагами Украины за вѣру и независимость родины. Онъ воспѣваетъ невозвратное прошлое, какъ иногда, кажется, не столько потому, что видитъ въ немъ опредѣленные и притомъ всеобъемлющіе политико-общественные идеалы, сколько потому, что это прошлое увлекаетъ его прелестью внѣшней красоты и блеска.

При такомъ настроеніи и взглядахъ естественно, что народъ, какъ соціальная масса, какъ факторъ исторіи съ его внутреннимъ разнообразіемъ жизни и интересовъ, у поэта почти отсутствуетъ. Впервые онъ выступаетъ у Шевченка на сцену только въ поэмѣ „Гайдамаки“.

Въ первыхъ же своихъ думахъ-поэмахъ Шевченко прежде всего скорбитъ по поводу славнаго минувшаго

Украины, отошедшаго въ область исторіи безъ всякой надежды на возможность его возвращенія.

Було колись—в Україні
Ревіли гармати;
Було колись—запорожці
Вміли панувати! (Іван Підкова).

Теперь же все это „на віки пропало“, миновало безвозвратно.

Не вернется козаччина,
Не встануть гетьмани,
Не покриють Україну
Червоні жупани. (До Основяненка).

Отъ славнаго минувшаго остались одні тільки могили.

Минулося: остались
Могили по полю...
... Та про волю нишком в полі
З вітрами говорять. (Ів. Підкова).

О славномъ прошломъ Украины скорбитъ природа:

Нема Січі! О черети
У Дніпра питають,
«Де-то наші діти ділись?»
.....
Чайка скиглить, літаючи,
Мов за дітьми плаче.
.....
На тім степу скрізь могили
Стоять та сумують;
Питаються у буйного:
«Де наші панують?» (,,До Основян.“).

Правда, поэтъ уже и въ этомъ періодѣ своего творчества видитъ тяжелое положеніе Украины; онъ видитъ, какъ она послѣ былой славы и блеска подвиговъ своихъ храбрыхъ дѣтей-казаковъ теперь

Обідрана, сиротою
По-над Дніпром плаче,

и что ея горестное положеніе вызываетъ не сочувствіе, а злорадство ея сосѣдей. Угнетенный видъ Украины, насмѣшки надъ нею враговъ ея причиняють поэту страданія и за-

ставляютъ его искать утѣшенія въ воскрешеніи событій и картинъ прошлаго—

А згадаймо! Може, серце
Хоч трохи спочине. (Ів. Підкова).

И въ глубокой вѣрѣ въ безсмертіе славы Украины:

Смійся, лютий враже,
Та не дуже, бо все гине,—
Слава не поляже;
.....
Наша дума, наша пісня
Не вмре, не загине... (До Основян.).

Въ безтенденціозномъ воспѣваніи исторической старины, въ романтической лирикѣ да въ глубокой увѣренности въ безсмертіи славы Украины поэтъ только и могъ находить себѣ утѣшеніе, такъ какъ современное печальное положеніе Украины не вызываетъ въ душѣ молодого поэта явнаго протеста во имя опредѣленныхъ идеаловъ будущаго. Скорбя о томъ, что все „минулося“ и что остались только могилы, бесѣдующія съ вѣтрами „про волю нишкомъ в полі“, поэтъ лишь меланхолически замѣчаетъ:

А внук косу несе въ росу
За ними (вѣтрами) співає. (Ів. Підкова).

Въ этотъ періодъ своего творчества поэтъ, повидимому, готовъ былъ, покорно преклонить голову передъ неотвратимымъ рѣшеніемъ исторической судьбы:

...Україна—на віки,
На віки заснула...
.....
...Все замовкло. Нехай мовчить:
На те Божа воля!

Такими словами Шевченко заканчиваетъ даже поэму „Гайдамаки“.

Въ „Гайдамакахъ“, написанныхъ въ духѣ романтической поэзии на основѣ современной исторической литературы и устныхъ преданій, поэтъ расправляетъ крылья своего могучаго дарованія и даетъ большую историческую картину по широко задуманному плану. Это уже не робкія подражательныя попытки начинающаго поэта, а самостоятельная

крупная работа въ области эпического творчества, въ которой поэтъ обнаружилъ не только громадный поэтический талантъ, но и необычайное историческое чутье. При совершенномъ почти отсутствіи историческихъ изысканій, правильно освѣщающихъ время и обстоятельства послѣдней вспышки вѣковой борьбы украинскаго народа за національную, религіозную и политико-соціальную свободу, Шевченко даромъ поэтического прозрѣнія былъ поставленъ на совершенно правильную почву въ пониманіи духа эпохи, въ уразумѣніи сути соціально-правовыхъ отношеній на правобережной Украинѣ и сумѣлъ возвыситься до такой правды въ ихъ изображеніи, какую историкамъ удалось установить лишь черезъ нѣсколько десятилѣтій.

Но въ то же самое время духъ романтизма, какимъ были проникнуты историческія изысканія и литература,—съ одной стороны, а съ другой—собственное увлеченіе поэта блестящими страницами исторіи казацко-гетманской Украины при отсутствіи надлежащаго пониманія дѣйствительности и идеаловъ будущаго, дѣлають его восторженнымъ пѣвцомъ прошлаго. Поэта увлекала слава военныхъ подвиговъ, блескъ геройскихъ походовъ и виѣшняя, декоративная обстановка военно-походной жизни:

Базари—де вѣйсько, як море, червоне,
Передъ бунчуками, бувало, горить,
А ясновельможний, на ворономъ коні,
Блисне булавою—море закипить...
Закипить, і розлилося
Степами, ярами...
Лихо мліє передъ ними...

(«Гайдамаки»).

Поэтъ безпрестанно, до галлюцинацій, живетъ въ этомъ сказочномъ мірѣ привлекательныхъ и безконечно дорогихъ образовъ, отошедшихъ въ область исторіи и горячо имъ оплакиваемыхъ:

І я плачу. А тим часом
Пишними рядами
Виступають отамани,
Сотники з панями,
І гетьмани,—всі в золоті.
У мою хатину
Прийшли, сіли коло мене
І про Україну
Розмовляють-росказують,
Як Січ будували;

Як козаки на байдаках
 Пороги минали;
 Як гуляли по синьому,
 Грілися в Скутарі;
 Та як, люльки закуривши
 В Польщі, на пожарі,
 В Україну верталися,
 Як бенькетували... (Гайдамаки).

Въ этотъ міръ романтическаго прошлаго поэтъ уносится и отъ гнетущей тоски по утраченномъ, и отъ тяжелой дѣйствительности и находитъ въ немъ успокоеніе:

І я дивлюсь; поглядаю,
 Сміюся сльозами,—
 Дивлюся, сміюся, дрібні утираю:
 Я не одинокий, є з ким в світі жить!
 (Ibid).

III.

Но оставаться долго въ мірѣ образовъ и событій прошлаго, только оплакивать и воспѣвать его, поэтъ съ умомъ и темпераментомъ Шевченка не могъ. Знакомство съ исторіей родного края, собственная судьба поэта, соприкосновеніе его съ интеллигентными кругами общества и ознакомленіе съ современными идейными теченіями, при свѣтѣ которыхъ Шевченко долженъ былъ сопоставлять славное прошлое Украины съ безпросвѣтнымъ мракомъ и невыносимой тяжестью настоящаго,—все это рано или поздно должно было поставить передъ поэтомъ вопросъ о смыслѣ историческаго процесса и о связи настоящаго съ прошедшимъ. Признаки появленія этого вопроса въ зачаточной формѣ мы наблюдаемъ въ романтической поэзіи Шевченка перваго періода: въ ней поэтъ стоитъ уже во многомъ на почвѣ современности. Такъ, онъ уже мыслить свой народъ и въ славномъ прошломъ, и въ начальномъ настоящемъ какъ этническую особь и себя самого какъ представителя и пѣвца ея, имѣющими свою опредѣленную физиономію и мѣсто въ прошломъ и настоящемъ въ кругѣ сосѣдей, какъ чуждыхъ по крови и религіи „турків“, „татар“ и „жидів“, такъ и родственныхъ „ляхів“ и „москалів“. Перево-
рачивая смѣлой, безбоязненной рукой кровавыя страницы польско-украинскихъ отношеній, раскрывая передъ взоромъ читателя-современника страшныя картины ожесточен-

ной борьбы, пожаровъ, безчеловѣчной злобы и мести и, повидимому, восхищаясь фигурами своихъ героевъ и ихъ высокими патріотизмомъ, заставлявшимъ собственныхъ даже дѣтей приносить въ жертву беззавѣтно любимой Украинѣ, Шевченко въ то же самое время искренно и глубоко скорбитъ по поводу этихъ печальныхъ страницъ исторіи, облитыхъ кровью и своего, и братскаго народа. Покровомъ скорби окутаны „Гайдамаки“,—одна изъ кровавѣйшихъ поэмъ Шевченка. Ноты скорби, присущей гуманному интеллигенту новаго времени, съ большей или меньшей силой звучать въ продолженіе всего повѣствованія.

Бодай не дивитись, бодай не казати!
 Бо за людей сором, бо серце болить.
 Гляньте, подивіться: то конфедерати,
 Люди, що зібрались волю боронить,—

замѣчаетъ поэтъ по поводу неистовства конфедератовъ. Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы, давъ нѣсколько картинъ кровавой рѣзни и зная, что на протяженіи разсказа придется дать ихъ еще не меньше, поэтъ ищетъ отдыха своему скорбящему сердцу въ лирическихъ отступленіяхъ отъ повѣствованія:

Отаке-то було лихо
 По всій Україні!
 Гірше пекла... А за віщо?
 За що люди гинуть?
 Того ж батька, такі ж діти,
 Жити б та брататься!
 Ні, не вмiли, не хотіли
 Треба раз'єднаться!

Здѣсь помимо скорби гуманнаго идеалиста-романтика по поводу льющейся ручьями людской крови уже слышится отзвукъ идей панславизма:

Болить сердце, як згадаеш:
 Старих славян діти
 Впились кровью. А хто винен?
 Ксьондзи, езуїти!

Съ гораздо большей опредѣленностью въ духѣ панславизма, въ духѣ идей славянскаго возрожденія поэтъ высказывается въ „Передмові“ къ „Гайдамакамъ“. „Слава Богу, що минуло,—говорить поэтъ по поводу гайдаматчины.—

А надто, як згадаеш, що ми—одної матері діти, що всі ми—славяне“. Поетъ въ концѣ предисловія подчеркиваетъ, что обратился онъ къ кровавымъ страницамъ исторіи не изъ желанія поддерживать старую вражду, а изъ желанія установить отношенія на новыхъ, современныхъ началахъ, отвѣчающихъ духу и идеямъ времени: „Сердце болитъ, а розказувать треба; нехай бачать сини і внуки, що батьки їх помилялись, нехай братаються знову з своїми ворогами, нехай житом—пшеницею як золотом покрита нерозмежованною останется на віки од моря і до моря славянська земля“. Въ этомъ заключительномъ аккордѣ политическаго романтизма украинскаго поета слышится отвѣтъ на политическія мечтанія романтиковъ польско-украинской школы, раздѣлявшіяся всѣмъ польскимъ обществомъ, о возстановленіи исторической Польши „отъ моря до моря“... Отвѣтъ поета дышитъ духомъ политической романтики, такъ какъ ему, видимо, не доставало еще ни правильнаго знанія прошлаго, ни такого же пониманія настоящаго въ смыслѣ установленія причинной зависимости между первымъ и вторымъ и твердой почвы для обобщенія фактовъ и явленій жизни. Тѣмъ не менѣе мы уже и въ этомъ періодѣ находимъ въ поэзіи Шевченка элементы уразумѣнія поэтомъ современности и связи ея съ прошлымъ, того уразумѣнія, которое вскорѣ вывело его на путь непримиримой борьбы съ современностью.

Посіяли гайдамаки
 В Україні жито,
 Та не вони його жалі.
 Що мусим робити?
 Нема правди, не виросла,
 Кривда повиває...

Поетъ видитъ безрезультатность борьбы предковъ за свою свободу; онъ видитъ отсутствіе „правды“ и полное господство „кривды“ въ современныхъ соціально-политическихъ отношеніяхъ. Мало того, онъ съ горечью отличаетъ не только полное равнодушіе внуковъ славныхъ дѣдовъ и къ борьбѣ предковъ, и къ своей долѣ, но и совершенное отсутствіе вслѣдствіе своей темноты сознанія тяжести своего положенія и полную утрату исторической традиціи и воспоминаній о народныхъ герояхъ родной земли.

А унуки? Ім байдуже:
 Жито панам сіють!

Багато їх, а хто скаже,
 Де Гонти могила?
 Залізник де, душа щира?
 Де одпочиває?
 Тяжко, важко! Кат панує,
 А їх не згадають!..

(«Гайдам.»).

Поэтъ видитъ отсутствіе правды, во имя которой украинскимъ народомъ велась вѣковая борьба, и господство „кривды“ въ современномъ укладѣ жизни не только въ области социальна-правовыхъ отношеній при новомъ установителѣ ихъ—Москвѣ, но и въ области культурно-духовной жизни украинскаго народа. Представители братскаго народа, съ государственной властью котораго украинскій народъ въ лицѣ своего гетмана вступилъ когда-то въ союзъ на началахъ полной автономіи, какъ „вольный съ вольнымъ и равный съ равнымъ“, теперь вмѣстѣ со своимъ правительствомъ не только забыли о договорныхъ началахъ и давно попрали ихъ, а успѣли даже записать украинскій народъ въ поминальную грамоту народовъ, сошедшихъ съ исторической арены. Единственнымъ утѣшеніемъ украинскаго народа въ его тяжеломъ современномъ положеніи является воспоминаніе о былой свободѣ и славѣ въ пѣсняхъ и преданіяхъ и, наконецъ, въ поэтическомъ творчествѣ современныхъ поэтовъ. Но украинскій народъ хотять лишитъ даже и этого скромнаго утѣшенія. Представители московскаго народа признають „мертвымъ“ живое слово живого народа; они обзываютъ дураками и издѣваются надъ ними, какъ таковыми, тѣхъ, кто осмѣливается писать на этомъ яко-бы „мертвомъ“ языкѣ. Поэтъ догадывается, что центръ тяжести разговоровъ о „мертвомъ“ языкѣ и издѣвательствѣ надъ его служителями заключается не въ мнимой „мертвизнѣ“ языка, потому что нельзя же, не расходясь со здравымъ смысломъ, называть мертвымъ языкъ многомилліонной живой народной массы, а въ томъ, что этотъ языкъ „мужичій“ и что писатели, пользующіеся имъ, воспроизводятъ бытъ этого мужицкаго народа:

А то дурень розказує
 Мертвими словами,
 Та якогось-то Ярему
 Веде перед нами
 У постолах. Дурень, дурень!

На совѣты бросить пустую затѣю писать на мужицьемъ языкѣ поэтъ даетъ рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ:

Правда мудрі!
 Спасибі за раду!
 Теплий кожух,
 Тільки шкода,—
 Не на мене шитий.

 Вибачайте, кричить собі,
 Я слухать не буду...

Буде з мене, поки живу,
 І мертвого слова,
 Щоб виливать журбу-сльози!

„Москали зовуть мене „ентузіястом“, сиріч дурнем“,— писалъ какъ-то поэтъ, но это его нисколько не смущало: „Нехай буду мужицький поет—аби поет“.

Но, несмотря на указанные нами признаки уразумѣнія поэтомъ современности, онъ все-же еще не стоитъ на почвѣ протеста противъ нея и, какъ мы отмѣтили выше, готовъ, повидимому, склонить передъ нею голову. Но эта готовность, какъ показываетъ творчество Шевченка, была слишкомъ кратковременна. Въ этомъ же, петербургскомъ, періодѣ своей литературной дѣятельности поэтъ дѣлаетъ гигантскій шагъ впередъ и твердой ногой становится на почву самаго рѣшительнаго, самаго непримиримаго протеста противъ современнаго ему социальнаго и политическаго уклада жизни и подымаетъ знамя борьбы за освобожденіе личности и общества.

Ф. Матушевскій.

Дѣятельность екатеринославской „Просвіты“ въ 1915 г. и ея закрытіе.

Постановленіемъ екатеринославскаго губернскаго общества присутствія 25 января с. г. екатеринославское украинское литературно-артистическое общество „Просвіта“ со всѣми его отдѣленіями и учрежденіями закрыто. Въ вину „Просвітѣ“ поставлено уклоненіе въ сторону политики, но всѣ, кто сколько-нибудь принималъ участіе въ „Просвітѣ“, знаютъ, что именно политики никакой дѣятельности Общества не было.

Общество просуществовало болѣе 10 лѣтъ (съ 7 октября 1905 года), имѣетъ нѣсколько сотъ членовъ, пять сельскихъ отдѣленій, а также слѣдующіе учрежденія и фонды: 1) столовую для семей запасныхъ; 2) комитетъ для оказанія помощи пострадавшему отъ войны населенію Галиціи; 3) бібліотеку-читальню имени Т. Шевченка; 4) издательскій фондъ имени Н. А. Дмитріева; 5) фондъ на сооруженіе „просвітнаго дому“ и 6) юбилейный фондъ „Рідна освіта“, учрежденный въ память недавно отпразднованнаго 10-лѣтія „Просвіты“.

Изъ филиальныхъ отдѣленій въ селахъ мануйловское имѣетъ собственный народный домъ, построенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ украинскомъ стилѣ) стараніями мѣстныхъ крестьянъ и рабочихъ на землѣ, бесплатно отведенной для этой цѣли „Просвітѣ“ по приговору мѣстнаго волостного схода. Наболѣе дѣятельныя отдѣленія—мануйловское и дѣвское— устраиивали ежегодно собственными силами нѣсколько десятковъ народныхъ спектаклей, вечеровъ, дѣтскихъ утръ; они имѣли весь необходимый для этого инвентарь и реквизитъ; дѣвская „Просвіта“ имѣла даже собственный оркестръ; весною она намѣревалась строить собственный „Просвітній дім“, для чего давно уже на собраньяхъ среди членовъ и одолженныя у односельчанъ средства былъ закупленъ строительный матеріалъ. Каждое

филиальное отдѣленіе пользовалось собственной—часто довольно обширной—библіотекой и было единственнымъ въ своемъ районѣ истинно-народнымъ культурнымъ очагомъ, за каждымъ изъ которыхъ имѣются огромныя заслуги въ дѣлѣ насажденія трезвости, содѣйствія кооперативному движенію, вообще духовнаго оздоровленія мѣстнаго населенія.

Дѣятельность „Просвіты“ въ городѣ также сводилась къ чисто культурно-просвѣтительной работѣ и къ благотворительности въ связи съ нуждами военного времени. Началась она въ прошломъ году съ устройства въ помѣщеніи о-ва для членовъ и ихъ гостей докладовъ, устраивавшихся обычно по субботамъ. Въ январѣ на первой изъ такихъ литературныхъ субботъ П. Горещкій читалъ „О Галичинѣ“, въ февралѣ были прочитаны доклады Е. Вырвого („Какое значеніе имѣла Галичина въ исторіи нашего народа?“), П. Шукина („О Буковинѣ“) и Л. Зубновской—„Угорская Русь“.

Въ январѣ же „Просвіта“ приняла дѣятельное участіе въ устройствѣ большого вечера въ пользу подвижного госпиталя отъ населенія Екатеринославской губерніи.

Въ ознаменованіе 54-й годовщины смерти Т. Шевченка по инициативѣ „Просвіты“ 26-го февраля въ кафедральномъ соборѣ была отслужена панихида по поэту, а 7-го марта состоялся традиціонный шевченковскій вечеръ, прошедшій съ огромнымъ успѣхомъ. Весь чистый сборъ съ него былъ распределенъ между столовой „Просвіты“ для семействъ запасныхъ и комитетомъ для оказанія помощи пострадавшему отъ войны населенію Галиціи, къ организаціи котораго было тогда приступлено вслѣдствіе массы хлынувшихъ изъ Галиціи бѣженцевъ. Съ разрѣшенія губернатора въ комитетъ были привлечены также и не-члены общества. На организацію этого комитета ушелъ весь весенній періодъ дѣятельности общества. Все-же и въ это время для своихъ членовъ общество устроило три доклада: въ мартѣ А. Ф. Кащенко прочелъ о Сагайдачномъ, въ апрѣлѣ—г. Кащенко же о Самійлѣ Кишкѣ и Н. К. Новицкій—о М. П. Драгомановѣ по поводу 20-лѣтія со дня его смерти. Въ апрѣлѣ же было устроено первое украинское литературное дѣтское утро, которое прошло съ большимъ успѣхомъ и дало „Просвітѣ“ мысль устраивать литературныя утра для дѣтей такъ же регулярно, какъ и литер. субботы для взрослыхъ.

Лѣтній періодъ ушелъ на заботы объ устройствѣ бѣ-

женцевъ. Къ концу же лѣта—въ августъ и началъ сентября—„Просвіта“ устроила одну за другой, вызвавшія глубокой интересъ къ себѣ, двѣ экскурсіи на днѣпровскіе пороги, въ которыхъ приняли участіе также и выздоравливающіе офицеры мѣстныхъ лазаретовъ. Вообще съ осени дѣятельность „Просвіты“ замѣтно оживилась. 26 сентября специально для учителей, устраивавшихъ въ этотъ день въ помѣщеніи „Просвіты“ общее собраніе своего о-ва, Н. К. Новицкій прочелъ докладъ о Б. Г. Гринченкѣ, а библиотечно-лекціонная комиссія устроила выставку украинскихъ школьныхъ учебниковъ и руководствъ, а также литературы по школьному вопросу.

3 октября А. Кащенко прочелъ свою работу „О бусурманской неволѣ въ украинской народной поэзіи“.

Въ это же время рѣшено было отмѣтить,—конечно, въ виду переживаемыхъ событій самымъ скромнымъ образомъ,—исполнявшееся 7 октября десятилѣтіе „Просвіты“, какъ первый 10-лѣтній юбилей открытой дѣятельности украинскаго просвѣтительнаго общества въ Россіи. Юбилейное общее собраніе состоялось 10 октября въ помѣщеніи о-ва и носило очень скромный, но въ то же время самый задушевный характеръ. Въ началъ Н. К. Новицкимъ былъ прочитанъ общій обзоръ дѣятельности „Просвіты“ и ея филий за 10-лѣтіе, затѣмъ подъ радушныя и громкія аплодисменты были выслушаны привѣтственные рѣчи прибывшихъ на праздникъ представителей николаевской и дѣвской „Просвѣты“, екатеринославскаго латышскаго о-ва и мѣстнаго учительскаго о-ва, послѣ чего прочтены были полученныя ко дню юбилея почтой и телеграфомъ свыше 60 привѣтствій отъ многихъ украинскихъ и русскихъ обществъ и частныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ мѣстныхъ научнаго О-ва, семейно-педагогическаго кружка, союза потребительскихъ Обществъ екатеринославскаго и подольскаго, отъ екатеринославскаго депутата А. М. Александрова, отъ О-ва помощи населенію Юга Россіи, отъ украинскихъ просвѣтительныхъ, издательскихъ и клубныхъ организацій, отъ украинскихъ книгаренъ, студенческихъ кружковъ и женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, украинскихъ кружковъ въ среднихъ школахъ, коллективныя—отъ украинскаго общества и украинской молодежи ряда городовъ, отъ редакцій газетъ „Приазовскій Край“ и „Прилукскій Голосъ“, отъ народнаго передвижнаго театра изъ Прилукъ, отъ артиста

Императорскихъ театровъ г. Максимова, отъ многихъ украинскихъ писателей, общественныхъ дѣятелей и другихъ лицъ. Всѣ эти привѣтствія выслушивались съ глубокимъ вниманіемъ и принимались чрезвычайно тепло и восторженно. Общій тонъ ихъ—призывъ къ бодрой неусыпной національной работѣ, особенно важной въ тяжелыхъ условіяхъ современной дѣйствительности, и непоколебимая вѣра въ грядущее торжество идеаловъ національной справедливости и лучшее будущее украинской культуры. Празднованіе 10-лѣтія „Просвіты“ принесло много радости ея работникамъ и вселило много новыхъ надеждъ. Въ состоявшейся послѣ юбилейнаго отдѣленія закрытой части общаго собранія, гдѣ обсуждались текущія дѣла, рѣшено было въ ознаменованіе юбилея учредить особый фондъ, задачи котораго достаточно ясно опредѣляются приданнымъ ему названіемъ „Рідна освіта“. Рѣшено было также снова возбудить въ присутствіи обь обществахъ вопросъ обь открытіи новыхъ филиальныхъ отдѣленій общества.

Вообще съ этого времени дѣятельность „Просвіты“ стала замѣтно оживленнѣе. Чтеніе докладовъ производилось регулярно каждую субботу, и они стали привлекать все больше и больше слушателей. 17 октября былъ прочитанъ докладъ Е. Вырового „О переводѣ евангелія на украинскій языкъ“, 24-го—„О теоретическихъ основаніяхъ націй“ В. Благонадежина, 31-го—„О В. Винниченкѣ“ Н. Новицкаго, 7 ноября—„О бѣлоруссахъ и ихъ національномъ возрожденіи“ Е. Вырового, 14-го—„Обь украинцахъ въ Америкѣ“ В. Благонадежина, 21-го, взамѣнъ случайно несостоявшагося (по случаю непріѣзда докладчика) реферата были прочитаны статьи С. Русовой „Національныя отношенія въ Бельгії“ и Г. Коваленка „Чѣмъ вредятъ намъ мазепинцы?“. Эти „литературныя вечеринки“ стали оживляться выступленіемъ собственнаго хора „Просвіты“, организованнаго подь управленіемъ Н. Новицкаго, что вызвало такой притокъ слушателей, который подчасъ совершенно переполнялъ помещеніе „Просвіты“.

Для дѣтей 4 и 25 октября, 1 и 22 ноября были устроены отдѣльныя литературныя утра. Эти утра, участниками которыхъ являлись сами дѣти, выступавшія въ декламацин, въ инсценировкѣ басенъ, въ хорѣ и ипрахъ, проходили еще болѣе оживленно, чѣмъ вечера для взрослыхъ. Въ октябрѣ для дѣтскихъ чтеній былъ приспособленъ большой электрической волшебный фонарь.

Дѣятельность военно-благотворительныхъ учреждений „Просвіты“ также протекала весьма оживленно. Галицкій комитетъ снялъ въ предмѣстьѣ города Мандрыковкѣ второе большое помѣщеніе для своихъ бѣженцевъ. Питались эти бѣженцы въ столовой „Просвіты“ для семей запасныхъ на Мандрыковкѣ же. Столовая весь годъ содержалась исключительно на средства, собираемыя членами столоваго комитета, и ни откуда не получала постоянныхъ субсидій. За годъ она выдала 71,159 платныхъ и 6,694 бесплатныхъ обѣда семьямъ запасныхъ и 26,177 обѣдовъ бѣженцамъ, что составляетъ всего 104,020 обѣдовъ, вызвавшихъ расходъ 8,075 руб. 76 коп. Столовая пользовалась популярностью, и въ концѣ года уѣздное земство ассигновало ей 500 рублей; одинъ изъ земскихъ служащихъ, лицо чужое „Просвітѣ“, отказался въ пользу столовой отъ всей своей прибавки къ жалованью, выданной земствомъ на дороговизну (125 р.). Съ новаго года городское попечительство о семьяхъ запасныхъ обязалось выдавать столовой по 300 рублей ежемѣсячно.

Отношеніе администраціи къ О-ву въ общемъ было благожелательно. Полиція ни разу за весь годъ не являлась на доклады, хотя о каждомъ изъ нихъ неизмѣнно увѣдомлялась, въ то время какъ, напримѣръ, года два тому назадъ, одно увѣдомленіе о назначенномъ въ „Просвітѣ“ докладѣ,—напримѣръ, о Шевченкѣ,—вызывало цѣлый переполохъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и стремительное запрещеніе. Но самымъ яркимъ показателемъ этого измѣнившагося отношенія мѣстной власти къ дѣятельности украинскаго общества служить, конечно, слѣдующій фактъ, своевременное сообщеніе о которомъ вызвало бы въ украинскихъ кругахъ цѣлую сенсацію: 7 ноября „Просвітой“ было получено отъ губернскаго объ обществахъ присутствія увѣдомленіе, что губернаторомъ изъявлено согласіе на открытіе „Просвітой“ новаго филиальнаго отдѣленія въ м. Петриковкѣ. За послѣднія нѣсколько лѣтъ это было, вѣроятно, единственное на всю Россію разрѣшеніе на открытіе новой „Просвіты“. Прошеніе объ этомъ обществѣ вылежалось въ присутствіи безъ малаго два года въ силу извѣстнаго секретнаго столыпинскаго циркуляра отъ 20 января 1910 года за № 2 объ инородческихъ обществахъ, „въ томъ числѣ еврейскихъ и украинскихъ“. На основаніи этого злополучнаго циркуляра изъ четырехъ поданныхъ раньше въ присутствіе прошеній

о разрѣшеніи открыть новыя филиальныя отдѣленія „Просвіты“ въ селахъ ни одно не было удовлетворено. Теперь, когда всюду проявилось иное, чѣмъ до войны, отношеніе къ инородцамъ, когда въ самомъ Екатеринославѣ легализовались и латышскій, и польскій, и литовскій, и еврейскій комитеты и позаводили свои школы и общества, измѣнилось, такъ думали, отношеніе и къ украинцамъ. Какъ бы то ни было, извѣстіе о разрѣшеніи новой „Просвіты“ было принято широкими кругами мѣстныхъ украинцевъ съ глубочайшимъ удовлетвореніемъ...

Кромѣ закрытыхъ для посторонней публики литературныхъ субботъ, „Просвітою“ было предпринято въ ноябрѣ мѣсяцѣ устройство и большого публичнаго выступленія. На 28 ноября въ театрѣ Коммерческаго клуба былъ назначенъ большой вечеръ колядокъ и кобзарской музыки со вступительнымъ словомъ Н. Новицкаго. Весь мѣсяцъ въ „Просвітѣ“ шла напряженная и дѣятельная подготовка къ этому вечеру. Громадный хоръ студентовъ горнаго института и мѣстныхъ любителей пѣнія, организованный извѣстнымъ здѣсь регентомъ В. Е. Петрушевскимъ, готовялъ лучшія украинскія колядки и щедривки, а также музыкальную мозаику Нищинскаго „Вечорниці“, которую рѣшено было поставить въ заключеніе. Для исполненія историческихъ думъ и народныхъ пѣсень былъ приглашенъ лучшій изъ современныхъ кобзарей И. Кучутура-Кучеренко. Однако всѣ эти приготовления едва не пропали даромъ. Наканунѣ генеральной репетиціи, въ ночь на 26 ноября, помещеніе „Просвіты“ неожиданно по распоряженію жандармскихъ властей было опечатано и къ нему со двора и съ улицы приставлена была полицейская охрана ¹⁾. И вечеръ пришлось бы отмѣнять, если бы не удалось добиться у жандармскихъ властей выдачи изъ опечатаннаго помещенія необходимыхъ для него нотъ и національныхъ костюмовъ для хористовъ. Вечеръ состоялся безъ генеральной репетиціи, но прошелъ съ такимъ подъемомъ и съ такимъ небывалымъ успѣхомъ, какой давалъ демонстративное подтвержденіе тѣхъ симпатій, какими неизмѣнно пользовались у мѣстной публики всѣ украинскіе вечера „Просвіты“. Всѣ

¹⁾ Какъ оказалось, въ эту же ночь были опечатаны украинская книгарня „Слово“ въ Ек-славѣ и „Просвіта“ въ селѣ Мануйловкѣ, а также произведены многочисленные обыски и аресты, главнымъ образомъ, кажется, среди украинскихъ рабочихъ.

въ городѣ знали о случившемся съ „Просвітой“, хотя въ газетахъ объ этомъ все время, не было ни слова. Многие называли этотъ вечеръ „лебединой пѣсню“ „Просвіты“, и это вызывало извѣстное настроеніе у публики и придавало вечеру особый характеръ.

Еще раньше правленіе „Просвіты“, думало было устроить второй такой вечеръ уже въ предмѣстьѣ Екатеринослава Человкѣ, придавъ ему общедоступный народный характеръ, но послѣ всего происшедшаго мысль объ этомъ была оставлена.

На другой день, 29 ноября, въ помѣщеніи „Просвіты“ въ присутствіи двухъ членовъ правленія, о чемъ наканунѣ, на вечерѣ, полиціей была взята съ нихъ подписка, былъ произведенъ тщательнѣйшій обыскъ. Для производства его, кромѣ полиціи и жандармскаго ротмистра, были командированы также два чиновника канцеляріи губернатора. Однако съ первыхъ же шаговъ обыскъ потерялъ для этой делегации всякій интересъ. Пришлось пересмотрѣть въ библіотекѣ и складѣ сотни совершенно легальныхъ книгъ и старыхъ журналовъ, перевернуть груды совершенно не привлекавшихъ вниманія бумагъ изъ дѣлопроизводства „Просвіты“ за 10 лѣтъ, изслѣдовано было „со стороны внутренняго содержанія“ даже піанино и вообще всѣ щели, и все-же въ результатѣ пришлось запротоколировать, что ничего предосудительнаго въ политическомъ отношеніи найдено не было.

Тѣмъ не менѣе, чиновники губернскаго правленія изъ груды перевероченныхъ ими книгъ въ цѣляхъ вящшей предосторожности отобрали всѣ наиболѣе для нихъ подозрительныя изданія, которыя вмѣстѣ съ каталогомъ библіотеки и книгой абонентовъ и взяты были въ жандармское управленіе для болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Сюда попали такія, напримѣръ, изданія, какъ:

1) Св. Евангеліе отъ Марка и Луки на украинскомъ языкѣ, изданныя московскою Синодальною типографіей „по благословенію святѣйшаго правительствующаго синода“;

2) книжка П. Буняка о... бактеріяхъ; она называется—страшно сказать!—„С критий ворог“ и издана къ тому же въ Галиціи, что, повидимому, еще болѣе страшно, такъ какъ, должно быть, только по этой послѣдней причинѣ подпалъ подъ подозрѣніе и былъ взятъ... рассказъ И. С. Тургенева „Ася“; впрочемъ, для подозрѣнія тутъ была и еще

одна немаловажная причина: книга издана въ переводѣ Маріи Грушевско́й, и эта фамилія такъ привлекла къ себѣ вниманіе, что ее приняли за фамилію автора и только по настоянію членовъ правленія ошибка въ протоколѣ была исправлена. То же вышло и съ популярной брошюрой проф. Богданова „Як іде життя в світі“, авторомъ которой былъ записанъ ея украинскій переводчикъ Ю. Сірій.

Не остались безъ подозрѣнія и книги на русскомъ языкѣ; взяты были „Разсказъ о семи повѣщенныхъ“ Л. Андреева и, какъ это ни удивительно, книжка извѣстнаго Будиловича „Наука и политика“—перепечатка статей изъ „Новаго Времени“ и „Историческаго Вѣстника“, о чемъ съ такой напрасной предусмотрительностью предупреждалъ въ предисловіи авторъ.

Всего взято 23 книги, всѣ безъ исключенія легальныя, находящіяся въ общей продажѣ. Все взятое было потомъ безъ всякихъ изъятій возвращено.

Столь опредѣленные, не оставлявшіе никакихъ сомнѣній въ полной лояльности „Просвіты“ результаты этого неожиданнаго обыска позволяли надѣяться, что она будетъ открыта. И дѣйствительно, послѣ усиленныхъ хлопотъ почетнаго члена „Просвіты“, извѣстнаго ислѣдователя запорожской старины Д. И. Эварницкаго, пользующагося здѣсь большой популярностью, жандармскія власти распорядились помѣщеніе „Просвіты“ распечатать, и съ 12 декабря она была открыта.

Въ ту же недѣлю, 19 декабря, состоялась послѣдняя передъ концомъ года „літературна вечірка“, на которой А. Кашенко прочелъ докладъ „Кость Гордіенко-Головка, послѣдній рыцарь Запорожской Сѣчи“. На другой день, въ воскресенье, было устроено также послѣднее въ году дѣтское утро, на которомъ такъ же, какъ и на докладѣ А. Кашенко наканунѣ, выступалъ кобзарь И. Кучугура-Кучеренко.

Въ эти же дни вышла изъ печати и новая книжка „Просвіты“: „Г. Черняхівський. Т. Шевченко і славнофільство“ (16 стр., № 80, ц. 5 коп., 2000 экз.)¹⁾.

¹⁾ Двѣ другія принятія къ изданію въ 1915 году брошюры были закончены уже послѣ постановленія о закрытіи общества и являются, такимъ образомъ, „посмертными“ изданіями его. Это книжки А. Кашенка: 1) „Бурсманська неволя въ українській народній поезіі“ (64 стр., in 8°, ц. 20 к., 3000 экземпляровъ) и 2) „Про гетьмана козацького Самійла Кішку“ (34 стр., in 8°, ц. 12 коп., 3000 экз.). Печатаніе четвертой книжки — „С. Русова. Націо-

„Шануйте рідний край!“. Почему „рідний край“, а не „родина“? А отнятая у кого-то „Катерина“ Шевченка показала и доподлинной „революціей“, съ которой онъ немедленно собирался итти „куда слѣдуетъ“...

10-го января была устроена „Просвітой“ и елка въ городѣ. Это была, кажется, первая въ Екатеринославѣ украинская елка, и носила она не совсѣмъ обычный характеръ: устроителями ея явились главнымъ образомъ дѣти членовъ крестьянской „Просвіты“ въ с. Діевкѣ. Несмотря на дурную погоду, они явились въ Екатеринославъ за 8 верстъ, нѣкоторые со своими родителями, и исполнили на елкѣ собственную обширную программу: пѣли собственнымъ хоромъ колядки, щедривки и народныя пѣсни, декламировали стихи и басни, вперемежку съ городской дѣтворой устроили народныя украинскія игры. Городскія дѣти съ восторгомъ отнеслись къ трогательному участию въ ихъ елкѣ ихъ деревенскихъ собратьевъ. Много было и взрослыхъ, были также и пріѣзжіе гости. На всѣхъ выступленіе крестьянскихъ дѣтей, въ особенности ихъ хора, задушевное, простое, братское единеніе городской и деревенской дѣтворы произвело глубокое впечатлѣніе...

Такъ закончился рядъ просвітянскихъ елокъ, и такъ хорошо и радостно начался новый годъ. Наканунѣ послѣдней елки, 9 января, на первой съ начала года литературной субботѣ Т. Романченко прочелъ докладъ „Пѣвецъ личнаго горя В. Забила“. Въ слѣдующую субботу былъ прочитанъ рефератъ П. Горецкаго „Кіевская бурса и мандрованые дяки“, а на другой день, въ воскресенье, было дѣтское утро.

Въ январѣ намѣчено было еще два доклада, а затѣмъ рѣшено было отъ докладовъ случайнаго характера перейти къ систематическимъ курсамъ изъ опредѣленныхъ областей родиновѣдѣнія. Для начала—на февраль и мартъ—былъ подготовленъ первый изъ такихъ курсовъ, а именно—Исторія Запорожья въ изложеніи А. Ф. Кашенка. Въ то же время продолжалъ свои репетиціи хоръ „Просвіты“ (подъ управленіемъ г. Петровскаго), готовясь къ выступленію въ народномъ концертѣ на Чечеловкѣ. Одновременно начались приготовленія къ достойному чествованію 55-й годовщины смерти Т. Шевченка, для чего намѣчались 26 февраля панихида въ кафедральномъ соборѣ, а 5 марта въ театрѣ Коммерческаго клуба большой шевченковскій концертъ, для участія въ которомъ былъ приглашенъ хоръ студентовъ

горнаго института и нѣскольکو кievскихъ артистовъ. Во всѣхъ „Просвѣтахъ“—въ сельскихъ отдѣленіяхъ и въ городѣ—составлялись годовые отчеты и шла подготовка къ очередному годовичному общему собранію. Заканчивалось печатаніе нѣсколькихъ новыхъ изданій „Просвѣты“.

На 19-е февраля назначено было официальное открытіе новой „Просвѣты“ въ м. Петриковкѣ, разрѣшенной еще въ ноябрѣ. На торжество открытія, правленіе поручило явиться двумъ своимъ членамъ. Рѣшено было также возбудить ходатайство объ открытіи новаго филиальнаго отдѣленія въ с. Каменкѣ, о чемъ поступила въ „Просвѣту“ просьба мѣстныхъ крестьянъ.

Неожиданно среди этой мирной текущей работы 21 января получилось ошеломившее всѣхъ увѣдомленіе, что 25 января въ присутствіи будетъ слушаться вопросъ о закрытіи общества. Разумѣется, всѣ начинанія были оставлены. Правда, назначенный на очередную субботу, 23 января, докладъ И. А. Рудичева объ юридическихъ документахъ эпохи Б. Хмельницкаго (1654 г.) не былъ отмѣненъ, и, такимъ образомъ, это былъ послѣдній вечеръ, проведенный семьей просвѣтянъ въ обычной обстановкѣ. Выступалъ здѣсь и кобзарь Пасюга, исполнившій рядъ историческихъ думъ и народныхъ пѣсень...

Со стороны правленія „Просвѣты“ были приняты всѣ мѣры, чтобы выяснить вопросъ и предотвратить занесенный ударъ. Не ограничиваясь личными обращеніями своего почетнаго члена Д. И. Эварницкаго, правленіе обратилось къ присутствію съ просьбой принять во вниманіе, во-первыхъ, что общество просуществовало 10 лѣтъ и въ теченіе всего этого времени его дѣятельность всегда строго соответствовала названію и уставу и ни разу не вызвала со стороны губернской администраціи никакихъ замѣчаній или, тѣмъ болѣе, предупрежденій; во-вторыхъ, что съ наступленіемъ войны общество не оставалось глухимъ къ нуждамъ времени и вносило посильную лепту въ работу различныхъ военно-благотворительныхъ учреждений: устроило въ городскомъ домѣ концертъ въ пользу раненыхъ мѣстнаго Алексѣевского лазарета, участвовало въ вечерѣ въ пользу подвижнаго госпиталя отъ населенія Екатеринославской губерніи, въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ войны оборудовало и открыло столовую для семей запасныхъ, существовавшую на пожертвованія и выдавшую уже до 130,000 обѣдовъ;

организовало комитетъ помощи галичанамъ, явившійся первой въ Екатеринославѣ организаціей по призрѣнію бѣженцевъ вообще, содержащій свои очаги и оказавшій въ той или иной формѣ помощь до 6,000 галицкихъ бѣженцевъ, и вообще въ лицѣ многихъ своихъ членовъ постоянно принимаетъ участіе въ различныхъ начинаніяхъ, связанныхъ съ нуждами, войны; въ-третьихъ, что то же дѣлаютъ, насколько позволяютъ силы, и филиальныя отдѣленія общества, которыя, кромѣ того, систематически устраиваютъ народные спектакли, чтенія и т. п., содѣйствуютъ тѣмъ нравственному оздоровленію мѣстнаго населенія, приучая его къ трезвымъ, разумнымъ развлечениямъ и занятіямъ.

Однако эти заявленія не имѣли успѣха. Явившіеся въ качествѣ представителей общества лица, вопреки закону, не были допущены для дачи объясненій. Вопросъ, по-видимому, былъ предрѣшенъ, и „Просвіта“ со всѣми отдѣленіями и учрежденіями была закрыта. Черезъ нѣсколько дней правленіе получило объ этомъ и официальное уведомленіе съ требованіемъ дать подписку, что въ мѣсячный срокъ будутъ ликвидированы всѣ дѣла общества. Правленіе отвѣтило, что отъ дачи подобной подписки воздерживается впредь до выясненія вопроса объ обжалованіи постановленія присутствія въ сенатъ, для чего просило присутствіе выдать копію мотивированнаго постановленія. Въ-сто этого присутствіе прислало выписку изъ журнала засѣданія, въ которой (выпискѣ) въ качествѣ мотивировки и указаній на конкретные факты таинственно фигурируетъ въ надлежащемъ мѣстѣ два ряда точекъ, а затѣмъ въ качествѣ подкрѣпленнаго столь краснорѣчиво вывода слѣдуетъ указаніе, что „изложенныя“ (?) обстоятельства даютъ основаніе полагать, что „Просвіта“, „обративъ свои помѣщенія для политическихъ цѣлей“ (?), утратила свое прямое назначеніе, и потому присутствіе постановило ее закрыть, причѣмъ ссылается между прочимъ и на пресловутый столыпинскій циркуляръ отъ 20 января 1910 г., между тѣмъ, какъ присутствіе, раньше примѣнявшее этотъ циркуляръ неукоснительно и не разрѣшившее на этомъ основаніи „Просвітѣ“ четырехъ новыхъ отдѣленій, со времени войны не примѣняло его даже къ „Просвітѣ“, разрѣшивъ новую филию въ Петриковкѣ, не говоря уже о регистраціи другихъ „инородческихъ“ обществъ, каковы, напримѣръ, польское и латышское.

Правленіе „Просвіты“ обжаловало постановленіе присутствія въ сенатѣ, приче́мъ въ своей жалобѣ указываетъ, что общество никогда ни въ какомъ отношеніи въ своей дѣятельности въ сторону политики не уклонялось, обо всѣхъ рѣшительно собраніяхъ своихъ своевременно увѣдомляло полицію, что такъ же поступали и всѣ филии и что со времени войны общество удѣляло много вниманія военно-благотворительной дѣятельности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе увѣдомило обо всемъ случившемся съ „Просвітой“ екатеринославскаго депутата А. М. Александрова и просило его съ своей стороны предпринять шаги къ разясненію недоразумѣнія.

Какъ сообщалъ корреспондентъ „Южнаго Края“, „депутатъ обратился въ день открытія сессіи въ кулуарахъ къ министру внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостову, сообщилъ ему содержаніе полученной телеграммы и указалъ на то, что, зная мѣстныя условія, онъ категорически утверждаетъ, что общество „Просвіта“ занималось мирной просвѣтительной работой на пользу края. Никакихъ агрессивныхъ дѣйствій общество какъ по составу, такъ и по роду работъ не преслѣдовало и не преслѣдуетъ. Въ теченіе войны „Просвіта“ доказала, что въ отношеніи патриотизма въ лучшемъ смыслѣ этого слова она стоитъ выше какихъ бы то ни было подозрѣній. Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ депутату, что онъ въ ближайшіе дни ознакомится съ дѣломъ.

11-го февраля А. Н. Хвостовъ сообщилъ А. М. Александрову, что онъ поручилъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ А. В. фонъ-Плеве ознакомиться съ дѣломъ „Просвіты“ и обсудить вопросъ объ открытіи общества.

Улита ѣдетъ—когда-то будетъ... А тѣмъ временемъ въ спѣшномъ порядкѣ приходится „ликвидировать“ культурныя достиженія, создававшіяся тяжелыми усиліями цѣлаго 10-лѣтія. Кто знаетъ тѣ невыносимыя условія, въ которыя была поставлена у насъ дѣятельность украинскихъ обществъ въ послѣдніе годы, тотъ пойметъ, какихъ жертвъ и какого огромнаго труда стоили эти усилія...

Но особенно тягостно то, что эта никому ненужная ликвидация предпринята въ такое время, когда грозныя событія, казалось, поставили на очередь вопросъ о національномъ раскрѣпощеніи каждаго угнетеннаго народа...

Просвітянинъ.

Москвофильская утопія и объективная дѣйствительность.

Московское издательство А. Дзюбенко выпускаетъ серію работъ галицкихъ москвофиловъ подъ общимъ заголовкомъ „Библіотека карпато-русскихъ писателей“ (редакція Ѳ. Аристова). Содержание выпусковъ „Библіотеки“ крайне пестро: тутъ и историческія сочиненія, и публицистическія и философскія статьи, и этнографическіе очерки, и изслѣдованія по миѳологіи, и разные виды художественной литературы въ поэзіи и прозѣ,—словомъ, матеріаль самый разнохарактерный, объединенный однимъ признакомъ—принадлежностью авторовъ его къ москвофильскому лагерю. Еще не всѣ выпуски появились, но идея изданія ясна—познакомить русскую публику съ литературными произведеніями виднѣйшихъ галицко-русскихъ „патріотовъ“ гг. Свистуна, Маркова, Мончаловскаго etc., etc., en grand, развернуть передъ ней картину „титаническихъ“ усилій, которыя дѣлались въ Галичинѣ для насажденія „русской идеи“. Я коснусь въ своей замѣткѣ одного изъ выпусковъ „Библіотеки“, содержащаго двѣ статьи: О. А. Мончаловскій „Положеніе и нужды Галицкой Руси“ и Д. А. Марковъ „Русская и украинская идея въ Австріи“. Статьи эти имѣютъ чрезвычайный интересъ, такъ какъ, во-первыхъ, онѣ принадлежатъ перу маститыхъ „столповъ“ и признанныхъ вожаковъ галицкаго москвофильства и съ этой стороны являются credo и манифестомъ москвофильской партіи, во-вторыхъ, вскрываютъ, наконецъ, источникъ, изъ котораго черпали матеріаль статьи и брошюры о Галичинѣ, такъ какъ здѣсь мы находимъ совершенно одинаковое освѣщеніе не только главнаго, но и мелочей.

Статьи очень не велики по объему сравнительно съ важностью трактуемыхъ вопросовъ, но non multa, sed multum, и обѣ онѣ какъ нельзя лучше обрисовываютъ и міровозрѣніе, и современную позицію москвофильства. Я подчеркиваю—современную, потому что, какъ мы увидимъ

дальше, прошлое партіи обрисовано довольно приблизительно: многое затушевано, многое успѣло основательно изгладиться изъ памяти авторовъ и поэтому обойдено, многое получило освѣщеніе совѣмъ несогласное съ дѣйствительностью. Да это и понятно: брошюра предназначена для прославленія своей партійной работы, это панегирикъ, а не историческое произведеніе. До того ли было ея творцамъ, чтобы помнить старые ошибки и грѣшки, да еще такіе, которые могутъ бросить тѣнь на прославленный галицко-русскій патріотизмъ, и стоило ли считаться съ такой мелочью, какъ дѣйствительность, въ виду столь „возвышенной“ цѣли? Недаромъ же и великій русскій поэтъ признается:

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ“,

а русскій сатирикъ не отрицаетъ, что „истина въ цѣнѣ упала съ тѣхъ поръ, какъ стали ею распивочно торговать“.

Мы не знаемъ, конечно, руководились ли гг. Марковъ и Мончаловскій этими теоретическими положеніями о негодности старушки-истины, или у нихъ были какія-либо свои соображенія болѣе практическаго характера, но, во всякомъ случаѣ, „низкія истины“ въ ихъ работѣ вырваны съ корнемъ, зато тѣмъ болѣе энергично ткуть они паутину „насъ возвышающихъ обмановъ“.

Основные воззрѣнія, выдвигаемая писателями-москвофилами, не новы; это давно избитыя заявленія, многократно повторенные лозунги, трафаретныя характеристики націоналистической печати. И терминологія „избранная“, и эпитеты самыя „русско-знаменскіе“: „жиды“, „украинофилы-мазепинцы“, „измѣнники“, „сепаратисты“ такъ и мелькаетъ на каждой страницѣ.

Обѣ статьи въ цѣломъ даютъ исторію москвофильства, начиная съ 50-хъ годовъ XIX в. Фактовъ, характеризующихъ жизнь партіи, приводится очень мало, зато почтенная роль отводится лирическимъ воздыханіямъ. Да и приведенные факты сгруппированы крайне неравномѣрно: если о 50—60-хъ годахъ говорится болѣе конкретно, то послѣднее двадцатилѣтіе вовсе обойдено. Не упоминается даже о такомъ важномъ событіи, какъ распаденіе партіи на двѣ фракціи: „умѣренныхъ“ (Давыдыжъ и Король, органъ „Галичанинъ“) и „крайнихъ“ (Дудыкевичъ, органъ „Прикарпатская Русь“). Зато роль москвофильскихъ дѣятелей изобража-

Въ то же время съ, перваго же дня послѣ открытія о-ва началась поспѣшная и очень напряженная работа по приведенію въ порядокъ налаженного еще съ октября, но разстроеннаго внезапнымъ закрытіемъ, одного изъ симпатичнѣйшихъ начинаній екатеринославской „Просвіты“, а именно—устройство рождественскихъ елокъ для крестьянскихъ дѣтей въ селахъ губерніи. Подобныя елки устраивались „Просвітой“ изъ года въ годъ лѣтъ пять подъ-рядъ, но примѣръ предыдущаго года показалъ, что въ эту скорбную, въ особенности для села годину войны, онѣ имѣютъ особое значеніе и устройство ихъ весьма важно: онѣ являются истиннымъ праздникомъ, единственнымъ, быть можетъ, свѣтлымъ лучомъ для деревенскихъ дѣтей, большинство которыхъ вотъ уже второй годъ остается безъ отцовъ и, не въ примѣръ городскимъ дѣтямъ, не знаетъ не только никакихъ развлеченій, но и никакого почти общественнаго вниманія и участія. Теперь это начинаніе было поставлено особенно широко. Предстояли большіе расходы, и такъ какъ у „Просвіты“ своихъ средствъ на это было мало, то все необходимое въ теченіе двухъ мѣсяцевъ было собрано личными усиліями членовъ „Просвіты“ путемъ частныхъ пожертвованій. Всѣ участвовавшіе въ этой работѣ находили глубочайшее удовлетвореніе въ той трогательной отзывчивости, которую встрѣтило это начинаніе „Просвіты“ въ мѣстномъ обществѣ: пожертвованія поступали не только отъ украинцевъ, но также отъ русскихъ, поляковъ, евреевъ; дѣти нѣсколькихъ мѣстныхъ школъ и дѣтскаго сада подъ наблюденіемъ своихъ руководителей изготовили и передали массу елочныхъ украшеній; магазины жертвовали колленкоръ на мѣшочки для подарковъ; типографія бесплатно печатала надписи на мѣшочкахъ. Въ результатѣ елки были устроены въ слѣдующихъ селахъ: Мануйловка, Каменка, Подгородне, Перещепино, Малая Козырщина, Широкая Балка, Чаплинскіе хутора, Лоцманская Каменка, Діевка, Сухачевка, причемъ въ нѣкоторыхъ селахъ елки въ виду громаднаго наплыва дѣтвора устраивались въ одинъ день въ двѣ смѣны, а въ другихъ въ два дня или въ разныхъ частяхъ села (по мѣсту расположенія школъ). Общимъ счетомъ

нальні відносини въ Бельгії“—по недостатку средствъ уже не могло быть закончено „Просвітою“ и перешло въ руки частнаго издательскаго кружка. Издательскій фондъ „Просвіты“ носилъ имя Н. Дмитріева и является, вѣроятно, единственнымъ общественнымъ установленіемъ, связаннымъ съ памятью этого замѣчательнаго украинскаго общественнаго дѣятеля.

елки были устроены болѣе чѣмъ на 4,300 душъ (въ предыдущемъ году—на 1,800), что вызвало расходъ наличными, кромѣ пожертвованнаго матеріала, около 900 рублей; образовавшійся въ суммѣ свыше 150 рублей дефицитъ покрытъ изъ кассы „Просвѣты“. Кромѣ денежнаго пособія для устройства каждой елки „Просвѣта“ высылала въ каждое село необходимое количество дѣтскихъ книгъ и красивыхъ двухцвѣтныхъ коленкоровыхъ мѣшочковъ съ надписью: „Шануйте Рідний Край!“ , „Згадайте „Просвіту!“ . Въ нѣкоторыхъ селахъ на этихъ елкахъ побывали и дѣти бѣженцевъ южныхъ губерній, а въ Мануйловкѣ—дѣти-галичане, призрѣваемые въ мануйловскомъ очагѣ галицкаго комитета „Просвѣты“. О томъ громадномъ впечатлѣніи, которое производили елки, вызывавшія каждый разъ въ селѣ цѣлое движеніе и поднимавшія на ноги всю подрастающую публику, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ отчеты и письма строителей елокъ на мѣстахъ, указывающихъ цѣлый рядъ самыхъ трогательныхъ сценъ. Самымъ желаннымъ подаркомъ для сельской дѣтвора являлась книжка. Перещепинская „Просвѣта“, напримѣръ, въ своемъ отчетѣ пишетъ, что дѣти просили: „Намъ нетреба гостинців, тилько дайте книжку“.

Не обошлось, какъ, впрочемъ, и каждый годъ, и безъ непріятныхъ инцидентовъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ полиція съ большимъ трудомъ дала разрѣшеніе на устройство елокъ, хотя, собственно, никакого разрѣшенія для этого и не требуется. Въ Лоцманской Каменкѣ учебное начальство не допустило раздачи дѣтскихъ книгъ на украинскомъ языкѣ. Въ другомъ селѣ мѣстный священникъ почелъ себя задѣтымъ безобиднымъ стихотвореніемъ С. Руданскаго, гдѣ фигурируютъ „пiп“ и „дяк“, и потребовалъ составленія протокола. Еще дальше пошелъ другой священникъ, который, неизвѣстно, по какому праву, велѣлъ дѣтямъ снести ему въ школу полученныя ими мѣшочки и книжки и грозилъ кому-то на что-то донести. Въ этомъ селѣ устройство елки принялъ на себя мѣстный кооперативъ, который и ассигновалъ на это свои деньги; на полученныхъ отъ „Просвѣты“ мѣшочкахъ кооперативъ на другой сторонѣ отпечаталъ и свой девизъ: „Дітки, шануйте кооперацію—в ній наша сила!“ . Не въ мѣру подозрительный батюшка усмотрѣлъ въ этомъ чуть ли не бунтовщическій призывъ. Крамолу увидѣлъ онъ и въ надписи „Просвѣты“:

ется въ тонахъ самыхъ радужныхъ. На мрачномъ фонѣ галицкой жизни, гдѣ народъ угнетали поляки, разоряли нѣмцы и евреи, а украинцы насаждали „національный сепаратизмъ“, гдѣ населенію неминуемо грозить денаціонализація, единственной свѣтлой точкой были москвофилы. Они—водители народные, въ борьбѣ за „исконно-русскій“ языкъ и „исконно-православную“ вѣру, они—мужественные защитники угнетенныхъ, легендарные храбрецы, не боящіеся самыхъ жестокихъ преслѣдованій, беззавѣтно преданные „русской идеѣ“, всегда и вездѣ открыто исповѣдывающіе свою „романтическую“ любовь къ „матушкѣ Россіи“. Конечно, москвофилы не могло остановить противодѣйствіе поляковъ и украинцевъ; они вступаютъ въ борьбу, развиваютъ широкую дѣятельность, привлекаютъ на свою сторону народъ и выходятъ побѣдителями.

Такова въ общихъ чертахъ концепція москвофильской истории въ работахъ гг. Маркова и Мончаловскаго.

Слова нѣтъ, она и героична, и романтична, и показываетъ наличность фантазіи у творцовъ, но... это только утопія, а дѣйствительность протекала иначе: и много блѣднѣе, и много скромнѣе. Москвофилы оказались гораздо болѣе мужественны и рѣшительны на страницахъ брошюръ, изданныхъ въ Россіи послѣ занятія Галичины, чѣмъ въ галицкой жизни подъ владычествомъ Габсбурговъ: тамъ выступленія ихъ были болѣе осторожны, любовь къ Россіи (возможно, и очень романтичная) болѣе молчалива, а „истинно-русскій“ патріотизмъ заѣзжихъ иностранцевъ не блисталъ такими ярко-національными красками, какъ теперь. Чтобы мои утвержденія не показались голословными, я приведу факты. Но раньше остановлюсь на національности и религіи современныхъ галичанъ. Гг. Мончаловскій и Марковъ настойчиво рекомендуютъ ихъ „русскими“ и „православными“.

Врядъ ли теперь, когда не только въ украинскихъ, но и во многихъ русскихъ журналахъ писалось объ языкѣ и вѣрѣ галичанъ, русская читающая публика этому повѣритъ. Къ тому же игра терминологіи слишкомъ прозрачна: да, галичане „руські“, но не „русскіе“, т.-е. не „россіяне“, а какъ возможно назвать православной страну, въ которой, до войны, на 3 съ лишнимъ милліона униатовъ было менѣе 3 тысячъ православныхъ? Правда, сейчасъ количество ихъ, несомнѣнно, увеличилось, но не надо забывать, что къ ней успѣлъ „руку приложить“ Евлогій съ миссіонерами и плея-

дой „обрусителей“, призванных и добровольныхъ, а какими мѣрами насаждалось тамъ православіе, мы не знаемъ и, возможно, узнаемъ не скоро. Отдѣльныя же замѣчанія, изрѣдка проскальзывающія въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, не оставляютъ почвы для оптимистическихъ на этотъ счетъ построений.

Присмотримся же ближе, какъ изображаютъ москвофильскіе идеологи прошлое своей партіи, и послушаемъ, что говорятъ факты, причемъ, оговариваясь, факты брались по возможности во избѣжаніе нареканій изъ русской и польской, а не украинской печати.

Когда читатель знакомится съ москвофильствомъ по статьямъ гг. Маркова и Мончаловскаго, прежде всего поражаетъ странная черта всей его исторіи: на протяженіи 60—65 лѣтъ ему всегда кто-нибудь мѣшало. Мѣшали поляки, евреи, нѣмцы, украинцы, даже... русское правительство. Стоитъ москвофиламъ начать что-либо, врагъ тутъ какъ тутъ. Проводятъ своего представителя въ парламентъ,—мѣшаютъ поляки и украинцы; распространяютъ среди населенія „русскія“ убѣжденія,—давить австрійское правительство и опять-таки „украинофилы-сепаратисты“; улучшаютъ экономическій бытъ галичанъ,—на сценѣ евреи; наконецъ, русское правительство не хочетъ понять, что „прямой политическій расчетъ и государственные интересы Россіи велятъ поддерживать въ сосѣднемъ, искони враждебномъ ей государствѣ свыше трехмилліонное русское населеніе“,—населеніе, которому „не хватаетъ матеріальныхъ средствъ для веденія успешной борьбы“ (стр. 32—33), т.-е., переводя на языкъ общепонятный, не достаточно субсидируетъ москвофиловъ. Въ результатъ этихъ жалобъ у читателя съ мягкимъ сердцемъ невольно явится жалость: несчастная партія, которой всегда всѣ мѣшаютъ!

Однако, гг. Марковы добиваются не этого: всѣ эти сѣтованія особенно муссируются, чтобы на темномъ фонѣ ярче блеснулъ героизмъ москвофильской дѣятельности. Но, воля ваша, послѣ безконечныхъ стоновъ и порькихъ слезъ, въ изобиліи текущихъ съ каждой страницы брошюры, плохо вѣрится въ возможность дѣятельности,—да еще широкой дѣятельности,—плачущей партіи, и всѣ завѣренія въ этой области гг. Маркова и Мончаловскаго звучатъ выкриками истерической барыни, которая отъ крайняго пессимизма переходитъ къ неумѣренному самовосхваленію.

Я не буду останавливаться на мелочах,—ихъ слишкомъ много,—возьму только крупныя эпохи. Одной изъ яркихъ эпохъ дѣятельности москвофиловъ были, по Маркову, 50-е годы. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ: „Въ началѣ 50-хъ годовъ въ Галиціи процвѣтала литературная дѣятельность. Многочисленныя книги печатались по-малороссійски и по-русски“ (стр. 46), а нѣсколько дальше: „Руссофильство было въ Австріи до сихъ поръ (до конца 70-хъ годовъ, ав.) руководящей программой дѣятельности, лозунгомъ для всей малороссійской интеллигенціи“ (стр. 50), а поэтому „нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что руссофилы, иначе „старо-русины“, достигли большого значенія и силы въ Галиціи и Буковинѣ несмотря на то, что они строго и неукоснительно соблюдали въ своихъ церквахъ всѣ православныя обряды, что они питали преданную романтическую любовь къ „матушкѣ Руси“ и что преклонялись благоговѣнно передъ русской самодержавной имперіей (ib.). Итакъ, характеристика эпохи можетъ быть сведена къ такимъ элементамъ:

1) Многочисленная литература на русскомъ и „малороссійскомъ“ языкахъ;

2) Руссофильство или москвофильство было лозунгомъ въ сей галиційской интеллигенціи;

3) Они пользовались большимъ вліяніемъ въ Галичинѣ и Буковинѣ;

4) Они были русскими патріотами, „благоговѣнно преклоняющимися передъ русской монархіей“.

Такъ ли это? У насъ есть объективный источникъ для провѣрки этого мнѣнія—письма москвофильскихъ дѣятелей той эпохи, изданныя проф. Студинскимъ подъ заглавіемъ „Корреспонденція Я. Головацкаго“ (Всѣ нижеприведенныя цитаты взяты изъ второго тома „Корреспонденціи“). Вотъ что пишутъ они.

Въ 1854 году Ив. Головацкій пишетъ брату Якову: „Послѣднее твое письмо не смутило меня ни мало, видя, что успѣхи нашей словесности и какъ вообще народности такъ неутѣшительны въ Галичинѣ“ („Корреспонденція“, стр. 128). То же было и въ другихъ мѣстахъ въ то же время и позже. Такъ, Ал. Духновичъ пишетъ изъ Угорщины въ 1858 г.: „У насъ ни читателей, ни писателей русскихъ“ („Корреспонденція“, стр. 381). Вопреки утвержденіямъ г. Маркова, „русскихъ“ книгъ издавалось очень мало, и тѣ не расходились. Когда въ 1852 году Денисъ Зубрицкій выпустилъ первые

два тома своей знаменитой „Исторіи галичско-русскаго княжества“ на русскомъ языкѣ въ количествѣ 1,000 экземпляровъ, только 400 экземпляровъ нашло сбытъ въ Галичинѣ, и на помощь автору пришелъ Погодинъ, добившись покупки для русскаго министерства народнаго просвѣщенія 50 экз. „Исторіи“. Еще хуже было съ третьимъ томомъ: предварительная подписка дала только 200 „пренумерантовъ“. Не болѣе успѣха имѣли и москвофильскіе органы, выходящіе нѣсколько позже. „Семейная Библіотека“ въ 1855 г. имѣла въ Галичинѣ около 90 подписчиковъ, а „Церковная Газета“ въ 1858 году—всего 60. Москвофильскіе органы закрывались одинъ за другимъ благодаря отсутствію поддержки въ населеніи. Можно ли въ нашихъ условіяхъ говорить о блестящей литературѣ и широкомъ вліяніи москвофиловъ на населеніе?

Ту же картину—отсутствіе интереса къ москвофильскимъ изданіямъ и незначительность вліянія москвофиловъ—можно прослѣдить по письмамъ современныхъ дѣятелей. По словамъ одного изъ москвофиловъ, „литература (всякая) дремлетъ,—книгу непопробно и бесплатно“ („Корреспонденція“, стр. 126), и, несмотря на дѣйствительно героическія усилія москвофиловъ для распространенія своихъ книгъ, ихъ никто или почти никто не читалъ. Упомянутый уже выше Ал. Духновичъ, корреспондентъ Як. Головацкаго изъ Угорщины, которую принято считать однимъ изъ очаговъ москвофильства, возвращая „вспять до Львова“ присланныя ему для распространенія сочиненія Дѣдицкаго, отмѣчаетъ: „не коснется ихъ никто, бо тутъ нѣтъ русскихъ читателей“ и „тутъ могутъ они стоять (оставаться безъ употребленія) даже до страшнаго суда!!!“ („Корреспонденція“, стр. 483). Сходную характеристику положенія дѣлъ въ Галичинѣ даетъ Д. Зубрицкій въ письмѣ къ Погодину отъ 9 марта 1858 года: „У насъ бѣда! Едва ли зарождавшееся литературное движеніе увяло уже. Нѣтъ уже ни одного русскаго журнала въ Галичинѣ и календарь даже не издается. Мы съ Геловацкимъ были слабые двигатели, и кромѣ насъ три—четыре молодыхъ человекъ, которые, увидѣвъ много препятствій, а мало хлѣба, оставили бесполезное опасное ремесло. Я старъ, а Головацкій въ хлопотахъ“ („Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“. „Чтенія московскаго о-ва древностей“, 1880 г., ч. II, стр. 608).

Такимъ образомъ, разсужденія г. Маркова объ эпохѣ 50-хъ

годовъ расходятся съ тѣмъ, что говорятъ о себѣ сами тогдашніе москвофилы, и факты намъ показываютъ, что, наоборотъ, литература прозябала, книгъ выходило очень мало, да и тѣ въ широкой публикѣ успѣха не имѣли, журналы закрываются одинъ за другимъ благодаря отсутствію подписчиковъ, а пропаганда москвофильства оставалась въ сущности гласомъ вопіющаго въ пустынь: москвофильскіе дѣятели были горсточкой галицкой интеллигенціи, отдѣльными единицами, не имѣющими опоры и поддержки не только въ народѣ, но и среди интеллигенціи.

Нужно остановиться еще на одной чертѣ москвофильства той да и послѣдующей эпохи, чтобы закончить характеристику 50-хъ годовъ—ихъ патріотизма. И г. Марковъ и г. Мончаловскій часто подчеркиваютъ патріотизмъ москвофиловъ и въ прошломъ, и у настоящихъ дѣятелей. То же дѣлается вотъ уже 1½ года въ разнообразныхъ статьяхъ и брошюрахъ, такъ что, можно сказать, патріотизмъ этотъ сталъ давно избитымъ мѣстомъ. А между тѣмъ эта увѣренность, какъ и многія другія избитыя мѣста,—плодъ чистѣйшаго недоразумѣнія, и врядъ ли стройный галицко-русскій „патріотизмъ“ можно назвать этимъ именемъ. Право, если всмотрѣться глубже въ этотъ патентованный патріотизмъ, — получается странное явленіе — патріотизмъ какой-то удивительный, двуликій съ одной стороны — строжайшая преданность австрійскому дому, съ другой — не менѣ преданная любовь къ Россійской державѣ. Да какіе же они патріоты, — русскіе или австрійскіе? Ни то, ни другое, но нѣчто среднее—русско-австрійскіе. И это не годъ, не два, не одно поколѣніе, а нѣсколько уже болѣе полувѣка качаются какъ маятникъ между двумя крайними точками—Россіей и Австріей, причемъ ихъ патріотическія настроенія, смотря по обстоятельствамъ, то сгущаются до цвѣта русскаго національнаго флага, то блѣднѣютъ, расплываются и окрашиваются цвѣтомъ флага австрійскаго. Это не здоровое и естественное патріотическое чувство человѣка, сознающаго свой долгъ передъ отечествомъ и свои національныя задачи; нѣтъ, это патріотизмъ бездомнаго существа, которое, не сознавая „своего угла“, готово лизать всякую руку, протягивающую подачку. Справедливость требуетъ добавить, что и въ такомъ рудиментарномъ видѣ москвофильскій патріотизмъ — явленіе не исконное, какъ хотятъ показать его адепты, и у насъ есть возможность прослѣдить націо-

нальную трансформацию москвофильских дѣятелей. Самъ Зубрицкій, идейный глава и вдохновитель москвофильства 50—60-х годовъ, первоначально не считалъ себя „русскимъ“, писалъ свои работы по-польски и былъ полонъ польскихъ аристократическихъ предрасудковъ. Замѣчательно, что еще въ 1844 году онъ не чувствуетъ себя „общеруссомъ“ и въ письмѣ къ Погодину отъ 3 іюня 1844 г. пишетъ: „Господа, трудящіеся наблюденіемъ надъ составомъ русскаго слова, должны непременно познакомиться съ нашимъ малорусскимъ 13-ю милліонами единопленныхъ душъ употребляемымъ языкомъ“ („Чтенія“, стр. 570), т.-е. языкъ и 13-милл. народъ малорусскій отдѣляетъ отъ языка и народа великорусскаго (позже москвофилы выставили теорію единого 65-милліоннаго народа отъ „Карпатъ до Камчатки“), а себя (къ великому соблазну нынѣшнихъ москвофиловъ) считаетъ малороссомъ. Подобную трансформацию пережили и другіе дѣятели, причемъ Яковъ Головацкій въ молодости „грѣшилъ“ склонностью къ „мазепинству“ и явно поддерживалъ „сепаратизмъ“, принимая участіе въ сборникѣ Марк. Шашкевича, изданномъ на родномъ языкѣ. Поддерживали идею особенности украинскаго народа и Богд. Дѣдицкій, и Петрушевичъ, и Устіановичъ, и др., и только позже подъ влияніемъ и личныхъ и политическихъ событій стали они „русскими патріотами“. Нужно сказать, что и въ новой роли они не обнаружили особаго постоянства и что вообще напрасный трудъ искать въ москвофильствѣ твердости убѣжденій. Несомнѣнно, были отдѣльные люди, искренне убѣжденные, но это рѣдкое исключеніе, а не правило. Большинство же изъ нихъ охотнѣе всего склонялось къ платформѣ партіи „куда вѣтеръ вѣетъ“ и мѣнялось сообразно правительственной политикѣ. Характерно, что именно этими словами выразилъ свое отношеніе къ „русскому дѣлу“ Ив. Гушалевичъ, когда, посылая свои стихи Я. Головацкому, писалъ: „Здѣлайте какъ вашъ вкусъ и наше русское теперѣшное отношеніе указываетъ. Вы убо лучше знаете откуда вѣтеръ по вѣетъ. Тоже и съ языкомъ и съ правописью дѣлайте какъ хотите“ („Листи“, стр. 377). Такое же колебаніе въ отношеніи „русскаго патріотизма“ бывало и позже, и, напримеръ, въ началѣ 60-х годовъ москвофильскіе органы преисправно ругали „московскихъ централовъ“, какъ именовали они русское правительство. Если вскорѣ послѣ этого, въ 1866 году, Б. Дѣдицкимъ было провозглашено единеніе

русского народа „отъ Карпатъ до Камчатки“ съ однимъ языкомъ и двумя выговорами, то и это нисколько не противорѣчило ихъ постоянному колебанію, такъ какъ было вызвано исключительно внѣшними обстоятельствами—слухами о предстоящемъ занятіи Галичины русскими войсками,—почему москвофилы, привыкнувъ пользоваться чьими-либо милостями, поспѣшили проторить тропинку къ щедротамъ русского правительства. Предусмотрительность оказалась излишней и практическихъ послѣдствій не имѣла: москвофилы такъ же усердно, какъ и раньше, подавали петиціи австрійскому правительству и печатали „австро-патріотическіе“ стихи рядомъ съ русско-патріотическими и такъ же мало знали Россію и русскихъ съ ихъ жизнью и языкомъ.

Г. Марковъ утверждаетъ, что москвофилы выпускали работы и распространяли изданія на русскомъ языкѣ и австрійскому правительству будто бы приходилось дѣлать большія усилія, „чтобы освободить Галицію отъ духовно-культурнаго и политическаго вліянія Россіи“ (стр. 48). Увы!—это чистѣйшая иллюзія, и правительству не для чего было беспокоиться о разрывѣ связи Галичины съ Россіей просто потому, что такихъ связей не было: не только народныя массы, но и сами москвофилы не знали ни Россіи, ни русскаго языка. Да и откуда было взяться этому знанію, если выросли и воспитались они на польско-нѣмецкихъ источникахъ, а къ Россіи, кромѣ платоническихъ заигрываній со славянофилами, отношенія не имѣли. Письма москвофиловъ полны заявленіями о незнакомствѣ съ русскимъ языкомъ. Даже Зубрицкій, „русско-галицкій патріархъ“, какъ его звали, сознается въ письмѣ къ Погодину, что русскій языкъ ему мало знакомъ: „простите неопытность языка, нѣтъ у насъ способности упражняться въ русской перепискѣ“ („Чтенія“, стр. 546), и въ слѣдующемъ письмѣ добавляетъ: „Россія есть для насъ terra incognita“ (ib., ст. 548). Не будемъ приписывать эти слова скромности. Человѣкъ, допускающій построеніе такой фразы, какъ „протестанты старались дѣлать священное писаніе приступнѣе (вм. доступнѣе) для простого народа“ (ib., стр. 577), языка дѣйствительно не зналъ. Такое же знаніе проявляетъ „надежда галицкой литературы“ Дѣдицкій и др. Напримѣръ, Дѣдицкій пишетъ: „осолить деньги“ (вм. ссудить), а Гушалевицъ о своей „Роксоланѣ“ сообщаетъ: „по-русски, чисто по-русски не чувствую въ себѣ силъ передѣлать“ („Листи“, стр. 260). Вообще

москвофилы ни въ 50—60 гг., ни позже совсѣмъ не проявляли той героической рѣшимости, которую хочетъ во что бы то ни стало навязать имъ г. Марковъ. Наоборотъ, они крайне конспиративны, боятся „своей тѣни“ и не только не издають книгъ на чисто-русскомъ языкѣ, но осуждаютъ попытки Шеховича и Раковского сблизить языкъ редактируемыхъ ими „Семейной Библиотеки“ и „Церковнаго Вѣстника“ съ великорусскимъ, рекомендуя „среднія мѣры по слогу и языку“, т. е. стараясь писать близко къ языку церковно-славянскому или древне-русскому. Именно это дало поводъ одному изъ москвофиловъ, ревностному стороннику русскаго языка, сказать въ 1854 году, что „русская литература (изданная во Львовѣ, авт.) воняетъ нѣ симъ, нѣтимъ“ („Корреспонденція“). Подводя итоги выше сказанному, приходится констатировать, что всѣ разсужденія г. Маркова о москвофильствѣ 50—60 годовъ—совершенно произвольныя утопическія построенія, а факты говорятъ другое: москвофилы были кучкой, не имѣющей вліянія въ галицкомъ народѣ, лавирующихъ сообразно правительственной политикѣ, но стнудь не выступающихъ свой „русскій“ патріотизмъ. Русскаго языка они не знали и не могли знать, русская жизнь была для нихъ чужой. Когда же въ срединѣ 60-хъ годовъ они объявили себя „общеруссами“, практически это не внесло ничего новаго, такъ какъ знакомство съ прогрессивной Россіей тѣ реакціонные элементы русской общественности, съ которыми они сносились, дать имъ не могли, и волей-неволей приходилось подбирать объѣдки со славянофильскихъ столовъ, которые никого ничему не учили и знанія Россіи не прибавили.

Но если такъ,—спрашивается, какія реальныя послѣдствія имѣла работа москвофиловъ? По существу самыя отрицательныя. Духовное происхожденіе и польское воспитаніе наложило на его дѣятелей неизгладимую печать клерикализма и польскихъ аристократическихъ предразсудковъ, не давъ въ то же время широкаго образованія. Благодаря этому они не могли угадать живые запросы народной жизни и итти по пути ихъ разрѣшенія. Они не болѣли интересами народа, онъ былъ чуждъ имъ, они трактовали его съ точки зрѣнія своего аристократическаго великолѣпія какъ „чернь“, „хохлачизну“, „пастуховъ Паньковъ“ и т. п. Насколько мало понимали они потребности народныхъ массъ, показываетъ хотя бы примѣръ Зубрицкаго, печатно проте-

стававшаго противъ освобожденія крестьянъ и еще черезъ 10 лѣтъ послѣ эмансипаціи доказывавшаго, что она была громаднымъ зломъ для народа, такъ какъ его „лишили попечителей, заступниковъ и кормителей въ нуждѣ“ („Чтенія“, стр. 609). Да и до того ли было москвофиламъ, чтобы заботиться о такихъ пустякахъ, какъ народныя нужды или народное просвѣщеніе, если у нихъ было немало дѣлъ и поважнѣе „черни“,—дѣлъ „благородныхъ“: напимѣръ, неустанно, хотя и платонически вздыхать по Россіи, выражать чувства нѣжнѣйшей любви и преданности русскимъ реакціонерамъ Николаевской и Александровской эпохи, писать историко-богословскія изысканія и поэмы, наконецъ, диспутировать о правописаніи и обрядѣ. И пока они печатали свои „Катехизисы“ и „Анѳологіи“, сочиняли патетическія поэмы изъ быта XII вѣка, распространяли книги, которыхъ никто не покупалъ, издавали газеты и журналы, благополучно дремавшіе на редакціонныхъ полкахъ, народъ невозбранно коснѣлъ въ невѣжествѣ, а освобожденіе прошло при самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ. Въ то же время полонизація дѣлала все большіе и большіе успѣхи среди галичанъ: языкъ москвофиловъ былъ чуждъ и непонятенъ, не было ни литературы, ни школы на родномъ языкѣ, и поневолѣ приходилось обращаться къ польской культурѣ, стихійно несущей съ собою денационализацію. Самихъ дѣятелей москвофильства ихъ „родной русской языкъ“ не сохранилъ отъ нея, и многіе изъ нихъ въ концѣ-концовъ перешли въ польскій лагерь. А москвофилы, сбитые окончательно съ позиціи, предоставленные самимъ себѣ, такъ какъ у русскаго правительства было достаточно и своихъ домашнихъ дѣлъ, чтобы еще осложнять внѣшнюю политику, вмѣшиваясь открыто въ галицкія отношенія, паки и паки плакали и воздыхали, воздыхали и плакали, а въ промежуткахъ изливали свои чувства въ поэзіи и прозѣ такимъ языкомъ, что даже проф. Погодинъ, къ „украинскому сепаратизму“ отнюдь не склонный, вынужденъ характеризовать его въ такихъ выраженіяхъ:

„Стоитъ взглянуть на тотъ литературный языкъ, которымъ писали въ то время верхи галицко-русской интеллигенціи, чтобы увидѣть въ немъ нѣчто промежуточное, неестественное, неимѣющее никакихъ видовъ на будущее. Дѣйствительно, этотъ языкъ не русской лите-

ратурный, но въ то же время онъ далекъ и отъ малорусскаго. Такъ писали люди, отнюдь не думавшіе объ отдѣленіи своего языка отъ литературнаго русскаго; напротивъ, они, видимо, старались къ нему приблизиться, но не будучи съ нимъ знакомы и выросши на литературной польской рѣчи, они создали въ своемъ языкѣ нѣчто, приближающееся болѣе къ этой послѣдней, чѣмъ къ русскому языку" (Погодинъ. „Славянскій міръ“, стр. 176).

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ москвофильство было дезорганизовано, и правъ глубоко одинъ изъ москвофиловъ, дѣлая такую оцѣнку эпохъ:

„Кажется, Любезнѣйшій! что наша исторія Галицко-Руска вступаетъ въ дивный и нигдѣ не встрѣчаемый періодъ. Хотятъ русскаго, но нехотятъ откровенно—хотятъ жизни но умерщвляютъ ту жизнь, которую Провидѣніе имъ судило. Полно противорѣчей—глупостей—время уже крайне, чтобы высказать хотя въ одномъ пунктѣ чего хотятъ. Мы вѣрте не знаемъ чего. Поляковъ ненавидятъ, но лѣзутъ имъ подъ хвостъ, но что за что, тамли наше спасеніе? съ Нѣмцами держать. Хорошо! Но по что же та неоткровенность и трусливость предъ ними. Ихъ нужно поучить, а они поймутъ все“ („Корреспонденція“, стр. 505, письмо И. Гушалевича Ян. Головацкому, 16 января 1862 года).

Я останавливаюсь подробно на характеристикѣ эпохи 50—60-хъ годовъ, такъ какъ въ то время сложилась физіономія москвофильства, дожившая до позднѣйшаго времени. Конечно, детали измѣнились, но въ общемъ основныя черты удержались,—это, во-первыхъ; во-вторыхъ, существуетъ мнѣніе объ исключительномъ вліяніи москвофиловъ той эпохи вообще и въ частности Зубрицкаго, Дѣдицкаго et cet.,—мнѣніе, необоснованное, но упорно повторяемое.

Переходя къ дальнѣйшему, я остановлюсь прежде всего на вопросѣ о русскомъ языкѣ, за исконность котораго и широкое распространеніе въ Галичинѣ такъ краснорѣчиво ратуютъ и г. Мончаловскій, и г. Марковъ. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ мы расходимся съ г. Марковымъ. Чтобы не тратить лишнихъ словъ и не начинать препирательствъ, ни для кого не убѣдительныхъ, я останусь на принятой мною рань-

ше почвъ,—почвъ фактовъ,—и приведу нѣсколько образцовъ этого „прекраснаго“ русско-галицко-москвофильскаго языка. Конечно, о литературныхъ, какъ и всякихъ другихъ, вкусахъ не спорять, но какому оригиналу можетъ прійти въ голову, что это произведеніе написано на русскомъ языкѣ:

„Панъ Б. заберался уже щобъ по Алексіеви яко свою сестрѣнницу представити, ледви що ътъ двохъ дней прибывшу зъ пенсіонату до вуя на пару недѣль на вакансии; але панна Цѣня—такъ ю дома звали—не ждала на звычайныи церемоніи, но чѣмъ скорше дала дрепана наѣтвороть, и пропала за рожевыми корчами“.

Читатель можетъ подозрѣвать, что это просто шутка или измышленіе придирчиваго рецензента, желающаго во что бы то ни стало доказать свою мысль. Ничуть ни бывало, это самонастоящая литературная истина. Приведенный отрывокъ взятъ изъ повѣсти „Всяко на свѣтъ бывае“ послѣ Чокоого написалъ Денись зъ надъ Серету, напечатанной въ приложеніи къ москвофильскому „Слову“ „Галичинѣ“ („Галич.“, „литературно-науково прилога“ къ „Слову“, г. 1867, № 8, стр. 120).

Такимъ же литературнымъ „дрепаномъ“ была и москвофильская поэзія и языкъ научныхъ произведеній. Приведу еще одну цитату—образецъ научнаго языка изъ „Отчета галицко-русской Матицы за 1864 г. Разсказывается о засѣданіи общества:

„По службѣ Божіей соберутся члены общества въ народномъ Домѣ въ назначеной на тое салѣ за оказаніемъ вступныхъ картъ. О десятой годинѣ открываеть предсѣдатель теперѣшнѣго выдѣла засѣданіе отвѣтною промовою; потому читаеть секретарь дотеперѣшняго матичнаго выдѣла спривозданіе до тѣхчасовыхъ дѣланій Матицы и дотычныи рахунки, которыи членамъ общества въ печатныхъ оттискахъ пороздаются“ (Погодинѣ, „Сл. міръ“, 176 стр.).

Приведенные образцы относятся къ 60 г. прошлаго вѣка, но и позже, черезъ 35—40 лѣтъ, литературный русский языкъ не сталъ ближе и понятнѣе галицкому читателю. По крайней мѣрѣ, когда въ 1900 г. издававшаяся во Львовѣ москвофильская газета „Русское Слово“ дала въ качествѣ при-

ложения „Тараса Бульбу“ на русскомъ языкѣ, редакція, желая сдѣлать языкъ доступнѣе для читателей, пояснила непонятныя русскія выраженія въ скобкахъ соответственными галицкими. Вотъ какія слова потребовали разъясненій: „А повернись-ка (обернися-ко), сынъ!—Что это на васъ за поповскіе подрясники? (спѣдныи священническіи одежи).— Это были два дюжіе (крѣпкіе) молодца. Они были очень (дуже) смущены... потунивъ глаза (очи) въ землю“... и т. д. („Кіевск. Стар.“, 1900 г., № 12, 160). Чего же больше, если слова „очень“ и „глазъ“ пребудуть перевода! Совершенно такимъ же характеромъ поясненія самыхъ общеизвѣстныхъ и простыхъ русскихъ словъ отличается и русско-галицкая грамматика Бендасюка, изданная еще позже (кажется, въ 1908 году); съ той разницей, что каждая страница книги подѣлена на двѣ части: съ одной стороны русскій текстъ, обычнымъ русскимъ правописаніемъ, а съ другой—тотъ же текстъ, но, столь ненавистной москвофильскому сердцу, фонетикой, чтобы научить галичанина правильно произносить слова ихъ „iskonнаго“ языка. Да и какъ ни распинаяются гг. Марковъ и Мончаловскій, какъ ни воспѣваютъ диѳирамбы распространенію русскаго литературнаго языка въ Галичинѣ, какъ ни клеймятъ „мазепинскую язву“,— все-же и въ ихъ статьяхъ звучать нотки, доказывающія, что дѣла русскаго языка обстоятъ далеко не такъ блестяще, какъ имъ хочется показать. Такъ, г. Марковъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Крестыяне въ Галиціи, въ Буковинѣ и въ Венгріи не говорятъ никогда иначе, какъ по-русски (курсивъ автора) (стр. 55), а черезъ двѣ страницы оказывается, что „малороссійское нарѣчіе, какъ средство просвѣщенія необразованныхъ массъ въ Галиціи и Буковинѣ, не должно и не можетъ быть безцеремонно вытравлено“, (стр. 57); г. Молчановскій приводитъ слѣдующую выдержку изъ резолюціи „сѣздовъ мужей довѣрія русско-народной партіи“: „Принимая во вниманіе принадлежность русскаго населенія Галичины къ малорусскому племени русскаго народа, а также мѣстныя условія, русско-народная партія признаетъ необходимымъ и цѣлесообразнымъ просвѣщать русское населеніе Галичины на его собственномъ галицко-русскомъ нарѣчіи (курсивъ мой), не отказываясь однако отъ помощи, какую русскому народу въ Австріи могутъ принести и дѣйствительно приносятъ общерусскій языкъ и общерусская культура“ (стр. 28). Велико-

дѣлно! Наконецъ-то хоть въ чемъ-нибудь мы солидарны съ г. Марковымъ и г. Мончаловскимъ! Но тутъ же наша солидарность и кончается, такъ какъ выводъ, который самъ собою напрашивается изъ этого пункта резолюціи, диаметрально противорѣчитъ разговорамъ обоихъ авторовъ объ исконности русскаго языка галичанъ. Въ самомъ дѣлѣ, если русскій языкъ—природный языкъ населенія, для чего же насаждать образованность, а въ томъ числѣ и самый русскій языкъ (какъ дѣлаетъ грамматика Бендасюка) на какомъ-то „собственномъ, галицко-русскомъ нарѣчїи“? А если есть, какъ и существуетъ въ дѣйствительности „собственное галицко-русское нарѣчїе“, т.-е. языкъ отдѣльный отъ общерусскаго, то, значить, русскій языкъ не родной для галичанъ. Нисколько не доказываетъ наличности русскаго языка въ Галичинѣ и рѣшеніе москвофиловъ „не отказываться отъ помощи русскаго языка и русской культуры“. Въ этомъ пунктѣ сошлись украинцы и москвофилы съ той разницей, что первые проводятъ это активно, а вторые выносятъ постановленія, о которыхъ потомъ забываютъ. Ни одинъ изъ украинцевъ, даже самыхъ завзятыхъ „сепаратистовъ“ по націоналистической терминологіи, не станеть отрицать, что ознакомленіе съ русскимъ языкомъ и литературой полезно для галичанина, какъ полезно знаніе всякаго иностраннаго языка и литературы, могущихъ ввести новыя идеи въ жизненный обиходъ. Русская же литература, въ частности, несомнѣнно, обладаетъ крупными достоинствами и можетъ многому научить, а поэтому украинцы не отрицаютъ и не отрицали ея. Напрасно и совершенно безпочвенно г. Марковъ обвиняетъ украинцевъ въ ненависти къ русской культурѣ: если въ Галичинѣ распространялись и распространяются произведенія первоклассныхъ русскихъ писателей,—этимъ они обязаны дѣлу украинцевъ, а не москвофиловъ. Драгомановъ, „соціалистъ“ и „ярый противникъ русской культуры“, какъ аттестуетъ его г. Марковъ, больше сдѣлалъ для ознакомленія съ нею галичанъ, чѣмъ всѣ москвофилы вмѣстѣ взятые. Украинскіе журналы („Правда“ и др.) печатали сочиненія Гоголя, Щедрина, Кавелина, Пыпина, Стасова и т. д.; распространялись произведенія Тургенева и др., въ то время какъ руководители москвофильскихъ изданій не нашли въ русской литературѣ ничего болѣе подходящаго и „образцоваго“ для галичанина, какъ „Солдатъ Перфильевъ“, „Мичманъ Поцѣлуевъ“ и „Сердитая Оксана“. Это въ эпоху такихъ корифеевъ

мысли и слова, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Тургеневъ и др.! Да и въ позднѣйшее время украинцы старались познакомиться съ лучшими произведеніями русской литературы. Стоитъ просмотрѣть каталогъ любого украинскаго книжнаго магазина, чтобы увидѣть, что переводили и Толстого, и Горькаго, и Чехова, и др. русскихъ и многихъ иностранныхъ авторовъ (Ибсенъ, Гауптманъ, Франсъ и т. д.).

Но значить ли это, что если у великороссовъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и др. есть крупныя писатели, то мы должны отрицать украинскихъ, элегически вздыхая: „Украинская литература? Ахъ, зачѣмъ! Вѣдь это сепаратизмъ! Да къ тому же у великороссовъ есть чудесная литература; возьмемъ лучше готовое и, обучивъ галичанъ русскому языку на собственномъ „галицко-русскомъ нарѣчій“, будемъ культивировать языкъ... Тредьяковскихъ и Ломоносовыхъ въ XX в. И отсюда резюме: украинскаго языка не существуетъ, а украинская литература и культура—„глупость и варварство“. Именно такимъ путемъ умозаключаютъ москвофилы.

Конечно, никто изъ украинцевъ, не ослѣпленныхъ шовинизмомъ до потери здраваго смысла, не станетъ утверждать, что украинскій языкъ окончательно выработанъ, а украинская литература идетъ впереди всей Западной Европы. Но это ничуть не лишаетъ ея права на существованіе. Да, правда, языкъ нашъ не выработанъ, въ немъ много иностранныхъ словъ; да, правда, что у насъ не было писателя, равнаго Шекспиру, Толстому или Гете; правда, что мы не создали ни Микель-Анджело, ни Бѣклина. Что же изъ этого? Много ли было этихъ Шекспировъ и Толстыхъ, Микель-Анджело и Гете? И для созданія ихъ мало доброй воли—нужны еще подходящія благопріятныя условія, а такой роскоши мы никогда не знали. Да и центръ тяжести вопроса нужно перенести не въ прошлое,—то, что сдѣлано,—а въ будущее,—что можетъ быть сдѣлано. И, если смотрѣть исторически, мы увидимъ, что выработка языка и созданіе литературы—длинная и тяжелая работа и не въ томъ дѣло, есть ли въ языкѣ иностранныя слова (ихъ въ каждомъ языкѣ болѣе чѣмъ достаточно) и пишутъ ли французы и великороссы лучше украинцевъ, а въ томъ, есть ли народныя массы, для которыхъ этотъ языкъ родной. Если есть,—будущность языка обезпечена: развитіе можно задержать, но его нельзя вытравить; если нѣтъ,—неизбѣжно получится искус-

ственность и ненужность языка, полное его фиаско. Въ народныхъ массахъ сила украинцевъ, въ нихъ же крахъ москвофиловъ.

Повидимому, и самъ г. Марковъ не слишкомъ довѣряетъ убѣдительности своихъ доводовъ о господствѣ русскаго языка и, чтобы окончательно уничтожить украинцевъ, ссылается на авторитетъ А. Н. Пыпина, будто бы также придерживающагося мнѣнія о „безцѣльности и безуміи“ стремленія къ литературной обособленности Галичины отъ Россіи, т. е. къ выработкѣ украинскаго литературнаго языка и, слѣдовательно, поддерживающаго москвофильскую идею языка общерусскаго, высказывая „свое авторитетное мнѣніе объ этомъ съ научной точки зрѣнія“. Выборъ авторитета чрезвычайно удаченъ, такъ какъ А. Н. Пыпинъ—крупный ученый съ очень авторитетнымъ именемъ, и ссылка эта доказывала бы умѣніе цѣнить знанія и талантъ, если бы... если бы она, выражаясь мягко, не была для г. Маркова болѣе чѣмъ рискованна и не была такъ откровенно на довѣрчивость публики, тѣмъ болѣе, что сдѣлана она рукою настолько „опытной“, что ее и провѣрить очень трудно: не указано названіе сочиненія, въ которомъ А. Н. Пыпинъ высказывается въ духѣ г. Маркова. Что же дѣлать! Оплошность невольная, а можетъ быть и преднамѣренная (къ послѣднему я охотнѣе склоняюсь) г. Маркова!

Въ дѣйствительности А. Н. Пыпинъ высказываетъ мысли противоположныя тѣмъ, которыя хочетъ подкрѣпить его авторитетомъ г. Марковъ, и, слѣдовательно, приводитъ заглавіе сочиненія было по меньшей мѣрѣ неудобно. Чтобы мое утвержденіе не показалось голословнымъ, придется прибѣгнуть къ испытанному методу-факту, и, извиняясь заранее передъ читателемъ за длину цитаты, я приведу выдержку изъ статьи А. Н. Пыпина, освѣщающей его взгляды въ данномъ вопросѣ:

„Наше братство и единеніе съ галичанами,—пишетъ онъ,—остается весьма проблематичнымъ или по крайней мѣрѣ чрезвычайно слабымъ и зачаточнымъ. Галичане очень мало знаютъ современную русскую литературу,—и, какъ прочіе братья-славяне, начинаютъ узнавать ее только потому, что о ней въ послѣднее время стали много говорить сами нѣмцы. Это незнаніе происходитъ ближайшимъ образомъ отъ обоюднаго недо-

статка сношений, довольно понятно, но оно имѣетъ и свои болѣе глубокия историческія причины. Прежде всего жизнь русскаго государства такъ далека отъ не-большаго галицкаго племени, издавна живущаго въ предѣлахъ чуждыхъ государствъ, что здѣсь не можетъ быть непосредственнаго близкаго интереса; умственная жизнь русскаго общества и въ старыя времена Московскаго царства, и особенно съ XVIII вѣка и въ новѣйшее время имѣла такъ мало общаго съ тѣмъ, что дѣлалось въ Галиціи, что многое въ ней не только чуждо галичанамъ, но безъ настоящаго, почти спеціальнаго изученія будетъ просто непонятно; самыя формы русскаго быта для галичанъ чужды и необычны; наконецъ, и русскій языкъ, образовавшійся въ условіяхъ, опять неизвѣстныхъ Галиціи, и потомъ діалектически различный для галичанина, не учившагося ему особо, долженъ быть не вполне вразумителенъ. То же самое въ обратную сторону долженъ испытывать русскій читатель, обращаясь къ галицко-русской жизни и литературѣ: этотъ край такъ удаленъ отъ насъ исторіей, что жизнь его становится понятна путемъ изученія,—его современное положеніе, племенные и политическія отношенія не имѣютъ ничего общаго (курсивъ во всѣхъ случаяхъ мой) съ нашими привычными понятіями“ (Пыпинъ, „Особый русскій языкъ“, „Вѣстн. Евр.“, 1888 г., № 11, стр. 355—6).

Что же касается въ частности москвофильскаго русскаго языка, то въ той же статьѣ А. Н. Пыпинъ характеризуетъ его какъ „нѣчто странное, двойственное, пестрое“, „сочиненный языкъ“ и добавляетъ: „Насколько эти рассказы, написанные языкомъ москвофиловъ, могутъ служить для простыхъ галицкихъ читателей изъ народа, мы недоумѣваемъ“ (ib., стр. 371). Итакъ, Пыпинъ, „съ научной точки зрѣнія“, оказался опаснымъ союзникомъ для г. Маркова, такъ какъ изъ словъ его напрашивается выводъ, противоположный желаемому.

Слѣдуетъ добавить, что на практикѣ для своихъ выступленій въ народныхъ массахъ „на вічахъ“, въ брошюрахъ и журналахъ, предназначенныхъ для народа, сами москвофилы не пользуются тѣмъ необычайнымъ винигретомъ, который почему-то величается русскимъ языкомъ, а переходятъ къ

украинскому. На этомъ языкѣ писалъ брошюры и издавалъ газеты въ 70-хъ годахъ о. Наумовичъ, къ нему прибѣгаютъ современные вожди москвофиловъ, „старики“, имъ не брезгаютъ „молодые“, и на предвыборныхъ агитационныхъ собраніяхъ „представители „москалефиловъ“ говорили съ народомъ по-малорусски, а не на томъ своеобразномъ „язычій“, на которомъ издавался „Галичанинъ“.

Такимъ образомъ, для насъ несомнѣнно, что русскій языкъ галичанъ—не болѣе, какъ утопія, созданная и старательно поддерживаемая, вопреки очевидности, гг. Марковыми и К^о. Это однако не значитъ, что я категорически отрицаю существованіе въ Галичинѣ небольшой группы интеллигенціи, свободно владѣющей русскимъ языкомъ. Она, несомнѣнно, есть, существовала и раньше; на сравнительно недурномъ русскомъ языкѣ выпускался органъ „дудыкевичевцевъ“, „Прикарпатская Русь“. Существованіе такой группы писателей вполне естественно: нѣтъ культурнаго общества, въ которомъ среди интеллигенціи не было бы извѣстнаго количества людей, пишущихъ не только на томъ языкѣ, которымъ говоритъ народная масса, но и участвующихъ въ другой литературѣ: русской, французской, нѣмецкой и т. п. Но это только единицы, наличность которыхъ ничуть не колеблетъ общаго положенія объ языкѣ народной массы.

Перехожу къ разбору картины дѣятельности москвофиловъ позднѣйшаго времени. Здѣсь отсутствіе фактовъ еще замѣтнѣе и все стараніе направлено къ вѣщему посрамленію украинцевъ (это, собственно, одна изъ главныхъ задачъ брошюры) и восхваленію москвофильской дѣятельности. И какія только небылицы ни взводятся на украинцевъ, какія только клеветническіе выпады ни сыплются по ихъ адресу! Тутъ и „обдѣлываніе своихъ дѣлишекъ“, и недобросовѣстность, и „политическая деморализація“, тутъ и польскія, и австрійскія, и всякія другія деньги и даже субсидіи интернаціонала, тутъ смѣшаны въ одну кучу и нынѣ здравствующій проф. М. Грушевскій, и покойные Кулишъ, Драгомановъ, Терещенко, Павликъ и Шевченко (человѣкъ „безъ глубокаго всесторонняго образованія и твердыхъ принциповъ“, какъ характеризуетъ его г. Марковъ). Для насъ это не новость. Иностранная „денежка“—вообще самый лепкій способъ объясненія общественныхъ явленій, къ которому неизбѣжно прибѣгаютъ люди, лишеныя болѣе доказательныхъ аргументовъ. За

последнія 10 лѣтъ въ Россіи мы слышали столько воплей о „деньгахъ“ японскихъ, еврейскихъ и нѣмецкихъ, которыми будто бы питалось русское революціонное движеніе и подкупались члены Государственной Думы „жидокадеты“, что хорошо знаемъ цѣну такимъ „словцамъ“ и вѣримъ имъ не болѣе, чѣмъ всякой очередной клеветѣ „Русск. Знамени“. Тѣмъ болѣе, что фракція „молодыхъ“ москвофиловъ, къ которой принадлежитъ и г. Марковъ, по своимъ соціально-политическимъ симпатіямъ, связямъ и тактикѣ есть не что иное, какъ филиальное отдѣленіе русскихъ націоналистовъ, старающееся во что бы то ни стало насадить „истинно-русское“ направление въ Галичинѣ. Но въ этихъ обвиненіяхъ есть довольно пикантная подробность: желая возможно болѣе очернить украинцевъ и особенно подчеркнуть ихъ „сепаратизмъ“ и связь съ поляками, г. Мончаловскій очень подробно и старательно перечисляетъ всѣ учрежденія, пользующіяся субсидіями львовскаго сейма. Списокъ однако не полонъ: г. Мончаловскій забылъ упомянуть о субсидіи, выдаваемой въ размѣрѣ 8,000 руб. въ теченіе ряда лѣтъ москвофильскому о-ву имени Качковскаго.

Куда же дѣвался тогда москвофильскій патріотизмъ и, если эта субсидія дѣйствительно преступна, почему отъ нея не отказались? Злобныя выходки москвофиловъ противъ украинцевъ вполне понятны. Москвофильство дезорганизовано, потеряло давно всякую способность къ творческой работѣ, не чувствуетъ подъ собою почвы и терпитъ изъ украинскаго лагеря одно пораженіе за другимъ. Отсюда эта ненависть и клевета, неосновательныя обвиненія и безсильное шишѣніе старой сплетницы на свою молодую сосѣдку: „а она безбожница, а она въ церковь не ходитъ, въ постъ ѣла скоромное, а въ воскресенье съ солдатомъ гуляла! У-у, пакость!“

Г. Мончаловскій всячески старается „идеализировать“ работу партіи и не находитъ достаточно яркихъ словъ для восхваленія ея энергіи и достигнутыхъ результатовъ. Но въ своемъ партійномъ усердіи онъ заходитъ слишкомъ далеко и въ пылу увлеченія упоминаетъ въ перечнѣ москвофильскихъ организацій учрежденія украинскія, какъ „Народная Торговля“, „Днѣстръ“ и др. Я не пытаюсь найти подходящее наименованіе для обозначенія такого полемическаго трюка, но, во всякомъ случаѣ, это пріемъ недопустимый. Какія осно-

ванія для причисленія этихъ организацій къ москвофильскимъ имѣль г. Мончаловскій, читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго. Нужно сказать вообще, что украинскія экономическія организаціи, стоя на точкѣ зрѣнія необходимости экономической помощи в с е м у населенію Галичины и считая случаи москвофильства въ народѣ явленіемъ временнымъ и преходящимъ, не имѣющимъ глубокихъ корней, не различали политической окраски нуждающагося украинца или москвофила, почему на почвѣ экономической работы сходились, бывало, и тѣ, и другіе. Но отъ этого до причисленія украинскіхъ организацій къ москвофильскимъ еще далеко. При основаніи „Народной Торговли“ въ 1883 году главнымъ ея инициаторомъ былъ украинецъ Вас. Нагирный. Въ составѣ дирекціи одно время дѣйствительно входило два москвофила—Нечай и Держно. Но, во-первыхъ, ни одинъ изъ нихъ своихъ москвофильскихъ тенденцій не проявлялъ; во-вторыхъ, вскорѣ на мѣсто одного изъ нихъ, вышедшаго изъ дирекціи, вступилъ украинецъ Заячковскій; въ-третьихъ, дирекція была органомъ исполнительнымъ, главная роль принадлежала „радѣ“ „Народной торговли“, гдѣ москвофиловъ не было; въ-четвертыхъ, за послѣднее время (около 20 лѣтъ) общество находится исключительно въ рукахъ украинцевъ, и ни въ „дирекціи“, ни въ „радѣ“ не было ни одного москвофила. Т-во взаимнаго страхованія „Днѣстръ“ (Дністер) было основано въ 1892 году группой украинцевъ: д-ръ Савчакъ, Бережницкій, о. Торонскій, Нагирный и Федакъ. Въ „радѣ“ „Днѣстра“ 18 человекъ, изъ нихъ одинъ бывший москвофиль изъ „стариковъ“, Король, перешедшій за послѣдніе 2—3 года въ лагерь украинцевъ. Такъ что считать обѣ организаціи москвофильскими болѣе чѣмъ неосновательно, и если я, останавливаясь на этомъ подробно, то только потому, что эти факты доказываютъ методы „освѣщенія“ москвофильскихъ идеологовъ, а присвоеніе плодовъ чужихъ усилій характерно для москвофиловъ, собственныя учрежденія которыхъ едва прозябаютъ. Правда, г. Мончаловскій не скупится на комплименты по адресу „о-ва имени Качковскаго“ и „Народнаго Дома“: первое-де 3 милліона полезныхъ книгъ издало и народныя читальни, и кассы, и о-во трезвости, и многое другое основало; второй содержитъ публичную бібліотеку и музей древностей и искусствъ, и пансіоны, и воспитательныя заведенія и выдаетъ пенсіи студентамъ и т. д., и т. д. По существу, эти восторги болѣе изъ приличія и партійной

дисциплины, идеальныя построения, а не „низкія истины“. Нѣсколько иное впечатлѣніе произвели москвофильскія учрежденія на г. Погодина, познакомившагося съ ними еще до войны, когда не для чего еще было восхвалять ни москвофильскій патріотизмъ, ни просвѣтительную дѣятельность, а можно было судить болѣе объективно.

„Учрежденія этой партіи (москвофильской),—пишетъ онъ,—производятъ угнетающее впечатлѣніе: Ставропигія, существующая свыше 300 лѣтъ, до сихъ поръ не удостоилась издать печатный отчетъ о расходованіи суммъ, и всѣ мои попытки узнать, какой же у нея бюджетъ, разбились о стѣну нежеланія гласности. И куда ни обратишься въ учрежденія старорусской партіи, повсюду чувствуешь развалъ, хаосъ, отсутствіе какой-нибудь отчетности въ расходованіи суммъ. Зайдешь въ типографію Ставропигіи, говорятъ: вотъ это была прежде самая большая типографія во Львовѣ, а теперь съ каждымъ годомъ все меньше печатаютъ здѣсь. Музей Ставропигіи состоитъ изъ двухъ комнатъ, и на всѣ вопросы, что же въ немъ интереснаго, конфузливо отвѣчаютъ, что интереснаго здѣсь, въ сущности, нѣтъ ничего, и, кажется, это правда. Въ бурсѣ ужасный запахъ, запущенность. Въ о-вѣ имени Качковскаго хвалятся тѣмъ, что за 2 кроны (80 к.) члены получаютъ въ годъ 12 книжекъ, но книжки эти ни по своимъ размерамъ, ни по тщательности изданія (не говорю о содержаніи) не стоятъ этихъ денегъ“ (Погодинъ, „Русскія партіи въ Галиціи“, „Моск. Еженед.“, 1909 г., № 25).

Гг. Марковъ и Мончаловскій не ограничиваются объявленіемъ галицкаго населенія москвофильскимъ въ прошломъ, но увѣряютъ, что оно является таковымъ въ настоящемъ. Для выясненія вопроса о степени москвофильскихъ симпатій галичанъ я возьму данныя о выборахъ послѣдняго времени въ рейхсратъ и сеймъ. Данныя эти для москвофиловъ довольно печальны: если мы возьмемъ рядъ избирательныхъ кампаній, то съ каждой послѣдующей позиція москвофильства ухудшалась. Это и понятно: они поддерживались наименѣе культурной и наиболѣе забитой массой крестьянства, и чѣмъ болѣе развивается національное сознаніе народной массы (а оно въ послѣдніе годы значи-

тельно повисилось), тѣмъ менѣе сторонниковъ находятъ москвофилы. Соотвѣтственно этому росло вліяніе украинства.

Авторы брошюры не приводятъ количества москвофильскихъ депутатовъ въ парламентъ и сеймъ въ послѣднее время. Не приводятъ потому, что вопросъ этотъ для нихъ слишкомъ щекотливый, чтобы его поднимать. Правда, г. Мончаловскій упоминаетъ о 22 депутатахъ „русской народности“ въ сеймъ и 8 въ парламентъ, но, во-первыхъ, эти цифры фантастичны, такъ какъ относятся неизвѣстно къ какой эпохѣ (передъ войной количество было иное), а, во-вторыхъ, какъ и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, когда хвастнуть нечѣмъ; а щегольнуть хочется, здѣсь соединены депутаты украинскіе и москвофильскіе. На самомъ дѣлѣ москвофиламъ о 22 депутатахъ въ сеймъ и 8 въ парламентъ и мечтать не приходится, такъ какъ уже первые выборы въ рейхсратъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права разсѣяли легенду о москвофильскомъ вліяніи и нанесли имъ жестокое пораженіе. Москвофиламъ удалось собрать 149,988 гол., или 21% всѣхъ русинскихъ голосовъ (украинцы получили 384,225 гол., или 53%) и провести въ рейхсратъ всякими правдами и неправдами 5 депутатовъ противъ 27 украинскихъ. Еще хуже прошли парламентскіе выборы 1911 г., когда москвофилами было получено 128,160 голосовъ, или 18%, и удалось провести, да и то на перебаллотировкѣ, только двухъ депутатовъ (Марковъ и Куриловичъ), причѣмъ „старики“ не взяли ни одного мѣста и потерпѣль фіаско вождь „молодыхъ“ Дудыкевичъ. Въ то же время украинцы получили по партіямъ: народно-демократическая—325,955 гол., радикальная—54,701 и соц.-дем.—21,618 (Цифры взяты изъ книги Погодина „Слав. міръ“, стр. 181, и статьи Василевскаго „Итоги парламентскихъ выборовъ“, „Русск. Бог.“, 1911 г., № 7). Такимъ образомъ, при всеобщемъ избирательномъ правѣ украинцы имѣли основаніе рассчитывать на полную побѣду надъ „русской партіей“. Въ дальнѣйшемъ дѣла москвофиловъ еще ухудшились, и послѣдніе выборы въ львовскій сеймъ 30 іюня 1913 года принесли новое пораженіе, такъ какъ „дали украинцамъ огромный перевѣсъ надъ „москалефилами“: изъ нихъ прошелъ всего одинъ (Марковъ, авт.), да и то голосами украинцевъ, тогда какъ этихъ послѣднихъ 31, такъ что вмѣстѣ съ вирилистами

украинскій клубъ въ сеймѣ состоялъ изъ 34 членовъ“ (Погодинъ, „Сл. міръ“, стр. 181, примѣч.).

При такихъ условіяхъ невозможно говорить серьезно о „руссофильствѣ“ галичанъ, о поддержкѣ ими москвофильскихъ настроеній и большомъ вліяніи въ народныхъ массахъ „русскихъ“ дѣятелей. Объективные свидѣтели—цифры—лучше всякихъ другихъ доказываютъ, что это лишь одна изъ утопій Марковыхъ, созданная и распространяемая для приданія себѣ большаго вѣса.

Но, можетъ быть, выборы эти не выражали симпатій населенія, можетъ быть, они прошли подъ давленіемъ правительства и депутаты, желательные населенію, были искусственно подмѣнены угодными администраціи кандидатами, тѣмъ болѣе, что въ смыслѣ „нажимовъ“ галицкіе выборы давно успѣли стяжать (и заслуженно) печальную извѣстность? На это нерѣдко и весьма прозрачно намекаютъ г. Мончаловскій, и г. Марковъ, а во многихъ мѣстахъ и прямо говорятъ о поддержкѣ, которую будто бы неизмѣнно оказывали украинцамъ поляки и австрійское правительство.

Въ противовѣсъ этому москвофильство объявляется партией неизмѣнно „враждебной полякамъ“, почему послѣдніе и чинили ей всевозможныя препятствія. Справедливость требуетъ сказать, что эти разговоры—одна изъ тѣхъ мистификацій, которыми полна брошюра,—мистификацій, изобрѣтенныхъ въ послѣднее время вопреки совершенно яснымъ фактамъ очень недавняго прошлаго, о которыхъ оба автора предусмотрительно забыли (для г. Маркова такая забывчивость особенно поразительна, такъ какъ всего пять лѣтъ назадъ, въ 1911 г., ему удалось пройти въ парламентъ только благодаря союзу съ поляками и польскими голосами). Поэтому совершенно беспочвенны москвофильскія обвиненія поляковъ и сѣтованія на злоупотребленія администраціи, жертвой которыхъ они якобы пали. Наоборотъ, „если была партія, по отношенію къ которой правительственныя власти сохраняли полное безпристрастіе, то этой партией являлась именно руссофильская“. Если же она все-таки потерпѣла крушеніе, то это только доказываетъ, что „москвофильство—явленіе совершенно искусственное, противорѣчащее нормальному развитію національныхъ отношеній края“ (Ва-

силевскій, „Итоги парламентскихъ выборовъ“, „Р. Бог.“, 1911 г., № 7, стр. 50). Отсюда ясно, что измышленія Марковъ о союзѣ поляковъ съ украинцами и преслѣдованіи москвофиловъ—чистѣйшій вымыселъ, но зато у насъ есть данныя, и очень вѣскія, противоположнаго характера—о блокѣ москвофиловъ съ поляками и о борьбѣ ихъ противъ общаго врага—украинцевъ. Блокъ этотъ ни для кого не былъ тайной, и о немъ много и совершенно откровенно говорила и польская, и русская печать. Основанія этого союза вполне понятны: ростъ украинства съ его демократическимъ направлениемъ и быстрымъ расширениемъ сферы завоеваній въ разныхъ областяхъ жизни, съ его настойчивой и энергичной борьбой за національную украинскую школу, съ его все растущимъ влияниемъ на народныя массы, наконецъ, съ его упорнымъ требованіемъ реформъ сейма и парламента серьезно угрожалъ господству въ Галичинѣ поляковъ, склонныхъ каждое украинское приобрѣтеніе разсматривать какъ собственную потерю, и заставилъ ихъ искать союзниковъ для борьбы съ украинцами. Такими союзниками оказались москвофилы. Это не значитъ вовсе, что польскіе консерваторы дѣйствительно заботились о насажденіи „русской партіи“ и вѣрили въ жизненность и обоснованность москвофильской доктрины. Ничуть не бывало. Они думали прежде всего о собственныхъ интересахъ и, заключая блокъ съ москвофилами, только выбирали изъ двухъ золъ меньшее: терпѣли до поры, до времени и даже поддерживали москвофильскія иллюзіи, чтобы съ помощью ихъ адептовъ одолѣть общаго врага. Основанія союза были въ такой же мѣрѣ, какъ и для насъ, очевидны для поляковъ. Такъ, напр., вотъ какъ объясняетъ ихъ одинъ изъ польскихъ авторовъ:

„Народовые демократы (польская консервативно-націоналистическая партія) пришли къ убѣжденію, что въ борьбѣ съ украинскимъ движеніемъ партія москвофиловъ можетъ сдѣлаться очень желаннымъ союзникомъ для польскихъ націоналистовъ. Потому что борьба „украинцевъ“ за расширеніе правъ украинскаго языка одинаково антипатична какъ для москвофиловъ, такъ и для польскихъ націоналистовъ. Укрѣпленіе же языка украинскаго въ общественной жизни и полити-

ческих учрежденіяхъ Галиціи въ высшей степени вредно для русскихъ противниковъ украинцевъ, потому что, отнимаетъ почву у мечтаній ихъ о господствѣ русскаго языка въ Восточной Галиціи. Для нихъ, особенно для „молодыхъ москвофиловъ“, удобно все, что можетъ помѣшать дальнѣйшимъ приобрѣтеніямъ украинцевъ. Они даже соглашаются на временное господство и перевѣсъ поляковъ, чѣмъ развитіе украинства, потому что думаютъ, что въ случаѣ присоединенія Восточной Галиціи къ Россіи легче имъ будетъ поладить съ поляками, чѣмъ съ украинцами, которые найдутъ поддержку у своихъ единомышленниковъ—русскихъ украинцевъ. Что же касается народныхъ демократовъ, то они поняли, что москвофильство, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Галиція принадлежитъ Австріи, совершенно безвредно для интересовъ польскихъ. Его искусственность очевидна, и благодаря тому домогательства москвофиловъ если и небезопасны для кого-либо, то только для русиновъ, но не поляковъ, потому что могли бы быть осуществлены только на счетъ уменьшенія правъ украинскаго языка“ (Vasilevski, „Ukraina i sprava ukraińska“, стр. 176—7).

Еще болѣе откровенна польская пресса, особенно націоналистическая. Такъ, „Slovo Polskie“ въ № 420 за 1903 г. писало: „Принимая во вниманіе реальное положеніе, партія москвофиловъ для насъ менѣе вредна, чѣмъ распущенное гайдамацтво такъ-называемыхъ народовцевъ. Москвофиламъ мы не должны будемъ дѣлать ни одной изъ уступокъ, нарушающихъ нашъ „stan posiadania“—ни украинскихъ гимназій, ни университетскихъ кафедръ и т. п.“ (ib., ст. 177). А дальше авторъ статьи разсыпается въ комплиментахъ по адресу „культурности, т.-е. консерватизма“, москвофиловъ.

Вотъ благодаря именно этому консерватизму и отсутствію „гайдамацкихъ“, т.-е. національно-демократическихъ, требованій у москвофиловъ между ними и польскимъ намістникомъ гр. Потоцкимъ была заключена формальная угода, и москвофильская печать („Галичанинъ“), измѣнивъ совершенно тонъ относительно поляковъ, со всей энергіей обрушивается на украинцевъ, причемъ польская пресса

неукоснительно перепечатывала всѣ инсинуаціи. Ближайшимъ слѣдствіемъ союза была поддержка польской администраціей москвофиловъ на выборахъ, и проведеніе ихъ кандидатовъ дѣлается предметомъ такой же заботы, какъ и своихъ собственныхъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется такой поразительный, на первый взглядъ противорѣчащій всему вышеизложенному, фактъ, какъ побѣда москвофиловъ на сеймовыхъ выборахъ 1908 г., когда имъ удалось добиться 10 мѣстъ противъ 11 украинцевъ, исключительно благодаря ему они получили 5 мандатовъ на парламентскихъ выборахъ 1907 г. Нужно добавить, что союзники не всегда патронировались поляками съ одинаковой энергіей, такъ какъ уже очень скоро для польскихъ комитетовъ стала ясна политическая незначительность москвофильской партіи. Поэтому въ медовый мѣсяцъ польско-москвофильскаго союза москвофильскіе интересы защищались энергичнѣе, чѣмъ позже, когда (на выборахъ 1911 г.) они поддерживались лишь по традиціи, хотя по справедливости и здѣсь тѣ два мандата, которые были получены москвофилами, были дѣломъ польскихъ націоналистовъ и консерваторовъ. Союзъ этотъ не отрицаютъ и русскіе публицисты. Такъ, г. Погодинъ отмѣчаетъ: „На выборахъ въ сеймъ и рейхератъ обнаружилось, что безъ поддержки власти это политическое движеніе не могло пріобрѣсти большого вліянія“, почему политическими союзниками москвофиловъ „оказались въ виду общей, связывающей ихъ вражды къ украинцамъ, польскіе націоналисты всѣхъ оттѣнковъ“ („Сл. міръ“, стр. 177). То же высказывается и многими другими.

Да и относительно украинцевъ москвофильская позиція въ Австріи была менѣе непримирима, чѣмъ въ Россіи. Мы знаемъ случаи блока москвофиловъ съ украинцами. Чтобы недалеко ходить, укажемъ на случай недавняго прошлаго. Когда поляки разочаровались въ москвофилахъ и всецѣло къ нимъ охладѣли, послѣдніе были не прочь вступить въ соглашеніе (хотя бы и временное) съ украинцами, и на сеймовыхъ выборахъ 1913 г. послѣдніе поддерживали своими голосами единственнаго кандидата, котораго удалось провести москвофиламъ (г. Маркова). Нужно думать, что поддержка эта была не случайна и обусловливалась извѣстными обѣщаніями украинцамъ. И какъ бы ни открещивался

г. Марковъ въ 1915 г. отъ союза съ поляками, какія бы инсинуаціи не взводилъ на украинцевъ, желая реабилитировать свою партію, доказать ея безкомпромиссность и „русское направленіе“, фактъ остается фактомъ, и всѣ его тирады заднимъ числомъ противъ поляковъ никакого значенія не имѣютъ и только напоминаютъ пословицу: старые хлѣбъ-соль забываются.

Въ смыслѣ социально-политическихъ воззрѣній современное москвофильство недалеко ушло отъ своихъ родоначальниковъ 50—60-хъ гг., и сохранило въ неприкосновенности старый клерикализмъ и реакціонность, съ той, впрочемъ, разницей, что фракція „молодыхъ“ откристаллизовалась, отлила ихъ въ форму законченную и въ своей идеологіи подошла вплотную и слилась съ платформой русскихъ националистовъ. И, по нашему мнѣнію, въ основѣ ихъ борьбы съ украинцами лежитъ не только и не столько отношеніе къ русскому языку и культурѣ (какъ мы видѣли они, въ сущности, для нихъ чужіе), сколько разномысліе социально-политическое. Сохранилось въ новомъ москвофильствѣ отъ старыхъ временъ и полное непониманіе народныхъ нуждъ. Москвофильскіе авторы часто и со слезой въ голосъ любятъ рассказывать о народныхъ страданіяхъ. А между тѣмъ, если современные дѣятели этого лагеря не рѣшаются такъ откровенно, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, объявить народныя массы „Хиврями, Паньками“ и тому подобной „хохлачизной“, то въ смыслѣ пониманія ихъ реальныхъ потребностей они недалеко ушли отъ прежняго и гораздо больше увлекаетъ ихъ ломаніе копій по адресу украинцевъ и упорное противодѣйствіе всякому прогрессу, чѣмъ борьба за народныя нужды. Въ подтвержденіе приведу мелкій, но яркій фактъ изъ исторіи реформы сейма. Послѣ долгихъ перипетій борьбы поляковъ съ украинцами въ февралѣ 1914 г. былъ проведенъ, наконецъ, новый избирательный законъ, по которому украинцамъ досталось 62 гол. изъ общаго числа мандатовъ (228), то-есть количество украинскихъ депутатовъ удвоилось сравнительно съ послѣднимъ временемъ (если взять болѣе раннюю эпоху, разница будетъ еще разительнѣе). Никто не будетъ возражать, что увеличеніе количества депутатскихъ мѣстъ будетъ благомъ, а не зломъ для народа. Между тѣмъ москвофилы думали иначе, и д-ръ Марковъ покинулъ залъ засѣданія въ видѣ протеста противъ принятія реформы, видя въ ней побѣду... „Берлина“.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем вынести заключение о характерѣ книги и степени довѣрія, которой заслуживаютъ москвофильскія произведенія. Обѣ статьи—беззастѣнчивая мистификація, беспочвенная утопія, выдаваемая за подлинную дѣйствительность, цѣль извращеній, умолчаній, ложныхъ ссылокъ, словомъ, цѣлая система ухищреній, направленная на „обработку“ русскаго общественнаго мнѣнія. Обработка эта началась нѣ со вчерашняго дня, она ведется съ первыхъ мѣсяцевъ войны, но раньше проводилась косвенно, путемъ информации русскихъ журналистовъ. Однако, такимъ путемъ не всѣ желательныя свѣдѣнія попадали на свѣтъ Божій или по крайней мѣрѣ газетно-журнальный, потому что, какъ ни мало были знакомы русскіе публицисты съ галицкими отношеніями, но сообщаемыя информаторами событія были подчасъ такъ экстравагантны, что невольно вызывали къ себѣ подозрѣніе, и рядомъ съ восхваленіемъ москвофильской дѣятельности, надъ патентованнымъ москвофильскимъ патріотизмомъ роковымъ образомъ замелькалъ призракъ вопросительнаго знака. И вотъ „патріоты“ въ видахъ „уничтоженія“ всѣхъ враговъ, предпринимаютъ самостоятельное изданіе, гдѣ ихъ дѣятельность не столько описана, сколько опоэтизирована. Они не достигли цѣли: ихъ вѣчныя нападки на поляковъ и особенно украинцевъ, злобность и клевета, многочисленные доносы въ духѣ сыскаго отдѣленія производятъ жалкое и досадное впечатлѣніе и заставляютъ подозрѣвать, что дѣла москвофильскія обстоятъ не совсѣмъ блестяще и враги много могущественнѣе. А постоянныя сѣтованія и идиллическія мечты о томъ, что было бы, если бы имъ никто не мѣшалъ (это могло бы произойти лишь въ томъ, только мыслимомъ, случаѣ, если бы изъ Галичины чья-либо благодѣтельная рука изгнала внезапно всѣ партіи, кромѣ москвофильской, которая сверхъ того получала бы неограниченныя субсидіи отъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ благотворителей), окончательно подрываютъ вѣру въ силу и жизненность партіи и невольно напоминаютъ другую мечтательницу—гоголевскую Агафью Тихоновну, колеблющуюся въ выборѣ жениха: „Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развитости, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить къ этому еще дородность Ивана Ива-

новича, я бы тогда рѣшилась“. Съ той лишь разницей, что нельзя ручаться заранѣе, что и въ тѣхъ, лишь идеально мыслимыхъ, условіяхъ партія москофиловъ „рѣшилась бы“, такъ какъ держали же они въ началѣ 50-хъ гг. въ своихъ рукахъ всѣ учрежденія и средства и украинцы и поляки не мѣшали, и субсидіи нѣкоторыя были, и правительство австрійское покровительствовало, и все-же ни на что не „рѣшились“.

Н. Ядій.

<http://luc1.kiev.ua/>

На бѣлорусскія темы.

I.

Печать недавно была занята отзывами различныхъ министерствъ о проектѣ отмѣны законовъ, ограничивающихъ въ правахъ поляковъ Западнаго края. Среди этихъ отзывовъ сравнительно слабое вниманіе обратилъ на себя отзывъ гр. Игнатъева, и объ этомъ приходится пожалѣть: предлагаемое имъ рѣшеніе вопроса, во-первыхъ, своеобразно, а во-вторыхъ — чревато самыми нежелательными послѣдствіями. Именно, гр. Игнатъевъ высказался за уничтоженіе правоограниченій, но при этомъ остановился на причинѣ ихъ возникновенія. Этой причиной гр. Игнатъевъ считаетъ стремленіе предохранить бѣлоруссовъ-католиковъ отъ колонизаціи. Полагая, что правительство не можетъ отказаться отъ этого стремленія и теперь, гр. Игнатъевъ предлагаетъ одновременно съ отмѣной ограничительныхъ законовъ ввести во всѣхъ костелахъ, удовлетворяющихъ религіозныя нужды бѣлоруссовъ-католиковъ, вмѣсто польскаго русскій языкъ (рѣчь идетъ, конечно, о такъ-называемомъ „добавочномъ“ богослуженіи). Только при осуществленіи этого условія министръ соглашается на осуществленіе обсуждаемаго проекта.

Для насъ отмѣна національныхъ правоограниченій—вопросъ принципиальнаго значенія; какъ всегда, и въ данномъ случаѣ привѣтствуемъ мы ее, полагая при этомъ, что она должна быть проведена въ жизнь независимо отъ того, польскій или русскій языкъ будетъ въ костелѣ. Но послѣдній вопросъ имѣетъ и свой самостоятельный интересъ, несравненно большій, нежели самая отмѣна правоограниченій. Дѣло въ томъ, что если *conditio sine qua non* гр. Игнатъева будетъ осуществлено, то два милліона бѣлоруссовъ-католиковъ, какъ есть всѣ основанія предполагать, едва ли не на два милліона увеличатъ собою цифру поляковъ въ нашемъ краѣ. Развитіе этой мысли и составитъ предметъ моей замѣтки.

Гр. Игнатъевъ вѣрно понялъ положеніе вещей—бѣлоруссы-католики, безспорно, полонизируются, и причина этого лежитъ въ значительной степени въ польскомъ характерѣ костела. Національно несознательный бѣлоруссъ сплошь и рядомъ судить такъ: моя вѣра—польская, слѣдовательно, я—полякъ. Но,—подчеркиваю это,—исключительно польскій видъ костела—явленіе въ нашемъ краѣ сравнительно недавней формации, и притомъ порожденное не чѣмъ другимъ, какъ „руссификаторскими“ мѣропріятіями правительства. Въ лицѣ гр. Игнатъева юно нынѣ борется съ плодами рукъ своихъ, и еще вопросъ, насколько легка и успѣшна будетъ эта борьба.

Вотъ, на примѣръ, инструкція консисторіи архидієцезіи могилевской еще отъ 1794 г.: „postanowiono wszystkim w Archidjecezji plebanom zalecić, i zaleca się, aly ludowitym językiem, jaki on rozumie po skończonym, nabożeństwie z ambon po kościołach kazania miewali“. Такъ фактически и было: бѣлорусскій языкъ употреблялся и въ костелахъ, и въ униатскихъ церквахъ, католическій клиръ печаталъ по-бѣлорусски религіозныя изданія; для наименованія католицизма польской вѣрой и проистекающихъ отсюда результатовъ не было мѣста. Такъ дѣло обстояло до конца 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія,—тяжелой поры, когда со стороны правительства посыпались систематическіе удары, имѣвшіе цѣлью уничтожить бѣлоруссовъ какъ національность: воспрещено было издавать по-бѣлорусски книги, а изданныя раньше приказано конфисковывать и сжигать; униатская религія, являвшаяся въ краѣ какъ бы національно-бѣлорусской, уничтожена; отмѣнено дѣйствіе Литовскаго Статута—основного памятника бѣлорусскаго права и т. д. Въ это же время, а именно въ 1839 г., было воспрещено употребленіе въ богослуженіи бѣлорусскаго языка. Его мѣсто занялъ польскій языкъ. Невольно спрашиваешь себя: кто же больше сдѣлалъ для ополченія бѣлоруссовъ—полонизаторы или „руссификаторы“?

Правительство достигло своего: остатки національныхъ силъ бѣлорусскаго народа были уничтожены, бороться съ „руссификаціей“ онъ не могъ; но по той же причинѣ онъ не могъ бороться и съ полонизаціей—и всѣ ея дальнѣйшіе успѣхи должны остаться на отвѣтственности „обрустителей“, парализовавшихъ національную самодѣятельность бѣлорусскаго народа. Они, конечно, полагали, что административ-

ное давленіе обезпечить его отъ полонизаціи. Но это давленіе только увеличивало ее, и дѣло дошло до того, что въ 1909 г. на кievскомъ черносотенномъ съѣздѣ „патріотъ“ г. Кулаковскій предложилъ окончательно отдать бѣлорусовъ-католиковъ въ жертву полонизаціи, чтобы съ тѣмъ большей энергіей приняться за фабрикацію великоруссовъ изъ бѣлоруссовъ и православныхъ.

Отпоръ, дававшійся извнѣ, явно уперся въ тушикъ и только ухудшалъ положеніе; исходъ дѣла можно было бы считать предрѣшеннымъ, если бы на сцену не выступила отпорная сила, росшая изнутри; эта сила—пробужденіе національнаго самосознанія бѣлоруссовъ.

Лѣтъ пять назадъ петроградскіе католики-бѣлоруссы обратились къ папѣ съ жалобой на свой клиръ, не желающій дать мѣсто въ костелѣ бѣлорусскому языку; папскій отвѣтъ указывалъ, что добавочное богослуженіе для бѣлоруссовъ-католиковъ должно быть не польскимъ, а бѣлорусскимъ. Такъ какъ правительственный указъ о воспрещеніи употреблять въ богослуженіи бѣлорусскую рѣчь былъ забытъ, то папское рѣшеніе начало то тамъ, то сямъ осуществляться. вмѣстѣ съ тѣмъ стали издаваться католическія брошюрки на бѣлорусскомъ языкѣ, образовалась цѣлая группа ксендзовъ, сочувствовавшихъ возрожденію бѣлорусскаго народа и выпускавшихъ по-бѣлорусски католическій еженедѣльникъ „Bielarus“. Эта дѣятельность, судя по корреспонденціямъ въ журналъ, вскорѣ стала на твердую почву и прочно развивалась, пока нѣмецкое нашествіе не оборвало ее лѣтомъ прошлаго года. Что касается введенія бѣлорусской рѣчи въ костелъ, то она вездѣ встрѣчалась съ радостью, и не разъ приходилось читать, что молящіеся плакали, услышавъ въ храмѣ родной языкъ.

И если гр. Игнатъевъ подъ русскимъ языкомъ, выдвигаемымъ имъ въ костелѣ на смѣну польскому, разумѣеть языкъ бѣлорусскій,—его проектъ можно было бы только привѣтствовать. Это явилось бы просто проложеніемъ русла глубоко-жизненному явленію, идущему въ нѣдрахъ народа. Мало того, слѣдовало бы не останавливаться на этомъ, ввести бѣлорусскій языкъ не только въ костелъ, но и въ церковь, въ школу, въ сельскія государственныя учрежденія. При этихъ условіяхъ полонизація бѣлорусскаго народа сдѣлалась бы немислимою, онъ бы полностью остался на бѣлорусской и, слѣдовательно, на русской почвѣ. Одной русской культурой на свѣтѣ было бы больше.

Представляется, однако, болѣе вѣроятнымъ, что, говоря о русскомъ языкѣ, гр. Игнатьевъ имѣлъ въ виду языкъ великорусскій. А это наводитъ на тревожныя размышленія. Для лицъ, знающихъ край, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эта мѣра въ такомъ ея видѣ будетъ сѣрой крестьянской массой понята какъ шагъ къ замѣнѣ католицизма православіемъ. А потому, во-первыхъ, она можетъ быть проведена лишь насильственно, при явномъ или глухомъ недовольствѣ,—если только не сопротивленіи со стороны населенія, а быть можетъ и клира. Во-вторыхъ,—и это главное,—бѣлорусская, католическая среда, и безъ того находящаяся „въ сферѣ притяженія“ польской культуры, окружить польскій языкъ ореоломъ, возвращеніе его въ костель сдѣластъ предметомъ своихъ надеждъ и стремленій и уже, соотвѣтственно этому, въ своей частной жизни отведетъ ему почетное мѣсто, посадитъ въ красный уголь, подъ образа. Передъ нами будутъ уже не объекты колонизаціи, а прозелиты ея. Создастся массовый стихійный сдвигъ въ сторону Польши, какъ естественная реакція на выдвинутый гр. Игнатьевымъ проектъ, и, быть можетъ, безвозвратно рѣшитъ дальнѣйшую національную судьбу этого народа ¹⁾).

Къ тому же ничто не ново подъ луною: мѣра, предложенная гр. Игнатьевымъ, была уже осуществлена въ Бѣлоруссіи въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, хотя и въ болѣе мелкомъ масштабѣ. Недостатка въ административной поддержкѣ, конечно, не было, нашлись и ксендзы, готовые поддержать это начинаніе, но въ населеніи оно встрѣтило лишь чувство вражды и вскорѣ свелось на-нѣтъ. Графъ Игнатьевъ могъ бы взглянуть на это предпріятіе какъ на политическое „опытное поле“ для того, чтобы понять, какая судьба ждетъ его проектъ.

¹⁾ Нѣчто подобное проекту гр. Игнатьева было выполнено нѣсколько лѣтъ назадъ въ области школьнаго дѣла: именно католиковъ-бѣлоруссовъ было предписано обучать Закону Божію не по-польски, а по-великорусски. Но это только повысило температуру колонизаціи края. Цѣлыя селенія въ чисто-бѣлорусскихъ мѣстностяхъ (напр., Вернянской вол. Виленской губ.) требовали, чтобы ихъ признали польскими. Въмѣшались власти, началось слѣдствіе. А между тѣмъ чего же иного можно было ожидать? Не сама ли власть, напримѣръ, объединила изъ какихъ-то темныхъ соображеній въ одну избирательную курію бѣлоруссовъ-католиковъ и поляковъ? Какъ это должно было преломиться въ психикѣ бѣлоруссовъ-католиковъ,—объяснять, полагаю, не нужно.

Достоинъ всяческаго вниманія и одинъ изъ заключительныхъ эпизодовъ этого административнаго начинанія. Именно, оно привело къ тому, что въ послѣднемъ десятилѣтїи прошлаго вѣка въ Минской губерніи насчитывалось мѣсколько десятковъ костеловъ, закрытыхъ благодаря введенію въ нихъ великорусскаго языка. Тогда бискупъ суфраганъ могилевскій Симонъ обратился официальнымъ путемъ къ минскому губернатору кн. Трубецкому съ предложеніемъ ввести въ костельное богослуженіе бѣлорусскій языкъ, видя въ этомъ единственный выходъ изъ создавашагося положенія. Кн. Трубецкой съ своей стороны всецѣло поддержалъ эту мысль, и русское правительство начало переговоры съ Римомъ, въ результатъ которыхъ 8 мая 1897 г. получило разрѣшеніе употреблять бѣлорусскую рѣчь тамъ, ubi dialectus alborussica a populo adhibetur. Разрѣшеніе это не было тогда использовано правительствомъ, но мы все-же видимъ, куда вела его неумолимая логика вещей.

Моя замѣтка приходитъ къ концу. Я не оцѣнивалъ въ ней проектъ съ національно-бѣлорусской позиціи, такъ какъ для иныхъ она представляется спорной. Я подошелъ къ нему именно съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ гр. Игнатьевъ,—съ точки зрѣнія необходимости задержать полонизацію бѣлоруссовъ,—и постарался показать, что предложенная имъ мѣра крайне опасна, нежизнеспособна и вѣроятнымъ результатомъ своимъ будетъ имѣть сдвигъ въ сторону Польши,—сдвигъ, быть можетъ, непоправимый. И не слѣдуетъ ли признать, что власть не въ состояніи предохранить бѣлоруссовъ отъ ополяченія, что она совершила тяжкую ошибку, приглушая національныя силы бѣлорусскаго народа, что единственная надежда въ возрожденіи этихъ, уже пробуждающихся силъ?

II.

„Не так тії вороги, як добріі люде“... Передо мною книжка г. Панкратова „Встрѣчные люди“. Въ очеркѣ „Обручитель“, гдѣ довольно вѣрно изложена исторія походженій одного газетнаго проходимца изъ бѣлорусскихъ руссификаторовъ, встрѣчаются строки: „Онъ, конечно, стоялъ за полную государственную самостоятельность Бѣлоруссіи. Кто же въ молодости не стоялъ за нее?“

То-есть, какъ же это „кто не стоялъ за нее“? Да никто не стоялъ! Пусть г. Панкратовъ, если онъ только придастъ

какую-либо цѣну своимъ словамъ, укажетъ въ подтвержденіе ихъ хотя бы одинъ фактъ. Такихъ фактовъ нѣтъ. Национальнныя домогательства бѣлорусскаго движенія элементарны и невелики, дальше автономіи Бѣлоруссіи они не шли, да и это послѣднее требованіе никогда съ настойчивостью не выдвигалось. Уловленіе бѣлоруссовъ во всякаго рода „измахъ“ является заработкомъ для описаннаго г. Панкратовымъ обрусителя „Лукашевича“, но и онъ не позволялъ себѣ приписывать бѣлоруссамъ такихъ намѣреній, которыя приписалъ г. Панкратовъ.

Всего интереснѣе то, что г. Панкратовъ—сотрудникъ прогрессивной газеты, очевидно, и самъ прогрессистъ, копій съ представителями бѣлорусскаго движенія отнюдь не ломаетъ, даже вотъ стремленію къ государственной самостоятельности Бѣлоруссіи нашель благодушное извиненіе. Кто, дескать, въ молодости не стремился. Такъ что, видимо, и всѣ эти слова не что иное, какъ продуктъ нѣкоторой бойкости пера. О нихъ не стоило бы и говорить, если бы они не были такъ характерны: подобныя обмолвки у благодушныхъ друзей бѣлорусскаго и тѣмъ болѣе украинскаго движенія, какъ извѣстно, слишкомъ нерѣдки.

М. Богдановичъ.

Изъ газетъ.

Въ настоящее время національный вопросъ пользуется исключительнымъ вниманіемъ; о немъ часто помѣщаются статьи, читаются лекціи. Но если у большинства пишущихъ, читающихъ и говорящихъ проявляется благожелательное отношеніе къ національному вопросу вообще, то въ частности вопросъ украинскій смущаетъ еще очень и очень многихъ, будто бы искренне желающихъ порвать съ прежними традиціями національнаго угнетенія.

Это дало поводъ проф. М. Грушевскому въ № 33 „Русск. Вѣд.“ назвать украинскій вопросъ „камнемъ преткновенія у порога великой Россіи будущаго, — Россіи свободныхъ и равноправныхъ народовъ, объединенныхъ дружнымъ устремленіемъ къ развитію экономической, культурной и общественной мощи своего общаго отечества“.

Характернымъ образцомъ въ этомъ отношеніи явились статьи въ „Кіевлянинѣ“, вызванныя статьей М. Грушевскаго „Ветхій прахъ“ („Рѣчь“, № 261).

Одна изъ этихъ статей принадлежитъ перу деп. Шульгина. Въ ней онъ все-же пытается разобраться въ украинскомъ вопросѣ, но его собственный органъ не въ силахъ подняться и на ту степень объективности, которой достигаетъ деп. Шульгинъ, и въ сопутствующей передовицѣ, въ словахъ не столь убѣдительныхъ, сколько крѣпкихъ, преподноситъ въ сгущенномъ видѣ весь букетъ той специфической атмосферы, въ которой живетъ и дышитъ націоналистическая публика.

Деп. Шульгину претитъ преслѣдованіе украинской интеллигенціи, запрещеніе украинской прессы, украинскихъ обществъ и пр., но онъ все-же находится во власти противорѣчій между искреннимъ отвращеніемъ къ насилію надъ человѣческими убѣжденіями и соображеніями неправильно понятыхъ государственныхъ или національныхъ интересовъ. Онъ готовъ снять запрещеніе съ украинской книги, газеты, журнала, частнаго общества, но нѣтъ и рѣчи у него о допу-

стимости обученія на украинскомъ языкѣ въ школахъ, хотя бы начальной.

«Депутатъ Шульгинъ, — пишетъ по этому поводу профессоръ Грушевскій, — созналъ, очевидно, что культурныхъ, интеллигентныхъ, идейно настроенныхъ людей, — если даже они заблуждаются и дѣятельность ихъ не имѣетъ будущаго, — нельзя брать въ опеку, какъ душевно-больныхъ, и одѣвать въ смирительную рубаху изъятій и запрещеній совершенно мирной, культурной, закономѣрной дѣятельности. Но онъ, повидимому, и сейчасъ склоненъ представлять культурную работу украинской интеллигенціи какъ актъ нѣкоего національнаго самоуслажденія, любительскаго спорта, направленнаго на преодоленіе такихъ цѣлей, какъ созданіе изъ «малороссійскаго просторѣчія» литературнаго или научнаго языка, переименованія или перешиванія въ украинскую одежду разныхъ фактовъ и дѣятелей «русской исторіи» и тому подобныхъ капризовъ національной «самовлюбленности», — по его выраженію. Между тѣмъ, если съ извѣстными натяжками такую характеристику можно было бы приложить, на примѣръ, къ разнымъ патриотамъ малороссійскаго отечества второй половины XVIII в., то съ тѣхъ поръ украинское общество, — давно, еще въ первой половинѣ XIX в., — сошло съ этой позиціи и отъ платоническихъ преклоненій предъ «неподражаемыми въ своей безыскусственности» красотами народной рѣчи, сокровищами народной поэзіи, красочностью украинской этнографіи перешло къ серьезному и внимательному отношенію къ положенію носительницы всѣхъ этихъ сокровищъ, — украинской народной массы, обреченной со всѣми своими красотами на кромѣшную тьму, экономическое и культурное выраженіе, экономическое порабощеніе всякими инородными элементами, подѣльно пресловутаго «единства русскаго народа».

Отнюдь не въ соперничествѣ съ великорусской культурой или «съ языкомъ Пушкина съ одной стороны и языкомъ Мицкевича — съ другой», какъ выражается депутатъ Шульгинъ, а въ желаніи создать культурныя средства, способныя поднять уваженіе къ народной украинской стихіи въ украинскомъ обществѣ и чрезъ его посредство въ народныхъ массахъ, и обезпечить имъ возможность культурнаго и общественнаго развитія безъ болѣзненнаго, отравляющаго психику разрыва со своей народной жизнью, безъ отреченія отъ нея, — вотъ гдѣ лежалъ, главный нервъ, *primum movens* украинскаго движенія на протяженіи почти цѣлаго столѣтія. Мысль о просвѣщеніи народа, объ его культурныхъ запросахъ и нуждахъ неотлучно сопровождала поколѣнія украинскіхъ писателей и ученыхъ отъ старыхъ временъ и до нашихъ дней, и потому какъ-разъ этотъ вопросъ, передъ которымъ въ такой нерѣшительности останавливаются націоналисты прогрессивнаго блока, — признаніе правъ гражданства за народнымъ языкомъ на линіи соприкосновенія народныхъ украинскіхъ массъ съ образованіемъ, культурой, управленіемъ, — онъ именно составляетъ центральный, жизненный нервъ украинскаго вопроса съ судьбой котораго связано все, — счастье и горе, на-

дежды и отчаяніе украинской интеллигенціи и украинскаго народа. Поэтому такая постановка украинскаго вопроса, какую даютъ ему цитированныя статьи, освѣщающія вообще позицію праваго крыла прогрессивнаго блока въ этой проблемѣ, не можетъ никоимъ образомъ считаться разрѣшеніемъ украинскаго вопроса: оно пытается обойти этотъ камень преткновенія у порога новой Россіи. Но обойти его не удастся никому.

Въ № 46 „Русск. Вѣд.“ напечатана статья проф. М. Грушевскаго „Камень краугольный“, о національной украинской школѣ.

Въ области устроенія украинской жизни центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о школѣ. Это—основаніе всего. И если въ настоящее время необходимость культурнаго и національнаго строительства, безотлагательнаго, неоткладываемаго до полнаго успокоенія и времени мирныхъ, осознается все шире и глубже, вопросъ объ украинской народной школѣ долженъ стать на очередь, какъ одинъ изъ насущнѣйшихъ и неотложнѣйшихъ вопросовъ,—какъ удовлетвореніе наболѣвшей потребности украинской народной жизни, какъ исполненіе многолѣтнихъ чаяній всѣхъ лучшихъ представителей украинскаго общества, какъ залогъ новыхъ отношеній, новаго духовнаго единенія его съ обществомъ великорусскимъ, свободнаго и непринужденнаго, котораго не могла достигнуть принудительная система внѣшняго единства и единообразія, осуществлявшаяся въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій, съ такимъ неисчислимымъ вредомъ для украинской жизни, вопреки предостереженіямъ и напоминаніямъ всѣхъ принимавшихъ къ сердцу ея интересы.

Не только украинцу-патріоту, а всякому сколько-нибудь вдумчивому наблюдателю украинской жизни не могла не броситься въ глаза трагедія украинскаго народа,—этой огромной, многомилліонной массы, лишенной языка, какъ культурно-образовательнаго средства, обреченной покупать доступъ къ просвѣщенію тяжелою, мучительною процедурою униженія ея родной рѣчи и всего обихода представленій и понятій, съ ней связанныхъ.

И въ концѣ-концовъ вся эта ломка психики, вся эта тяжелая и мучительная работа лишь особо счастливой одаренности дѣйствительно приводитъ въ результатъ начальнаго обученія къ искомому,—къ замѣнѣ роднаго языка новымъ, «панскимъ» языкомъ, усвоеннымъ постольку, что онъ становится орудіемъ самообразования. Въ большинствѣ же случаевъ воспитанникъ этой школы остается на всю жизнь безъ языка, потерявъ довѣріе и уваженіе къ своему собственному языку и съ нимъ вообще ко всей своей народной стихіи, оказавшейся недостойной просвѣщеннаго вѣка и человѣка, и не пріобрѣвъ взамѣнъ никакого другаго языка и никакого другаго культурнаго содержанія для свихъ духовныхъ запросовъ.

Дальше, приведа мнѣнія выдающихся русскихъ педагоговъ, Ушинскаго, Весселя, Водовозова, бар. Корфа, филолога-

психолога Потевни, опредѣленно заявлявшихъ, что великорусская школа приносить вредъ просвѣщенію на Украинѣ, проф. Грушевскій говорить:

Это, несомнѣнно, такъ, и украинское населеніе, лишенное школы на народномъ языкѣ, неизбѣжно тѣмъ самымъ осуждено было отставать въ своемъ развитіи по сравненію съ нѣмцемъ-колонистомъ, съ евреемъ, съ великороссомъ, съ полякомъ, уступать имъ въ борьбѣ за свое существованіе, т.-е. обречено на культурное и экономическое захуданіе. Дѣйствительно, наблюденія послѣднихъ лѣтъ показали, что процентъ грамотности среди украинскаго населенія стоитъ гораздо ниже, чѣмъ среди перечисленныхъ и многихъ другихъ народностей Россіи, что среди даже прошедшаго народную школу украинскаго населенія въ ужасающихъ размѣрахъ развивается рецидивизмъ безграмотности вслѣдствіе того, что приобрѣтенное механическое искусство чтенія остается безъ приложенія, такъ какъ великорусскій книжный языкъ остался все-таки неусвоеннымъ питомцемъ школы, а къ родному, украинскому, какъ культурному орудію, школьная учеба успѣла въ немъ вселить недовѣріе, да и украинская книга и всякія культурныя средства, создаваемыя украинской интеллигенціей для народа, доходятъ до него съ большимъ трудомъ вслѣдствіе мѣропріятій, принимаемыхъ противъ распространенія этихъ культурныхъ средствъ. При настоящей обрусительной политикѣ украинскій народъ, нѣкогда шедшій впереди великорусскаго населенія по своему развитію и образованности, дѣйствительно осужденъ на то, чтобы стать «навозомъ» «для языка Пушкина и для языка Мицкевича», а въ конечномъ результатѣ— для надвигающагося западно-европейскаго капитализма, и чѣмъ напряженнѣе, безудержнѣе становится нынѣшнее экономическое и національное соперничество, тѣмъ болѣе вопіющей становится эта обида, наносимая украинскому народу въ рамкахъ російской государственности изъ-за фантома внѣшняго «единства русскаго народа», въ интересахъ котораго попираются живые, кровные интересы этого народа.

Да, фантома, ибо стремиться къ такому внѣшнему единству,—единообразію языка и культуры,—путемъ подавленія языка украинскаго или бѣлорусскаго значитъ итти противъ дѣйствительности, не принимать факта существованія этихъ тысячелѣтнихъ развѣтвленій восточнаго славянства,—этого самаго «малороссійскаго просторѣчія», въ дѣйствительности вовсе не столь безыскусственнаго и первобытнаго,—впитавшаго въ себя результаты долгаго, сложнаго, многообразнаго историческаго процесса, служащаго выраженіемъ богатой, содержаніемъ исторической жизни, воспріявшей многообразныя культурныя вліянія, обросшей и пропитанной своими историческими воспоминаніями и переживаніями.

Мучительный экспериментъ, продѣлываемый надъ поколѣніями украинскаго народа этими усиліями къ недостижимому внѣшнему единству, остается безплоднымъ. Украинскій народъ не ру-

сѣтъ, но онъ вырождается въ этихъ условіяхъ, теряетъ энергію, ресурсы борьбы за существованіе, становящейся все болѣе тяжелой съ ускореніемъ пульса экономической и культурной жизни; сознание это наполняетъ тревогой и печалью украинскую интеллигенцію. Настоящій моментъ является для этого вопроса рѣшающимъ и повелительно требуетъ своего разрѣшенія. Я выскажу свое глубочайшее убѣжденіе,—которое раздѣляется если не всѣмъ украинскимъ обществомъ (что вѣроятно), то весьма и весьма многими его представителями,—что для украинской народной школы пробилъ часъ, и на этомъ вопросѣ должны сойтись съ одной стороны всѣ дѣйствительно искренно стремящіяся къ разрѣшенію украинскаго вопроса въ рамкахъ россійской государственности, съ другой—всѣ тѣ, кто дѣйствительно желалъ бы видѣть украинскій народъ въ тѣсной и искренней связи съ россійской державностью, съ великорусской интеллигенціей, народомъ и культурой. Положительное разрѣшеніе вопроса о народной школѣ въ нынѣшній рѣшающій моментъ, несомнѣнно, положить прочное основаніе тому внутреннему единенію, о которомъ я говорилъ выше,—единенію гораздо болѣе цѣнному, чѣмъ это недостижимое и ненужное для внутренней спайки внѣшнее единообразіе языка и культуры. Оно ляжетъ дѣйствительно краеугольнымъ камнемъ мирнаго, безболѣзненнаго, полюбовнаго разрѣшенія украинскаго вопроса въ рамкахъ россійской конституціонной жизни, и всѣ, кому дороги интересы ея, должны поддержать теперь, въ этотъ рѣшительный моментъ, со всей энергіей и настойчивостью это элементарнѣйшее требованіе украинской жизни,—все равно, будутъ ли они исходить изъ интересовъ народнаго преуспѣянія, или интересовъ россійской государственности.

На Украинѣ и внѣ ея.

Панихиды по Т. Г. Шевченкѣ и духовенство. Въ № 51 «Русск. Вѣд.» сообщается:

Ростовское общество журналистовъ желало отслужить панихиду по Тарасѣ Шевченкѣ въ годовщину смерти. Духовенство отказалось, требуя разрѣшенія отъ градоначальника. Въ градоначальствѣ заявили, что это—не дѣло свѣтской власти. Тогда духовенство направило представителей общества къ епископу таганрогскому Іоанну. Епископъ на посланную телеграмму отвѣтилъ, что онъ не въ правѣ разрѣшить. Панихида не состоялась. Между тѣмъ въ Новочеркасскѣ, въ резиденціи наказнаго атамана, панихида отслужена и совершается тамъ безъ препятствій каждый годъ.

Въ Москвѣ и въ Петроградѣ панихиды были отслужены безпрепятственно.

Приостановка «Основы». Издающійся въ Одессѣ подъ ред. Гаврилюка украинскій журналъ „Основа“ приостановленъ на все время военнаго положенія.

Закрытіе екатеринославской „Просвіти“. Послѣ десятилѣтняго существованія администраціей закрыта екатеринославская „Просвіта“. Такимъ образомъ, прекратилось существованіе послѣдней „Просвіти“ изъ цѣлаго ряда „Просвіт“, закрытыхъ администраціей въ другихъ городахъ Украины.

Управленіе екатеринославской украинской „Просвіти“ сообщило по телеграфу депутату А. М. Александрову о закрытіи. Депутатъ обратился въ день открытія сессіи въ кулуарахъ къ министру внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостову, сообщилъ ему содержаніе полученной телеграммы и указалъ на то, что, зная мѣстныя условія, онъ категорически утверждаетъ, что общество „Просвіта“ занималось мирной просвѣтительной работой на пользу края. Никакихъ агрессивныхъ дѣйствій общество какъ по составу, такъ и по роду работъ, не преслѣдовало и не преслѣдуетъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ депутату, что онъ въ ближайшіе дни ознакомится съ дѣломъ. 11-го февраля А. Н. Хвостовъ сообщилъ А. М. Александрову, что онъ поручилъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ А. В. фонъ-Плеве ознакомиться съ дѣломъ «Просвіти» и обсудить вопросъ объ открытіи общества.

Вопросъ объ языкѣ въ народной школѣ. (Отъ нашего корреспондента). Горячія и интересныя пренія вызваль

въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ 24 января сего года собраніи вопросъ о введеніи украинскаго языка въ начальныхъ школахъ, поднятый членомъ Государственной Думы М. И. Коваленко въ связи съ обсужденіемъ смѣтной ассигновки на составленіе учебниковъ, понятныхъ и близкихъ по содержанию дѣтямъ украинскаго населенія, согласно докладу губернской управы.

Вопросъ о составленіи такихъ учебниковъ,—говорится въ докладѣ,—имѣеть свою исторію. О немъ безуспѣшно ходатайствовало еще въ 1883 году золотоношское земство. Въ 1900 году его поднимало лохвицкое земство и добилось внесенія въ смѣту губернскаго земства небольшой суммы на объявленіе конкурса. Но конкурсъ не былъ объявленъ, и дѣло было отложено. Наконецъ, въ 1908 году вопросъ этотъ вновь поднять былъ въ земскомъ собраніи и даже было внесено 2,000 рублей для объявленія конкурса на составленіе хрестоматіи.

Невыгодныя условія конкурса съ одной стороны, закрытіе педагогическаго бюро—съ другой затормозили дѣло, и оно заглохло. Въ настоящее время золотоношское уѣздное земское собраніе вновь подняло этотъ вопросъ, считая его нетерпящимъ отлагательства. Въ обстоятельно составленномъ уѣзднымъ земствомъ докладѣ обнаруживается вся трудность веденія занятій по существующимъ учебникамъ, приспособленнымъ къ великорусскимъ школамъ.

«Въ большинствѣ самые простые книжные слова, фразы и обороты рѣчи, по мнѣнію докладчиковъ, бываютъ чужды не только пониманію ученика, но и его уху.

Вотъ какъ понимали нѣкоторыя слова ученики одной изъ школъ Песчанской волости:

рѣчь понимали какъ рѣчка,
 полынья понимали какъ горькая трава (полынь),
 ранецъ понимали какъ утро (ранокъ),
 соха понимали какъ столбъ (соха),
 чека понимали какъ ждать (чека),
 луна понимали какъ эхо (луна),
 товаръ понимали какъ скоть (товарь),
 щип понимали какъ щетка,
 черника понимали какъ туфли (черевики) и т. д.

Таковы трудности, которые приходится преодолевать учащимъ вслѣдствіе неприспособленности учебниковъ по своему языку къ мѣстнымъ условіямъ. Не менѣе важнымъ является и подборъ матеріала въ учебникахъ для начальныхъ школъ. Заключая въ себѣ рассказы, обрисовывающіе бытъ и природу великорусскихъ губерній, книжки эти довольно часто бываютъ чужды учащимся полтавскихъ школъ. Объясненіе незнакомыхъ дѣтямъ предметовъ изъ животнаго и растительнаго міра, разъясненіе непонятныхъ обычаевъ и проч. съ перваго же года обученія сильно затрудняетъ прохожденіе курса, отнимая при этомъ массу времени.

Въ виду этого управа предлагаетъ собранію: 1) признать необходимымъ приступить къ издательству учебниковъ для земскихъ школъ Полтавской губерній; 2) привлечь къ работѣ по со-

ставленію учебниковъ учащихся народныхъ школъ и 3) ассигновать на предварительныя работы 1,500 рублей».

По поводу прочитаннаго доклада губернской земской управы беретъ слово М. И. Коваленко, предупредивъ собраніе, что онъ предполагаетъ затронуть вопросъ шире, чѣмъ онъ поставленъ въ докладѣ управы.

«Для того, чтобы я былъ правильно понятъ вами, м. г.,—началь онъ,—я долженъ сдѣлать двѣ оговорки.

Преодо мною, какъ и передъ вами, всегда стояла угроза малорусскаго сепаратизма. Но вотъ объявлена война, и малорусская интеллигенція въ качествѣ офицеровъ и малорусскій народъ въ качествѣ рядовыхъ всталъ на защиту общаго отечества и выкавалъ себя такимъ же вѣрнымъ сыномъ Россіи, какъ и остальные входящіе въ составъ ея народы, и наши войны-малороссы являются украшеніемъ русской арміи. Поэтому я прошу васъ отрѣшиться при разсмотрѣніи этого вопроса отъ всякой политики и оцѣнивать его исключительно съ точки зрѣнія педагогической и культурной. Вѣдь все время пугающій насъ призракъ малорусскаго сепаратизма разошелся какъ дымъ.

Вторая моя оговорка касается моего отношенія къ вопросу о малорусскомъ языкѣ въ нашей школѣ. Было время, когда я относился къ нему отрицательно и голосовалъ вмѣстѣ съ вами. Теперь же мои взгляды нѣсколько измѣнились отчасти по мотивамъ, только-что мною изложеннымъ, отчасти и по другимъ соображеніямъ. Вы много приложили стараній къ собиранію малорусскихъ орнаментовъ; вы энергично собирали памятники стариннаго народнаго творчества; вы организовали цѣлую сеть кустарныхъ школъ, гдѣ населеніе обучается приготавливать разныя издѣлія въ малорусскомъ стилѣ; вы учредили музей, занимающій первое мѣсто среди провинціальныхъ музеевъ, гдѣ хранится множество народныхъ произведеній въ малорусскомъ стилѣ; вы построили, наконецъ, это великолѣпное зданіе, которымъ всѣ восхищаются, въ старинномъ малорусскомъ стилѣ. Но вѣдь все это только виѣшнее проявленіе народной души. Такъ неужели же мы не удѣлимъ достаточнаго вниманія тому, что составляетъ сущность этой души и что выражается въ языкѣ? Я по крайней мѣрѣ остановиться на полдорогѣ не могъ, и если и измѣнилъ свои взгляды на роль малорусскаго языка въ нормальной народной школѣ, то въ этомъ въ значительной степени повинны вы, господа.

Послѣ этихъ оговорокъ я перехожу къ существу предмета.

Представьте себѣ ребенка изъ нашей малорусской крестьянской семьи съ небольшимъ запасомъ словъ и понятій, которыя въ его психологіи неразрывно слились съ роднымъ материнскимъ языкомъ.

Вступаетъ онъ въ школу. Здѣсь для него все странно, все ново, все непонятно; его ошеломляетъ здѣсь цѣлый кругъ новыхъ понятій и представленій, выраженныхъ въ формѣ, совершенно непривычной для его слуха. Здѣсь онъ не слышитъ родной рѣчи, къ которой привыкъ дома. Учитель же не можетъ

прийти къ нему на помощь, потому что ни разказать чего-либо, ни объяснить мальчику на языкѣ его матери онъ не имѣть права, такъ какъ это ему запрещено многочисленными министерскими циркулярами, за строгимъ исполненіемъ которыхъ слѣдить всевозможное начальство и инспектора народныхъ школъ. Послѣ долгаго напряженнаго труда усваивается русская грамота, но чисто механически, почему вскорѣ по оставленіи школы и забывается, оставивъ въ душѣ ребенка пустое мѣсто и не обогативъ его никакими знаніями. Но я на этомъ долго останавливаться не буду, такъ какъ вамъ все это хорошо извѣстно.

Но какъ устранить это?

А устранить очень просто: нужно только вести въ школъ преподаваніе на малорусскомъ языкѣ въ теченіе по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ лѣтъ и перейти затѣмъ и къ русскому языку. Послѣдній при такихъ условіяхъ настолько хорошо усвоится, что ребенокъ и по окончаніи школы будетъ имѣть возможность имъ пользоваться и ему слѣлаются доступными и русскіе классики.

Но пойдѣмъ дальше.

Если языкъ является выраженіемъ народнаго духа, то онъ долженъ развиваться, и для этого должны быть созданы подходящія условія. А затѣмъ, гдѣ вы найдете огромный штатъ учителей, хорошо знакомыхъ съ малорусскимъ языкомъ, если своевременно не позаботитесь объ этомъ? Совершенно естественно поэтому, что преподаваніе малорусскаго языка должно быть введено въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ учительскихъ семинаріяхъ. Совершенно логично, далѣе, желать, чтобы для научной разработки всѣхъ вопросовъ, касающихся малорусскаго языковѣднія, были основаны соответствующія кафедры въ университетахъ.

Прошу васъ также обратить вниманіе и на наше положеніе, какъ членовъ Государственной Думы. Въ послѣднее время дума удѣляетъ малорусскому вопросу все большее вниманіе, болѣе значительное, чѣмъ объ этомъ говорится въ газетахъ. Выступаютъ— Чхейдзе, Чхенкели, Милюковъ; а мы, представители Полтавской губерніи, сердца Малороссіи, вынуждены молчать, потому что мы не знаемъ, какъ относиться къ этому вопросу вы, наши избиратели. Скажите же, какъ вы относитесь, я васъ слушаю.

Я говорю все это для того, чтобы вы высказали свое мнѣніе и желаніе и дали директивы намъ, членамъ Государственной Думы, и мы поднимемъ этотъ вопросъ въ законодательномъ учрежденіи».

Кооперативный съѣздъ въ Кіевѣ не могъ пройти мимо тѣхъ стѣсненій и препятствій, какія создаются кооперативному дѣлу существующими ограниченіями украинскаго слова, и вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Признавая, что широкая культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ, являющаяся необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго углубленія и развитія кооперативной работы, должна въ основѣ своей имѣть національную почву, съѣздъ признаетъ необхо-

димость отмѣны національныхъ ограниченій для всѣхъ національностей и въ томъ числѣ: 1) отмѣны ограниченій украинскаго слова, 2) отмѣны запрещеній украинской прессы и издательствъ, 3) возобновленія прежнихъ и открытія новыхъ культурно-просвѣтительныхъ и научныхъ украинскихъ организацій и 4) необходимость школы на украинскомъ языкѣ,

Свой труды съѣздъ постановилъ отпечатать на украинскомъ языкѣ и передать въ деревни.

Національный вопросъ въ Гос. Думѣ. Депутаты Милуковъ, Шингаревъ и Александровъ въ своихъ рѣчахъ коснулись политики правительства въ отношеніи отдѣльныхъ національностей.

„А какъ обстоитъ дѣло съ національностями, относительно которыхъ блокъ рекомендуетъ вести примирительную политику? Новый предсѣдатель совѣта министровъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ общей фразой, гораздо болѣе уклончивой, чѣмъ даже та, которую сказалъ его предшественникъ 19-го іюля. Очевидно, этотъ сюжетъ не особенно удобенъ для разговора.“

„Въ украинскомъ вопросѣ не сдѣлано ничего, и у меня имѣется цѣлый пукъ прошеній, которыя свидѣтельствуютъ о бѣдственномъ положеніи сосланныхъ и брошенныхъ безъ всякой поддержки ни въ чемъ неповинныхъ людей“ (Изъ рѣчи Милукова, „Русск. Вѣд.“, № 33.)

Деп. Шингаревъ въ своей рѣчи 16 февраля сказалъ:

„Въ Галиціи вѣдь мы надѣлали немало скверныхъ дѣлъ. Между прочимъ мы взяли тамъ заложникомъ члена австрійской палаты господъ доктора Гольда, котораго собирались выселить въ Енисейскую губернію.“

Когда я обратился черезъ предсѣдателя Государственной Думы съ просьбой разъяснить этотъ вопросъ, то отъ енисейскаго генералъ-губернатора подучился отвѣтъ, въ которомъ сообщалось, что докторъ Гольдъ арестованъ по подозрѣнію въ неблагонадежности и австрофильствѣ! (Общій смѣхъ). Если такъ поступлено въ отношеніи члена палаты господъ, то можете судить, что дѣлалось тамъ въ отношеніи рядоваго населенія. Иностранцамъ у насъ всегда жилось плохо. Но въ послѣднее время обостреніе націоналистической розни дошло до крайнихъ предѣловъ“.

Деп. Александровъ въ рѣчи 1-го марта сказалъ: «А отношеніе къ украинскому народу. Развѣ это допустимая вещь («Это что за народъ?»—спрашиваетъ съ мѣста Марковъ 2-й).

Это—народъ русскій, г. Марковъ,—отвѣчаетъ Александровъ и продолжаетъ.—Изъ того, что украинскій народъ имѣетъ особую національную культуру, не слѣдуетъ, что русская государственная власть имѣетъ право такъ относиться къ этой особенности. Любая власть, кромѣ нашей, бережно относилась бы къ этой особенности, потому что она никому не угрожаетъ, потому что украинцы имѣютъ такое же право на историческое развитіе, какъ и великоруссы. Но вмѣсто бережнаго отношенія къ украинскому народу онъ поставленъ прямо въ недопустимое положеніе. Вся украинская печать уничтожена. Въ Екатеринославѣ закрыты существующія въ теченіе 10 лѣтъ культурно-просвѣтительныя

учреждения, не подвергавшіяся никакимъ репрессіямъ. И это въ то время, когда требуется объединеніе всѣхъ культурныхъ силъ. Мнѣ больно и стыдно бываетъ теперь возвращаться въ Екатеринославу, гдѣ совершается дикое издѣвательство надъ народными нуждами и культурой».

Столѣтіе украинской печати. Въ исторической справкѣ Н. Баженова въ „Южн. Краѣ“ приведены интересныя данныя, касающіяся возникновенія перваго журнала въ Харьковѣ сто лѣтъ тому назадъ.

Мысль объ изданіи перваго журнала, „Украинскій Вѣстникъ“, возникла въ 1816 г. въ кружкѣ Разумника Тимошевича Гонорскаго, челоуѣка весьма талантливаго и образованнаго, приглашеннаго читать лекціи въ университетѣ. Среди собиравшихся въ квартирѣ Гонорскаго для чтенія произведеній литературы и бесѣдъ на литературныя темы были проф. И. Е. Срезневскій, отецъ знаменитаго академика И. И. Срезневскаго, молодой ученый Е. М. Филомаѣнтскій, украинскій поэтъ П. П. Артемовскій-Гулакъ, впоследствии ректоръ харьковскаго университета, и прославившійся Г. О. Квитка. Они же составили ядро редакціи журнала.

Въ журналѣ отводилось много мѣста изящной литературѣ и статьямъ научно-популярнаго содержанія. Онъ изобилывалъ переводными статьями со всѣхъ почти европейскихъ языковъ, что указываетъ на высокую образованность его сотрудниковъ. Журналъ имѣлъ четыре постоянныхъ отдѣла: ученые статьи, изящная словесность, харьковскія записки и смѣсь. Последніе два отдѣла заполнялъ преимущественно Квитка. Изданіемъ журнала руководили трое—Гонорскій, Филомаѣнтскій и Квитка,—но въ 1819 г., вслѣдъ за Квиткой, вскорѣ скончавшимся, отказался и Гонорскій, и дотянулъ изданіе журнала до начала 1820 г. одинъ Филомаѣнтскій.

О причинахъ преждевременнаго конца пользовавшагося огромнымъ успѣхомъ „Укр. Вѣст.“ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. По свидѣтельству проф. А. С. Вязигина, „реакція сдѣлала журналъ желѣзными обручами цензурныхъ замѣчаній и сдѣлала невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе“.

Послѣ цѣлага ряда такихъ замѣчаній, 24-го декабря 1819 г., министерство нар. просвѣщ. подняло вопросъ: „не слѣдуетъ ли вовсе не допускать „Укр. Вѣстн.“ къ печатанію, или лучше прекратить его немедленно?“ Первая книжка на 1820 годъ была дѣйствительно задержана и не вышла въ свѣтъ, а Филомаѣнтскій отказался отъ продолженія изданія, причинившаго столько хлопотъ и пережаний. Такимъ образомъ, „Укр. Вѣстн.“ прекратилъ существованіе, но въ бумагахъ Филомаѣнтскаго имѣется указаніе, что онъ имѣлъ намѣреніе передать свое изданіе университету, который не прочь былъ взяться за это дѣло: въ 1823 г. сталъ выходить издаваемый университетомъ „Украинскій Журналъ“, въ которомъ Филомаѣнтскій сотрудничалъ и принималъ участіе въ редакціонныхъ работахъ“.

Выставка украинскаго архитектурно-строительнаго отдѣла харьковскаго Литературно-художественнаго Кружка. Въ № 13224 „Южнаго Края“ помѣщено описаніе этой выставки.

20-го февраля открылась четвертая очередная выставка украинскаго архитектурно-художественнаго отдѣла х. Л.-х. Кружка.

Въ выставкѣ принимають участіе художники М. А. Беркосъ, С. И. Васильковскій, академикъ В. И. Зарубинъ, академикъ И. П. Похитоновъ, профессоръ академіи художествъ Н. С. Самокишъ, умершій въ этомъ году М. С. Ткаченко (посмертная выставка), Н. М. Уваровъ, художникъ-любитель В. Е. Фавръ и художникъ-карикатуристъ П. Е. Щербовъ. Кромѣ того, выставлены не вошедшіе въ каталогъ за поздней присылкой картины и этюды художниковъ П. А. Левченко, г. Трутовскаго и Марьяна Пуфке.

Изъ архитекторовъ—профессоръ О. К. Волковъ, гг. Д. М. Дьяченко (гражданскій инженеръ), А. М. Литвиненко, В. Сичинскій, П. Н. Савицкій,

С. П. Тимошенко (граждан. инженер.), В. К. Троценко, П. П. Фетисовъ (граждан. инженеръ-художникъ-архитекторъ).

Въ скульптурномъ отдѣлѣ—П. П. Джунковскій, Е. Р. Трипольская и Г. І. Риха.

Такимъ образомъ, выставка дѣлится на три отдѣла: наиболѣе богатый—отдѣлъ живописи, заключающій въ себѣ 145 номеровъ, наиболѣе бѣдный—скульптурный,—всего 6 номеровъ, архитектурный отдѣлъ—проекты, эскизы и фотографіи—содержитъ 123 номера, всего 274 номера.

Прежде чѣмъ переходить къ общему обзору выставки, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой выставкѣ вообще.

Никакихъ „исканій“, ничего „новаго“,—все старые перепѣвы. Но не все новое хорошо и весело и не все старое плохо и скучно. Мы видѣли „новое“ и у „ослинохвостцевъ“, и у „бубиновыхъ валетовъ“, и у Оскаровъ Мѣщаниновыхъ, „заплевавшихъ“ и засидѣвшихъ разумъ“. Это „новое“ въ огромномъ большинствѣ случаевъ выражается въ такихъ уродливыхъ формахъ и тонахъ, что Господь съ нимъ, съ этимъ „новымъ“,—лучше слушать старые перепѣвы, чѣмъ новую какофонію.

На настоящей выставкѣ вы встрѣтите много воздуха, свѣта, тепла, цѣлыя гаммы красокъ, встрѣтите то, что можетъ дать настроеніе—то тихой грусти и сожалѣнія о быломъ, то чистой поэзии, то могучихъ широкихъ порывовъ,—словомъ, встрѣтите то, чѣмъ люди живутъ и волнуются.

Затѣмъ, нужно сказать, что каталогъ этой выставки составленъ удобно, —каждый изъ авторовъ перенумерованъ отдѣльно, что при осматрѣ выставки, конечно, дастъ возможность быстро разобратъ. Авторы размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ. Этого порядка будемъ придерживаться и мы. Постараемся дать бѣглый обзоръ каждого отдѣла.

І. Живопись.

М. А. Беркося далъ, къ сожалѣнію, всего 5 небольшихъ вещей. Снѣлая манера письма этого художника намъ вообще нравится, особенно хороша его „Зима“.

Изъ выставленныхъ вещей намъ болѣе другихъ нравятся: „Пришла зима“ (№ 3),—очень хороши деревья на берегу рѣки на бѣломъ снѣжномъ фонѣ; изображена, очевидно, галиційская зима; на второмъ планѣ—галиційская церковь; „Въ городѣ“ (№ 5)—изображаетъ часть улицы въ уѣздномъ городкѣ, съ покосившимися деревянными грязными домишками, населенными, очевидно, городской бѣднотой, съ немощеной, пыльной улицей.

С. И. Васильковскій далъ серію церквей (6 украинскихъ и 6 галиційскихъ) и 11 пейзажей. Нужно удивляться энергіи и трудоспособности этого маститаго художника, какъ много еще у него молодости и силы! Говорить о немъ какъ о художникѣ мы не будемъ.

Харьковъ (да и не только Харьковъ) его настолько знаетъ, что говорить объ этомъ поэтѣ воздуха и небеса нечего, —ничего новаго не скажешь. Очень хороши его большія акварели, —особенно № 1-й („На рѣкѣ Донцѣ“),—тихое утро, съ рѣки подымается легкій туманъ, въ зеркальной поверхности воды дублируются прибрежныя деревья, тонъ картины очень пріятный, много настроенія. Въ „Зимѣ“ (№ 2) прекрасно освѣщеніе, много воздуха, № 4—„Разливъ Днѣпра“—великолѣпно вечернее небо, отражающееся въ водѣ; № 3—„Осенняя вечерняя тѣнь“—хата на берегу рѣки и деревья залиты лучами заходящаго солнца, очень красиво отраженіе деревьевъ въ водѣ, № 7—„Семья аистовъ“ (масло)—очень хорошо вечернее освѣщеніе болота и аистовъ, красиво небо; № 8 (масло)—самая большая изъ его вещей „Запорожскій пикетъ“—красиво освѣщеніе и горныя дали; на первомъ планѣ красиво нарисованный запорожець, опершійся на „рушницѣ“, возлѣ стоитъ его конь, на второмъ планѣ на деревѣ устроена сторожевая вышка, тамъ сидитъ дозорный запорожець, наблюдающій окрестности, подлѣ деревомъ его конь. Картина очень красочна. Очень интересны №№ 11 и 16, отнесенные художникомъ къ архитектурѣ.

В. И. Зарубинъ на выставкѣ Литературно-художественнаго Кружка экспонируетъ впервые. Художникъ далъ 6 акварелей и 3 масла. Всѣ его акварели очень хороши, особенно № 1—„Къ ранней обѣднѣ“, № 5—„Хатка“ и № 9—„Прачка“; № 3—„Золотая осень“ очень интересна по тону, но, на

нашъ взглядъ, ее портятъ недописанныя деревья на лѣвой сторонѣ картины. Его масло (Этюды) намъ понравились мало, лучше другихъ № 7—„На рѣкѣ Бугѣ“, писанный въ сѣроватыхъ тонахъ.

И. П. Похитоновъ далъ только одну вещь, „Охота на перепеловъ“. Намъ впервые приходится видѣть работу этого художника-самородка, никогда и нигдѣ не учившагося живописи; говорить о немъ трудно—просто не знаешь, что сказать: все, что бы о немъ мы ни сказали, не дастъ ни малѣйшаго представления о силѣ его таланта и поразительной техники. Небольшая картинка изображаетъ ловлю перепеловъ сѣткою въ степи при предвечернемъ освѣщеніи,—сколько тамъ воздуха и свѣта! Степь написана такъ, какъ можетъ написать ее только Похитоновъ. Изображена именно такая степь, описывая которую, Гоголь воскликнулъ: „Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!“ Сѣтка, волнисто наброшенная на траву разной упругости, фигуры, спокойно наблюдающія за перепелами, и столько въ этомъ кажущемся спокойствіи движенія и напряженного ожиданія! Трава, полевые цвѣточки, небо—все сдѣлано удивительно. Вообще картина поражаетъ своей жизненностью, колоритностью и тонкостью.

Профессоръ Н. С. Самокишъ далъ на этотъ разъ всего 7 вещей—3 масла, 2 рисунка и 2 орнамента для росписи подвала. Говорить о немъ какъ о рисовальщикѣ нечего: онъ пользуется заслуженной репутаціей лучшаго рисовальщика въ Россіи. Всѣ выставленныя его вещи равно хороши. Табуны въ степи освѣщенъ яркимъ солнцемъ, лошади отъ жары сбились въ кучу, и только одинъ жеребенокъ, очевидно, больной, лежитъ отдѣльно, надъ нимъ съ озабоченнымъ видомъ сидитъ пастухъ. Хороша очень головка лошади (портретъ), да и остальные вещи только подчеркиваютъ, что Н. С. Самокишъ большой мастеръ и одинаково хорошо владѣетъ какъ кистью, такъ и перомъ.

Отдѣлъ посмертной выставки М. С. Ткаченко довольно большой (42 вещи); большинство этихъ картинъ были на 3-й выставкѣ украинскаго отдѣла въ прошломъ году, и о нихъ мы говорить не будемъ, такъ какъ въ свое время о нихъ было написано много. Укажемъ только какъ на выдающіяся по тону и технике его вещи за № 32—„Восходъ луны“, 33—„Млыны“, 34—„Ясный день“, изъ новыхъ вещей имѣется цѣлая серія великолѣпныхъ очень красочныхъ этюдовъ. Очень красива пастель „Океанскій приборъ“ (№ 29).

Посрединѣ витрины произведеній М. С. Ткаченко—его портретъ, писанный къ сожалѣнію, очень давно, художникомъ Н. М. Уваровымъ.

В. Е. Фавръ далъ 8 вещей. Всѣ эти вещи не только писаны съ любовью, но и монтированы съ какой-то материнской нѣжностью и заботливостью,—какъ мать, отправляющая любимаго ребенка въ гости, тщательно его одѣнетъ и причешетъ (прилизываетъ) ему головку, такъ и В. Е. Фавръ тщательно монтировалъ свои картинки въ чистенькія красивые рамки. Художникъ все еще продолжаетъ искать... манеры письма: его картинка № 3 „Туманное осеннее утро“ написана „подъ Васильковского“, тогда какъ № 7—„Пятигорскій паркъ“ написанъ совсѣмъ „подъ Беркоса“, между тѣмъ эти художники по манерѣ письма очень отличаются одинъ отъ другого. Больше другихъ его вещей намъ и нравятся именно №№ 3 и 7. Не дуренъ по веселому типу и № 6 „Пейзажъ“.

П. Е. Щербовъ далъ одиннадцать карикатуръ. Всѣ его вещи одинаково хороши. На нѣкоторыхъ изъ его вещей посѣтители встрѣчаютъ много знакомыхъ лицъ и даже мѣстныхъ художниковъ.

Витрина П. Е. Щербова привлекаетъ большое вниманіе посѣтителей—тамъ все время слышенъ смѣхъ, да и не удивительно,—сдѣланы онѣ какъ по рисунку, такъ и по тонамъ такъ красиво, въ нихъ такъ много добродушнаго юмора, что, даже не зная изображенныхъ на нихъ персонажей, невольно смѣешься добрымъ, здоровымъ смѣхомъ.

Изъ невошедшихъ въ каталогъ, за поздней присылкой, вещей художниковъ, П. А. Левченко далъ 29 вещей (масло, акварель, темпера и пастель), художникъ бѣженецъ изъ Варшавы Марьянъ Пуфке (Marian Puffke) далъ 10 вещей (масло и акварель) и г. Трутовскій одну акварель.

П. А. Левченко—старый харьковскій знакомый, много лѣтъ уже не экспонировалъ въ Харьковѣ, зато сразу далъ много интересныхъ вещей. Очень красива его „Хата“ (№ 2, масло), написанная въ желтыхъ тонахъ.

Центръ картины удивительно хорошъ, стороны же производятъ впечатлѣнныя недописанныхъ, въ общемъ картина очень красива. Очень хороша его картина „Сумерки“, писанная въ минорныхъ тонахъ съ большимъ настроеніемъ. Хорошъ № 1-й interieur—(пастель). Пастели его вообще очень хороши. Его „Гарба“, тоже пастель, нарисована очень хорошо, но какъ самая „Гарба“, такъ и мѣшки—одного и того же цвѣта—холоднаго тона. Очень красивы его маленькіе этюды (панно). Вообще г. Левченко колористъ, и его вещи заслуживаютъ вниманія и нравятся посѣтителямъ.

Г. Марьянъ Пуфке далъ 4 большихъ полотна: „На развѣдкахъ“, „Индюки“, „Окапываніе бураковъ“ и „Весной“; послѣднія 3 вещи писаны въ очень яркихъ тонахъ, въ „Веснѣ“ и „Окапываніи бураковъ“ много солнца, но всѣ его картины написаны эскизно, ихъ скорѣе можно бы назвать декоративнымъ панно, а не картинами. Въ „На развѣдкахъ“ есть движеніе, но мало экспрессіи.

Г. Трутовскій далъ одну прекрасно сдѣланную акварель „Малороссь“.

Заканчивая обзоръ отдѣла живописи, нужно сказать, что на этой выставкѣ вообще нѣтъ традиціоннаго „гвоздя выставки“, — вѣрнѣе — много „гвоздей“, почти все „гвозди“.

II. Архитектура.

Отдѣлъ архитектуры представленъ десятью авторами. Любители и специалисты найдутъ на ней много интереснаго и поучительнаго.

Говорить объ этомъ отдѣлѣ мы предоставляемъ специалистамъ; съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить, что г. Трощенко на этотъ разъ далъ интересныя вещи,—видно, что онъ много работалъ и много успѣлъ. Желаемъ ему дальнѣйшаго успѣха.

О С. П. Тимошенко и говорить нечего: это очень даровитый инженеръ и притомъ художникъ: его проекты раскрашены такъ, какъ это удается не всякому художнику.

III. Скульптура.

Скульптурный отдѣлъ нѣсколько богаче прошлогодняго, но въ общемъ все-таки очень бѣденъ и слабъ.

П. П. Жуковскій, скульпторъ-любитель, далъ одинъ гипсъ (бюсть), раскрашенный подъ терракотъ. Бюсть сдѣланъ очень не плохо и тщательно,—видно, что у молодого скульптора есть искра Божья и можно надѣяться, что въ будущемъ онъ дастъ и болѣе серьезныя работы.

Е. Р. Трипольская дала 3 гипса и одну бронзу. Лучше другнхъ „Цоколуха“ (очень большой гипсъ), но въ ней недостаточно экспрессіи. Въ ея бронзѣ „Жартуе“ и въ „Билиночкѣ“, сдѣланныхъ очень хорошо, видно недостаточно основательное знаніе анатоміи,—не совсѣмъ соблюдены пропорціи.

Г. І. Риха далъ горельефъ,—вещь очень слабая, не художественная.

Заканчивая бѣглый обзоръ этой выставки, нельзя не привѣтствовать г.г. устроителей: выставка съ каждымъ годомъ дѣлается болѣе интересной и разнообразной и все болѣе охотно посѣщается публикой. Подъ нѣкоторыми картинами уже красуются билетики „Продана“.

Обыски и аресты въ Полтавской губ. Нашъ полтавскій корреспондентъ сообщаетъ, что въ г. Золотоношѣ Полт. губ. арестована группа студентовъ по обвиненію въ «украинофильствѣ», въ г. Миргородѣ по тому же обвиненію арестована группа учениковъ (свыше 10 человекъ) Гоголевскаго художественно-промышленнаго училища.

Произведенъ также обыскъ у крупнаго полтавскаго землевладѣльца М. П. Ганька. По своимъ общественнымъ убѣжденіямъ стоитъ онъ не лѣвѣе октябристовъ, но такъ какъ онъ носитъ украинскій костюмъ и орудіемъ общенія служитъ ему языкъ

украинский, то это давало повод искать въ его домѣ корень «мазепинства». При обыскѣ было отобрано нѣсколько книжекъ, пропущенныхъ цензурой, взята этнографическая крата Буковины, изданная Императорской академіей наукъ, взяты портреты гетмана Мазепы (эти портреты открыто продаются въ книжныхъ магазинахъ) и взяты еще старинный антиминсъ, на которомъ имѣется вытканная золотомъ надпись, что онъ сдѣланъ «коштомъ гетмана Мазепы». Произведены были обыски и у двухъ братьевъ г. Ганько: у бывшего предсѣдателя полтавской уѣздной земской управы П. П. Ганько и состоящаго и нынѣ членомъ полтавской губернской земской управы Е. П. Ганько. Обыскъ здѣсь не далъ рѣшительно никакихъ результатовъ, такъ какъ оба брата далеки какъ отъ политической дѣятельности, такъ и отъ этнографическаго украинства.

Епископскій съѣздъ. „Русск. Вѣд.“ въ № 44 сообщаютъ: По инициативѣ архіепископа Евлогія готовится созывъ въ Ростовѣ епископскаго съѣзда для обсуждения нуждъ эвакуированныхъ правительствомъ въ Донскую область галичанъ. Въ съѣздѣ примутъ участіе архіепископы Евлогій волынской, Антоній харьковскій, Митрофанъ донской и епископы Агапий екатеринославскій и Іоаннъ таганрогскій.

Бѣженцы-украинцы въ Югскомъ монастырѣ Яросл. губ. Какъ сообщаетъ ярославскій „Голосъ“, въ губ. sanit. бюро поступило сообщеніе эпидемическаго врача, обследовавшаго положеніе бѣженцевъ въ Югскомъ монастырѣ, гдѣ среди бѣженцевъ появились заболѣванія сыпнымъ тифомъ. Обстоятельное сообщеніе врача полно изложеніемъ тяжелыхъ бытовыхъ сторонъ жизни бѣженцевъ. Ихъ въ монастырѣ расселено 120 семей въ 431 человекъ. Они—украинцы („хохлы“—по терминологіи ярославскаго „Голоса“), привыкшіе къ совершенно другой пищѣ и обстановкѣ, чѣмъ дѣшная. Пища въ монастырѣ постная, а бѣженцы безъ сала жить не могутъ. На обѣдъ имъ даютъ щи со снятками или супъ съ грибами. Но они снятковъ не ѣдятъ, а супа безъ отвращенія вспомнить не могутъ. Постное масло переносятъ плохо. Одежды и обуви у нихъ нѣтъ. Нерѣдко можно видѣть на снѣгу босыхъ бѣженцевъ, а дѣти на улицѣ безъ шапокъ и пальто появляются ежедневно. Всѣ бѣженцы,—и взрослые, и дѣти,—болѣзненно блѣдны, съ землистымъ испитымъ лицомъ, нервны и вялы. Они не получаютъ чаю и сахару, молоко дается въ рѣдкихъ случаяхъ даже груднымъ дѣтямъ.

Распространенію эпидеміи способствуютъ обиліе паразитовъ, отъ которыхъ бѣженцы никакъ избавиться не могутъ. Всего съ ноября по февраль заболѣло сыпнымъ тифомъ 40 бѣженцевъ. Распространенію болѣзни содѣйствуетъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, чрезвычайная скученность, въ которой живутъ бѣженцы.

Выселенцы-галичане въ Енисейскомъ уѣздѣ. Вопросъ о выселенцахъ на совѣщаніи по призрѣнію бѣженцевъ, созванномъ иркутскимъ комитетомъ всероссійскаго союза городовъ, всталъ во всей своей широтѣ послѣ яркаго и интереснаго доклада енисейскаго делегата Гольдмана.

Изъ доклада видно слѣдующее (цит. по «Сибири»):

«Съ 1-го мая 1915 года въ Енисейской уѣздъ стали присылаться этапнымъ порядкомъ большія партіи выселенцевъ, жителей Галиціи, евреевъ, поляковъ и русинъ, забранныхъ при отступленіи нашихъ войскъ, а также русскихъ подданныхъ, главнымъ образомъ евреевъ и поляковъ, высланныхъ военными властями съ театра военныхъ дѣйствій.

Забранные часто прямо на улицѣ, въ однихъ лѣтнихъ платьяхъ, съ истлѣвшимъ въ скитаніяхъ по тюрьмамъ бѣльемъ, выселенцы эти, среди которыхъ были и женщины, дряхлые старики и даже мальчики 12—13 лѣтъ, самостоятельно высланные, представляли собою ужасающую картину нужды и бѣдствій. Хотя имъ, какъ административно высланнымъ, полагается казенное пособіе (по Енисейскому уѣзду 8 руб. въ мѣсяцъ), но до сихъ поръ никто изъ нихъ этого пособія не получалъ. Между тѣмъ, не говоря уже о несостоятельныхъ выселенцахъ, даже тѣ, что были раньше богатыми людьми, отрѣзанные совершенно отъ своихъ семей, обречены были на голодную смерть, такъ какъ, приходя въ ссылку съ опредѣленнымъ клеймомъ, они врядъ ли могли рассчитывать на помощь со стороны крестьянъ, тѣмъ болѣе, что Енисейской уѣздъ пораженъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ.

Выселенцы-евреи, узнавъ, что въ Енисейскѣ существуетъ о-во пособія бѣднымъ евреямъ, стали забрасывать его письмами съ мольбами о помощи. Общество исходатайствовало у губернатора право сносятся съ евреями-выселенцами и оказывать имъ матеріальную помощь. Получивъ нужное разрѣшеніе, о-во попыталось прежде всего обойтись собственными средствами. Оно рѣшило отдать въ пользу выселенцевъ все, что скопило въ теченіе 10-лѣтняго существованія, взяло изъ запаснаго капитала 500 р., собрало путемъ самообложенія еврейской общины больше тысячи рублей. Но это оказалось буквально каплей въ морѣ. Когда уполномоченные о-ва стали объѣзжать лишь ближайшія къ Енисейску волости, они были прямо потрясены той бездной горя и нужды, которую они встрѣтили. На огромномъ пространствѣ многихъ сотенъ верствъ въ самыхъ глухихъ деревушкахъ и поселкахъ оказались заброшенные туда голодные и раздѣтые люди. Раздавъ всѣ имѣющіяся деньги исключительно на хлѣбъ, общество рѣшило, что въ виду приближенія зимы надо прежде всего позаботиться о теплой одеждѣ для выселенцевъ, а затѣмъ о выдачѣ имъ денегъ хотя бы на хлѣбъ до полученія ими пособія. Но денегъ у общества не было, и оно обратилось съ просьбами о помощи къ еврейскимъ общинамъ другихъ сибирскихъ городовъ и въ петроградскій еврейскій комитетъ. Общество получило 500 р. изъ Иркутска, 200 р. изъ Красноярска и 16,000 р. изъ Петрограда. Изъ этихъ средствъ оказана была помощь выселенцамъ лишь ближайшихъ волостей и отдѣльнымъ лицамъ съ Приангарья и Туруханскаго края, всего 319 лицамъ, причемъ наличными деньгами въ размѣрѣ 3,000 рублей и вещами на 6,150 рублей. Кромѣ того, уже въ ноябрѣ послано на Ангару и въ Туруханскій край 6,000 р. Работа, произведенная уполномоченными, была очень велика.

Приходилось по два и три раза объѣзжать огромные районы съ глухими деревушками и вездѣ сперва обследовать степень нужды, а потомъ раздавать деньги и одежду, которая заготовлялась въ Енисейскѣ хозяйственнымъ способомъ и обошлась очень дешево. И все-же ни Туруханскій край, ни Приангарье еще вовсе не обследованы, а они занимають пространство болѣе 3,000 верстъ и повсюду разосланы выселенцы, такъ что туда пришлось посылать одежду и деньги лишь по приблизительному расчету.

Итакъ, какъ ни тяжело положеніе евреевъ-выселенцевъ, все-же они получили и получаютъ нѣкоторую хотя бы и незначительную помощь. Гораздо хуже, прямо безвыходно положеніе выселенцевъ-неевреевъ, которымъ не помогаютъ никакія организациі. Еврейское общество, не говоря уже о недостаткѣ средствъ, получило разрѣшеніе помогать исключительно евреямъ и потому вынуждено отказывать въ официальной помощи выселенцамъ другихъ національностей подѣ страхомъ закрытія. И эти выселенцы въ значительной мѣрѣ предоставлены собственной мрачной судьбѣ.

Между тѣмъ въ Енисейскомъ уѣздѣ нѣтъ хлѣба, а въ деревняхъ нѣтъ квартиръ для такой массы выселенцевъ, и цѣны на квартиры поднялись въ нѣсколько разъ по сраженію съ прошлымъ годомъ. Все это дѣлаетъ положеніе выселенцевъ прямо трагическимъ, особенно если принять во вниманіе возможность эксцессовъ со стороны крестьянъ подѣ влияніемъ безправія выселенцевъ и разныхъ слуховъ, распускаемыхъ досужими добровольцами.

Вторымъ докладомъ о выселенцахъ былъ докладъ иркутскаго делегата Дистлера, который указалъ, что вопросъ о выселенцахъ стоитъ передъ обществомъ не менѣе остро, чѣмъ вопросъ о бѣженцахъ. Бѣженцы свободны въ передвиженіи и потому попадаютъ все-же въ лучшія условія, чѣмъ выселенцы, которые прикрѣплены къ одному мѣсту и разбросаны по самымъ гиблымъ мѣстамъ Туруханскаго и Приангарскаго края. Письма, полученные изъ этихъ мѣстъ, рисуютъ невозможную обстановку и ужасное положеніе жизни выселенцевъ. Люди гибнутъ отъ холода и голода, не имѣя въ теченіе нѣсколькихъ дней пищи. Неурожай послѣдняго года отнялъ даже послѣднюю возможность собирать милостыню, и потому выселенцы предоставлены собственной тяжкой судьбѣ.

По предложенію докладчика совѣщаніе приняло слѣдующія положенія:

1) Выселенцы имѣютъ право на государственную помощь наравнѣ съ административными ссыльными, имѣютъ они также право и на общественную помощь, какъ и бѣженцы.

2) Выселенцевъ необходимо расселять не въ отдаленныя мѣстности, а въ крупные центры, гдѣ они могутъ жить въ сносныхъ условіяхъ; этого требуютъ не только интересы выселенцевъ, но и интересы коренного населенія.

3) Необходимо пересмотрѣть всѣхъ дѣлъ о выселенцахъ.

4) Выселенцы, австрійскіе подданне, должны быть возвращены изъ Сибири на родину.

5) Вынести особое постановленіе о томъ, чтобы законъ о выдачѣ пособій выселенцамъ наравнѣ съ административно высланными примѣнялся на дѣлѣ, такъ какъ замѣчено, что законъ этотъ плохо примѣняется къ нимъ.

Надо надѣяться, что пожеланія совѣщанія, въ виду ихъ цѣлесообразности и справедливой мотивировки, будутъ осуществлены въ жизни и тѣмъ самымъ вопросъ о выселенцахъ потеряетъ свою настоящую остроту какъ для самихъ выселенцевъ, такъ и для Енисейскаго уѣзда («Сиб. Мысль», № 101, 1915 г.).

Художественная коллекція изъ Галичины. Въ „Русск. Вѣд.“ въ № 30 сообщается, что кievской городской управѣ однимъ изъ слѣдователей предложено взять на храненіе въ городской художественный музей коллекцію изъ 19-ти картинъ, вывезенную изъ одного изъ замковъ Галиціи. Въ числѣ картинъ—одна Мурильо, другая Жордана. Если повторная экспертиза подтвердитъ, что это подлинники, то вся коллекція оцѣнивается въ четверть милліона.

Передача львовской ставропигіи украинцамъ. По свѣдѣніямъ «Петроградскаго Телеграфнаго Агентства» австрійское правительство передало львовскую ставропигію съ церковью и всѣмъ имуществомъ въ вѣдѣніе украинской партіи, члены которой образовали общество, принявшее управленіе надъ этимъ древнимъ очагомъ православія и русскаго самосознанія въ Галицкой Руси».

Уніаты и католики. „Рѣчь“ въ № 47 сообщаетъ: Львовскіе отцы-базиліане, монахи уніатскаго греко-католическаго вѣроисповѣданія, обратились къ римскому папѣ съ меморіаломъ, въ которомъ просятъ Ватиканъ зачислить католиковъ, перешедшихъ изъ православія въ католичество, въ силу указа о вѣротерпимости 1905 года, въ уніатскую церковь.

Рѣчь идетъ о тѣхъ долгіе годы „упорствовавшихъ“ православныхъ изъ бывшихъ уніатовъ, которые въ холмско-люблинскомъ районѣ приняли католичество въ 1905 году, такъ какъ указъ о вѣротерпимости предоставлялъ имъ только выборъ между православіемъ и католичествомъ, но не давалъ права открыто исповѣдывать уніатскую вѣру.

Поэтому монахи-базиліане, украинцы по національнымъ своимъ стремленіямъ, въ цѣляхъ огражденія русинъ-католиковъ Холмщины отъ вліянія католичества и поляковъ, хотятъ теперь перечислить этихъ „упорствовавшихъ“ въ уніаты, считая ихъ таковыми по своему внутреннему влеченію.

Ватиканъ запросилъ администратора католической люблинской епархіи ксендза Квека.

Ксендзъ Квекъ отвѣтилъ, что онъ не усматриваетъ въ своей католической паствѣ, перешедшей въ 1905 г. въ католичество, желанія переменъ и что она не думаетъ теперь о воссоединеніи съ уніатствомъ. Споръ этотъ является отголоскомъ не только религиозной, но и національной польско-украинской борьбы за вліяніе въ холмскомъ районѣ.

Оспа въ Галичинѣ. „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что эпидемія оспы принимаетъ въ Галиціи угрожающіе размѣры. Ректоръ краковскаго университета предлагаетъ всѣмъ слушателямъ записываться на сокращенные курсы по оспопрививанію, чтобы потомъ ѣхать прививать оспу въ мѣстечки и деревни. Всѣ студенты-медики командированы на 6 недѣль въ эпидемическіе отряды. Архіепископъ краковскій въ своемъ пастырскомъ посланіи проситъ духовенство оказывать всяческе содѣйствіе этимъ отрядамъ.

Голодь въ Галичинѣ. В. Филатовичъ въ № 26 „Русск. Слова“ говоритъ: Если присмотрѣться даже къ непострадавшимъ городкамъ Галиціи, то страшно дѣлается отъ тѣхъ нищеты и ужаса, которые царятъ тамъ. Городское населеніе гораздо больше сельскаго страдаетъ отъ дороговизны и недостатка самыхъ необходимыхъ вещей, — сельчане легче обходятся со своимъ домашнимъ хозяйствомъ. И единственную серьезную помощь городскому населенію оказываетъ всероссійскій союзъ городовъ. Подъ новый годъ былъ присланъ въ галиційскіе городки уполномоченный союза Д. И. Дорошенко; ему удалось собрать потрясающіе матеріалы: семья виднаго адвоката живетъ въ лачугѣ изъ одной кухни; мѣстные интеллигенты уже давно забыли, что такое прислуга, даже самимъ стирать приходится, да при этомъ аккуратно мыломъ мылить, — иначе не по средствамъ. А о многихъ горестяхъ пока приходится помолчать. Дѣтвора ходитъ разутая и раздѣтая. Есть общественные мѣстные комитеты, но у нихъ нѣтъ средствъ.

Бібліографія.

М. Плевако. Григорій Квітка-Основьяненко (Одб. з 1-го т. „Записок Науково-Литературного Відділу товариства ім. Г. Квітки-Основьяненка у Харькові“). У Харькові. 1916. Ст. 33.

Настоящая брошюра является кратким сводомъ біографическихъ свѣдѣній и литературныхъ мнѣній объ отцѣ украинской прозы съ пробою самостоятельной оцѣнки его произведеній и выясненія генезиса его творчества. Авторъ исходитъ изъ нѣскольکو преувеличенной имъ мысли о забвеніи современнымъ поколѣніемъ украинскаго общества писаній Квитки и ставитъ себѣ задачей напомнить читателямъ о крупныхъ достоинствахъ его повѣстей и неувядаемой красотѣ ихъ образовъ, стиля и языка. Ломаясь, такимъ образомъ, до извѣстной степени въ открытую дверь, авторъ тщательно подбираетъ цитаты изъ цѣлаго ряда критиковъ и историковъ литературы, писавшихъ о Квиткѣ, отъ Срезневскаго до Ефремова, свидѣтельствующія о высокой оцѣнкѣ, которую всѣ они давали повѣстямъ Квитки, и самъ нѣсколько разъ повторяетъ объ ихъ художественныхъ качествахъ, отмѣчая въ то же время и ихъ недостатки (идеализація крестьянской жизни, соціальныи индифферентизмъ, благодушное отношеніе къ крѣпостному праву).

Эта, такъ сказать, предвзятая тенденція спастись Квитку отъ незаслуженнаго забвенія вредитъ работѣ автора, заставляя его повторяться, возвращаться къ однимъ и тѣмъ же утвержденіямъ, а слишкомъ усердное цитированіе чужихъ мнѣній сообщаетъ ей характеръ студенческой работы на заданную тему. Не чуждъ авторъ и нѣсколькихъ неточностей и слишкомъ рѣшительныхъ утверженіе,—напримѣръ, въ его характеристикѣ періодовъ развитія украинской литературы (стр. 4—8) или въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о харьковской журналистикѣ начала XIX столѣтія, можно понять такъ, будто бы всѣ эти «Украинскіе Вѣстники», «Украинскіе Журналы» и пр. служили органами украинской литературы, въ то время какъ въ дѣйствительности названіе ихъ «украинскими» имѣло исключительно значеніе мѣстнотерриторіальное, и, напримѣръ, въ «Вѣстникѣ Европы» того же времени было помѣщено украинскихъ произведеній больше, чѣмъ во всѣхъ этихъ харьковскихъ изданіяхъ вмѣстѣ взятыхъ.

Но было бы несправедливо, говоря объ этой брошюрѣ, являющейся, повидимому, однимъ изъ первыхъ опытовъ начинающаго автора, отрицать за ней и извѣстныя достоинства: добросовѣстное

изученіе литературы предмета и вѣрное пониманіе произведеній Квитки и ихъ историко-литературнаго значенія. Недостатки брошюры, отмѣченные нами, являются, быть можетъ, результатомъ ея необработанности. Самая мысль — остановить вниманіе читателей на писателѣ-классикѣ, языкъ котораго, на примѣръ, слѣдовало бы изучать не одному изъ современныхъ украинскихъ авторовъ, представляется намъ высоко симпатичной. Въ лицѣ молодого автора мы привѣтствуемъ новую силу на нивѣ изученія родной литературы.

Д. Д.

Ucrainus. La Pologne historique redivoiva? Traduit du manuscrit ucraien par G. B. de Montbrand. Lausanne. 1916. Cm. 36. Ц. 60 сантим.

Брошюра г. Украинуса посвящена жгучему вопросу о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ въ связи съ настоящей войной. Изложенію этихъ отношеній за то критическое время, когда Галичина сдѣлалась театромъ ожесточеннѣйшей борьбы между Россіей и австро-германской коалиціей, авторъ предпосылаетъ довольно обстоятельный очеркъ развитія среди польскаго общества идеи возстановленія «Исторической Польши» въ предѣлахъ «отъ моря до моря», т.-е. со включеніемъ въ составъ этой проектируемой Польши земель украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ. Эта идея, отъ которой не могли отрѣшиться даже лучшіе польскіе умы приводила польское общество во враждебное отношеніе къ національному возрожденію указанныхъ народностей, въ частности къ украинскому національному возрожденію, принявъ особенно уродливыя и отвратительныя формы въ Галичинѣ, гдѣ условія политической жизни сложились такъ, что въ рукахъ поляковъ очутилась полнѣйшая гегемонія во всѣхъ отрасляхъ жизни края. Авторъ брошюры останавливается подробнѣе на полемикѣ съ польскими публицистами старой «Основы» (знаменитая «Исповѣдь» В. Антоновича и др.), на отношеніи къ польско-украинскому вопросу Герцена, указывавшаго въ своемъ «Колоколѣ» на несоотвѣтствіе между демократическими лозунгами польскихъ повстанцевъ 1863 года и ихъ стремленіями къ насильственному включенію въ составъ будущей Польши непольскихъ земель. Излагая эти отношенія въ прошломъ, авторъ опирается на такой солидный и авторитетный трудъ, какъ «Историческая Польша и великорусская демократія» Драгоманова, — трудъ, въ который не мѣшало бы почаще заглядывать и многимъ изъ теперешнихъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ публицистовъ, берущихся трактовать объ украинскомъ, а въ особенности о галицкомъ вопросѣ.

Но главное содержаніе брошюры и ея наибольшій интересъ составляетъ изложеніе политическихъ проектовъ возрождаемой Польши, выдвинутыхъ въ связи съ войной рядомъ польскихъ ученыхъ и публицистовъ, и полемика съ этими проектами, которые всѣ какъ одинъ, не исключая даже социалиста Л. Василевскаго, включаютъ въ Польшу земли украинскія, литовскія и бѣлорусскія

и рекомендуютъ вовсе не считаться съ наличностью этнографическихъ особенностей, національнаго самосознанія и общественныхъ стремленій этихъ трехъ народностей. Авторъ приводитъ любопытную таблицу количества населенія этой будущей Польши, въ которой поляки составляли бы всего 35% населенія (15.200.000 поляковъ изъ 43.400.000 общаго числа, въ которое входитъ 13.500.000 украинцевъ, 6.500.000 бѣлоруссовъ, 2.100.000 литовцевъ, 5.000.000 евреевъ, 1.000.000 прочихъ національностей). Переходя затѣмъ къ изложенію специально польско-украинскихъ отношеній въ Галичинѣ начиная съ 1848 года, авторъ отмѣчаетъ всю беззащитность польскихъ аппетитовъ на украинскую народность и неразборчивость формъ борьбы со стремленіями украинцевъ къ политическому и національному равноправію. Эта неразборчивость достигла высочайшей степени въ моментъ начала великой европейской войны, когда вся польская пресса Австріи подняла ожесточеннѣйшую травлю галицкихъ украинцевъ, обвиняя ихъ поголовно въ государственной измѣнѣ и выставляя ихъ виновниками австрійскихъ неудачъ на войнѣ. Эта травля стоила галицкимъ украинцамъ жестокихъ преслѣдованій, — массовыхъ казней, безчисленныхъ арестовъ и заключеній въ отвратительныя «временныя» тюрьмы вродѣ Тайлергофа, куда были заключены съ начала войны тысячи украинцевъ — интеллигентовъ и крестьянъ.

Всѣ эти проявленія крайней національной нетерпимости и отсутствія пониманія уроковъ исторіи, наблюдаемая среди нынѣшнихъ представителей польской политической мысли, приводятъ автора къ неутѣшительному выводу, что «если несчастье допустить въ результатъ нынѣшней войны образование въ восточной Европѣ польскаго государства въ его историческихъ предѣлахъ, то это будетъ вторая Македонія, которая станетъ вѣчной угрозой европейскому миру». Однако онъ надѣется, что «народы, угнетаемые Польшей, найдутъ въ самихъ себѣ достаточно силы, національнаго сознанія и зрѣлости, чтобы разрушить общими усиліями эту новую польскую тюрьму».

Мы считали бы весьма полезнымъ ознакомленіе съ содержаніемъ интересной брошюры г. Украинуса и для многихъ русскихъ публицистовъ, съ легкимъ сердцемъ и съ еще болѣе легкимъ запасомъ свѣдѣній о фактическихъ отношеніяхъ Польши и Галичины берущихся толковать о польскомъ и украинскомъ вопросахъ.

М. Жученко.

Литературная лѣтопись.

Вышла изъ печати „Украинская проблема“ Мих. Могиланскаго. Ц. 20 к. Чистый доходъ поступитъ въ пользу украинскаго лазарета въ Петроградѣ. Складъ изданія: Петроградъ, Петрогр. стор., Большой просп., 1. „Украинскій базаръ“.

— Вышла брошюра А. Кащенко „Прогетьмана козацького Самійла Кішку“. Исторічне оповідання. Видання Т-ва

„Просвіта“ в Катеринославі, № 3. Ціна 12 коп.

— Редакціей „Придускаго Голоса“ приступлено къ изданію „Украинскаго народнаго календаря“.

— Проф. М. Чубинскій въ № 1 „Голоса Минувш.“ за 1916 г. далъ высокую оцѣнку изданной редакціей „Укр. Ж.“ книгѣ „Украинскій вопросъ“. Проф. Чубинскій отмѣчаетъ, что книга разо-

шлась очень быстро, и если этому способствовал пробудившийся интерес русского общества къ украинской проблемѣ въ связи съ занятіемъ Галичины русскими войсками, то въ меньшей мѣрѣ причины спроса на книгу были связаны съ ея достоинствами, какъ все-сторонне яснаго и объективнаго труда.

— Въ № 16 ярославскаго „Голоса“ помѣщена замѣтка М. Богдановича объ „Украинской Жизни“ за 1915 годъ.

— А. Кизеветтеръ въ № 38 „Р. Вѣд.“ помѣстилъ рецензію на книгу И. Б. Розенфельда „Присоединение Малороссіи къ Россіи (1654—1793 гг.). Историко-юридическій очеркъ. Изданіе Петроградскаго Политехническаго Института. Петроградъ. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.“. Рецензентъ говоритъ, что историки-юристы не разъ ставили вопросъ объ юридической природѣ совершившагося въ XVII в. соединенія Малороссіи съ Россіей и отвѣты получались разные. Г. Розенфельдъ подвергъ этотъ вопросъ специальному историко-юридическому изслѣдованію, результатомъ котораго явилось утвержденіе, что присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству представляло собой „неполную инкорпорацию“, которая затѣмъ въ теченіе XVIII столѣтія перешла въ полную. Рецензентъ однако полагаетъ, что „чисто историческіе результаты подобныя попытки подвести факты далекаго прошлаго подъ опредѣленныя категоріи современной юридической теоріи всегда оказываются слишкомъ спорными, слишкомъ ретуширующими подлинную историческую быль“.

— Въ № 1 „Русск. Мысли“ Дм. Муретовъ помѣстилъ „Этюды о націонализмѣ“. Статья эта вызвала откликъ въ русской прессѣ. Такъ, „День“ помѣстилъ статью Д. Койгена „Политическое изступленіе“ и статью С. М-ой „Эросъ и Минерва“.

— Проф. Сумцовъ въ № 13198 „Южнаго Края“ помѣстилъ „Этюды по челоѣвѣконенавистничеству“ по поводу статьи г. Муретова.

— „Речь“ въ № 60 въ статьѣ „Слѣпые и прозрѣвшіе“, принадлежащей перу Южанина, сопоставляетъ два явленія, наблюдаемая въ украинскомъ вопросѣ. Съ одной стороны, мѣстные люди правыхъ убѣжденій, какъ членъ Гос. Думы М. И. Коваленко, приходятъ къ сознанию необходимости введенія преподаванія на украинскомъ языкѣ въ школахъ Украины, къ введенію его, какъ предмета, въ средней школѣ и учрежденія въ университетахъ кафедръ

украиновѣдѣнія, отбрасываютъ, какъ негодную тряпку, призракъ „сепаратизма“,—официальные круги по-прежнему упорно воюютъ съ украинскимъ обществомъ, уничтожая все ростки украинской національной культуры. Такъ, уже въ текущемъ году закрыта послѣдняя „Просвіта“ и журналъ „Основа“.

— Въ „Одесскомъ Листкѣ“ А. Ничъ въ статьѣ „Національный вопросъ въ Россіи въ 1915 году“ утверждаетъ, что война многое измѣнила въ отношеніи русскаго общества къ національному вопросу. Благодаря войнѣ морально и теоретически національный вопросъ въ истекшемъ году, несомнѣнно приблизился къ справедливому своему разрѣшенію. Но въ то же время авторъ находитъ, что въ частности народъ украинскій ничего въ истекшемъ году не приобрѣлъ.

„Оставляемъ въ сторонѣ сочувственная украинцамъ резолюція, принятая на харьковскомъ съѣздѣ по устройству разумныхъ развлеченій, на ярославскомъ по вѣтшкольному образованію и на разныхъ другихъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ и земскихъ собраніяхъ. Все это бывало и въ предыдущіе годы, и никакого сдвига, никакой моральной побѣды недержавныхъ націй здѣсь усматривать нельзя“.

— Проф. Н. А. Гредескулъ въ „Голосѣ Юга“ помѣстилъ статью „Национальность и культура“. Признавая, что национальность—глубокий источникъ культуры, что пышный и богатый расцвѣтъ культуры является слѣдствіемъ свободнаго взаимодѣйствія между національными культурами, авторъ утверждаетъ, что въ многонаціональномъ государствѣ есть все данныя для богатаго расцвѣта культуры. Но для этого необходимо, чтобы политическая структура государства, не парализовала этихъ культурныхъ возможностей. Авторъ говоритъ, что Россія—какъ разъ такое многонаціональное государство, гдѣ политическая система преслѣдованія и угнетенія отдѣльныхъ національностей не даетъ развиваться культурѣ.

— Въ „Голосѣ Юга“ Н. В. Левитскій продолжаетъ знакомить елисаветградцевъ съ исторіей Новороссіи. Въ № 16 разсказана имъ исторія непонятнаго на первый взглядъ возникновенія „Новой Сербіи“ на землѣ, искони принадлежавшей запорожцамъ. Подъ „Новую Сербію“ была по приказу Елисаветы Петровны отрѣзана двадцативерстная полоса въ самомъ лучшемъ по плодородію и красотѣ уголкѣ края.

Населенію давался двухгодичный срокъ для переселенія, по истеченіи котораго выселеніе производилось принудительно. Созданіе „Новой Сербіи“ изъ чуждыхъ краю пришельцевъ, среди которыхъ много было всякаго сброда и авантюристовъ, являлось лишь

однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи мѣропріятій центрального правительства, направленныхъ къ уничтоженію Войска Запорожскаго, что и произошло черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1775 году.

Отъ украинскаго комитета помощи жертвамъ войны.

Украинскій комитетъ обращается къ сердцу народа украинскаго... Свыше милліона нашихъ земляковъ, бѣжавшихъ и выселенныхъ съ родныхъ мѣстъ, принуждены искать себѣ пристанища въ новыхъ мѣстахъ, часто среди чужой, непривычной обстановки. Много ихъ разбрелось по разнымъ мѣстамъ Украины, но еще болѣе ихъ отправлено было въ другія мѣста, съ чуждой имъ обстановкой, людьми, обычаями. Большая часть ихъ вышла лѣтомъ, не успѣвши захватить съ собой теплой одежды, и зима нежданной бѣдой нагрянула къ нимъ въ гости. Людямъ земли по преимуществу, имъ трудно было найти подходящій заработокъ и вообще приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Особенно тяжело положеніе украинцевъ-галичанъ, высланныхъ въ центральныя и восточныя губерніи. Передъ нами, на примѣръ, списокъ 253-хъ украинцевъ-галичанъ, поселенныхъ въ Симбирской губерніи. Въ этомъ списокѣ насъ поражаетъ обиліе извѣстныхъ именъ выдающихся украинскихъ общественныхъ дѣятелей, среди которыхъ есть даже профессора, депутаты и др. Комитету отъ очевидцевъ извѣстно, какъ эти люди, изъ которыхъ многіе занимали у себя на родинѣ видное общественное положеніе, страдаютъ отъ недоѣданія, холода, вообще антисанитарныхъ условій жизни.

Польскій комитетъ, отдѣленіе котораго имѣется въ г. Симбирскѣ, оказывалъ имъ только частичную и то случайную помощь. Но это была, конечно, только великодушная жертва, отрываніе средствъ отъ насущныхъ потребностей своихъ бѣженцевъ, и существенныхъ измѣненій въ жизнь тамошнихъ украинцевъ это внести не могло и не можетъ. Украинскій комитетъ помощи жертвамъ войны считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ напомнить всѣмъ тѣмъ своимъ землякамъ, которые еще пользуются относительнымъ благополучіемъ, что на насъ лежитъ долгъ помочь несчастнымъ. Мы должны помнить, что тамъ, въ Симбирскѣ,

въ Буинскѣ, въ Томскѣ, въ Троицкѣ, Орлѣ и др. мѣстахъ страдаетъ даже цвѣтъ нашей интеллигенціи; люди заболѣваютъ отъ ненормальныхъ условій жизни и даже въ болѣзняхъ не получаютъ ни откуда помощи за невозможностью сношеній съ родными и знакомыми. Украинцы въ Москвѣ организовались въ дѣлѣ помощи жертвамъ войны въ украинскій комитетъ подъ названіемъ „Московское О-во помощи населенію южныхъ губерній Россіи, пострадавшему отъ войны“.

Если бы всѣ украинцы, гдѣ бы они ни находились, объединились около этого о-ва, мы имѣли бы могучее средство въ дѣлѣ облегченія этого большого горя. Вѣдь если бы въ каждомъ уѣздномъ земствѣ на Украинѣ земскіе служащіе-украинцы настояли объ отчисленіи хотя бы ничтожнаго % ежемѣсячно въ пользу этого о-ва, мы имѣли бы около 1000 р. на каждый мѣсяць; если бы то же самое сдѣлалъ каждый кооперативъ въ каждомъ уѣздѣ, мы имѣли бы еще тысячи рублей (а вѣдь всѣхъ кооперативовъ на Украинѣ около 10,000); если бы въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ живутъ украинцы, устройствомъ спектаклей, концертовъ, лоттерей и пр., собрали бы хотя по сто рублей, мы имѣли бы новыя тысячи ежемѣсячно; пожертвованія, кружечные сборы и пр. были бы другимъ источникомъ для планомѣрной организаціи помощи жертвамъ войны, попеченіе о которыхъ взяло на себя наше Общество.

Около „Московского О-ва помощи населенію южныхъ губерній Россіи, пострадавшему отъ войны“, есть возможность объединиться въ дѣлѣ помощи всѣмъ живымъ украинскимъ силамъ, которыя чувствуютъ свой долгъ передъ братьями-земляками. Соберемъ же всѣ силы, всю энергію для выполненія этого долга (Приступимъ къ дѣлу помощи безъ всякаго промедленія, памятуя завѣтъ великаго филантропа: „Спѣшите дѣлать добро“).

Адресъ О-ва слѣдующій: Москва, уголь Воздвиженки и Нижне-Кисловскаго пер., домъ Брискорнъ, кв. 35, въ Московское О-во помощи населенію южныхъ губерній Россіи, пострадавшему отъ войны“.

Комитетъ Общества.

ВЖЕ ВИЙШОВ з друку й ПРОДАЄТЬСЯ

ПІДРУЧНИК АКТЬОРОВІ.

Часть. 1-ша.

Рациональні заходи про вироблення акторської техніки до міри артистичної у двох частинах з МАЛЮНКАМИ. Склад Юрій Мова.

Частина 1-ша: Загальний розгляд. Окремі чинники. Психологічний утір образу.

Ціна 60 к.

НЕЗАБОРОМ ВИЙДЕ ЧАСТИНА II-ГА.

Частина 2-га: Рух. Мова. Судільне сполучення. Ціна 2 карб.

Приймається попередня передплата на обидві частини з пересилкою 2 карб.

Набувати можна: Владивосток, Пушкінський театр. Юрій Мова, або: Київ, В. Володимирська, Крамниця „ЧАС“.

На-днях виходить в Москвѣ 2-й выпускъ

„Українського Наукового Збірника“.

Изд. Укр. Наукового Т-ва вь Києвѣ.

Содержаніе книги такое. Статьи: проф. Ф. К. Волкова—Про закрутки; проф. М. С. Грушевскаго—Новѣйшая литература по исторіи вел. кн. Литовскаго; Л. Орленка—Дѣло Ксеніи Розлачь (страничка изъ старой кievской жизни); В. П. Науменка—Жалованная грамота полтавскому полковнику Ив. Черняку 1718 г.; С. Ефремова—Изъ официальной литературы 60-хъ гг.; Ив. М. Стешенка—Русско-украинскія параллели вь творчествѣ Шевченка; В. Г.—Изъ семейныхъ отношеній вь Гетманщинѣ во 2-й пол. XVIII в. Документы и матеріалы. Критика и библиографія. Новости и науки литературы.

Мих. Могилянський:

Оповідання. Петроград, 1916 р. Ц. 50 к.

Художник слова (Памяти М. Коцюбинського). 1915 р. Ц. 10 к.

Украинская Проблема. Петр. 1916 г. Ц. 20 к.

Чистый дохід вь пользу украинскаго лазарета вь Петроградѣ.

Складъ изданія: Петроград, Петрогр. ст., Большой пр., № 1, „Украинскій Базарь“.

<http://lucl.kiev.ua/>

<http://lucl.kiev.ua/>

327/189

3750

<http://lucl.kiev.ua/>

